

Атака на память о Катастрофе

Антисемитизм,
связанный с Шоа,
в Баварии

RIAS Bayern

Отдел регистрации и обзора
информации по антисемитизму
в Баварии

Выходные данные

Выходные данные

Ассоциация «Просвещение и демократия» (Verein für Aufklärung und Demokratie e. V.) и ее проект RIAS Bayern, Абонентский ящик 33 08 42, 80068 München, Тел.: 089 1 222 340 60, info@rias-bayern.de Мюнхен 2024, тираж первый

Эту брошюру можно скачать на сайте rias-bayern.de, а также заказать в печатном виде бесплатный экземпляр, возместив почтовые расходы.

Ответственные согласно закону о печати:

Dr. Annette Seidel-Arpaci,
VAD – Verein für Aufklärung und Demokratie e.V.,
Schellingstr. 109a, 80798 München

Концепт и редакция

Recherche- und Informationsstelle Antisemitismus Bayern (RIAS Bayern): Felix Balandat, Eva Gruberová, Nikolai Schreiter, Annette Seidel-Arpaci.
Тексты, чьи авторы обозначены, не всегда отражают позицию RIAS Bayern.

Вычитка

Lars Fischer

Перевод

Alexandra Berlina

Печать

Senser Druck, Augsburg

Правообладатели иллюстраций

Если не указано иначе, права на изображения принадлежат RIAS Bayern или известным нам авторам фотографий.

Информация об авторских правах

© Авторское право Исследовательский и информационный центр по антисемитизму Баварии (RIAS Bayern 2024).

Все права защищены. Данная публикация предоставляется бесплатно в некоммерческих целях. Издатели сохраняют за собой авторские права. Распространение или воспроизведение, даже частичное, допускается только с письменного согласия издателей. Кроме того, необходимо правильно указать источник и отправить экземпляр в RIAS Bayern.

Ограничение ответственности

Информация в этой публикации собрана в соответствии с нашими знаниями и убеждениями. Издатели не несут ответственности за полноту и актуальность информации. Данная публикация содержит ссылки на сайты третьих лиц, на содержание которых мы не имеем влияния. Мы не несем ответственности за содержание этих сторонних сайтов. Соответствующие провайдеры или операторы сайтов всегда несут ответственность за содержание указанных или связанных сайтов.

Атака на память о Катастрофе

**Антисемитизм, связанный с Шоа,
в Баварии**

06	Предисловие
14	«Но ты был в Ковно!» Абба Наор
22	Подходы к пониманию Шоа и осмыслению
25	Геноцид?
27	Нацистский антисемитизм
32	Антисемитизм, связанный с Шоа, в Баварии
35	«Импфен махт фрай» – ковид и антисемитизм, связанный с Шоа
38	«Перестаньте делать то, что Гитлер делал с вами». Антисемитизм, связанный с Шоа и направленный против Израиля
42	«Снести мемориалы Холокосту!» Антисемитизм, связанный с Шоа, в рассылках
44	«Хватит врать!» Антисемитские инциденты в мемориальных комплексах
50	Экскурс 1. От Пёсинга до Палестины. Постколониальное посягательство на память о Шоа
51	Больше общего, чем обе стороны готовы признать
52	Постколониальная теория
54	Воображаемые запреты и чистота доктрины
55	Первосвященники культуры памяти и мусульмане как новые евреи
59	«Якобы антисемитизм» и еврейская «одержимость Холокостом»
62	Кассель: Антисемитизм? Какой еще антисемитизм?

- 64 Инструментализация «Глобального Юга» для
 маргинализации Шoa
- 66 Из университетов на улицы
- 71 Табу табу рознь!

76

Экскурс 2. Война в Украине и ее (потенциальное) влияние на культуру памяти Шoa в Германии

84

Политические противоречия, связанные с Шoa, с 1945 года

- 85 Антисемитизм в первые послевоенные годы:
 Избирательная амнезия
- 89 Прощение преступников, скудные выплаты жертвам
- 95 Эпидемия антисемитских граффити зимой 1959/60
- 102 Освенцимский процесс во Франкфурте, дебаты о сроках
 давности и установление дипломатических отношений с
 Израилем
- 103 «Добродетельный» антисемитизм западногерманских левых
- 106 Теракт на Олимпиаде 1972 года в Мюнхене и промахи
 немецких властей
- 108 Американский мини-сериал «Холокост» на немецком
 телевидении (1979)
- 109 1985: Речь Рихарда фон Вайцзеккера 8 мая и Битбургский
 инцидент
- 111 Диспут западногерманских историков в 1986–1987 годах
- 113 Раздвоение прошлого и политики посткоммунистической
 Европы
- 116 Выставка «Преступления вермахта», 1995–1999
- 119 1996 год: споры о книге Голдхагена
- 120 Освенцим как моральная дубина:
 Речь Мартина Вальзера в Паульскирхе, Франкфурт (1998)
- 123 Дело Мёллеманна (2002)
- 125 Изображая жертву

Экскурс 3. Бывший концлагерь в Дахау как мемориал

- 134 Реакция местного населения после освобождения лагеря
- 135 Скандал с лейтенбергскими захоронениями
- 138 Выставка в главном крематории
- 140 Предложение Хайнриха Юнкера закрыть мемориал в главном крематории (1955)
- 142 Протесты новых левых: 8 сентября 1968
- 144 Новые импульсы
- 146 Голодная забастовка немецких синти (1980)
- 147 Создание молодежного центра в Дахау
- 147 Основные инциденты с 2000 года
- 148 Попытки приравнять нацистские преступления к коммунистическому правлению в Восточной Германии
- 150 Перспективы

Концептуальные рамки и категории

Предисловие

«Германия преодолела свою историю нацизма.» «Антисемитизм – дело прошлого, сейчас он встречается только среди правых радикалов и исламистов.» «Давно пора подвести черту под дебатами о временах нацизма и сосредоточиться на актуальных проблемах.»

Высказывания такого рода звучат весьма часто: очень многие считают, что Германия всесторонне критически осмыслила свое нацистское прошлое – более того, что мемориальная культура Германии достойна подражания. Увы, это просто неправда. В тематических опросах многие соглашались с высказываниями в духе антисемитизма после Шoa.¹ «Антисемитизмом после Шoa» некоторые таксономии, включая используемую ассоциацией RIAS, называют проявления антисемитизма, связанные с Катастрофой. Это обозначение отражает важный факт: как минимум начиная с 9-го мая 1945 года антисемитизм любой формы и типа – это всегда антисемитизм после Освенцима, то есть антисемитизм, возвращенный и выражаемый в осознании Шoa и в отвержении того, что Адорно назвал «новым категорическим императивом», который «Гитлер наложил на несвободное человечество: мыслить и действовать так, чтобы Освенцим не повторился, чтобы никогда больше не случилось ничего подобного».²

В то же время термин «антисемитизм после Шoa» может вызывать некоторую

путаницу, не позволяя различать между антисемитизмом вообще, всегда мыслимым на фоне Шoa, и более конкретными антисемитскими отсылками к Катастрофе (ученые называют их вторичным антисемитизмом). Такие формы антисемитизма релятивизируют и тривиализируют Шoa (напрямую либо путем сравнения с другими трагедиями), меняют местами жертв и преступников (например, обвиняя евреев в Катастрофе или приравнивая обращение Израиля с палестинцами к уничтожению европейского еврейства нацистами), а также универсализируют контекст и подоплеку Шoa – вплоть до отрицания центральной роли антисемитизма в идеологии национал-социализма и в самой Катастрофе. В данной публикации речь пойдет о таких, напрямую связанных с Шoa, формах антисемитизма.

Многие чаще слышали термин «Холокост», чем «Шoa». Понятие «Холокост» постепенно распространилось после войны и приобрело широкую известность в Западной Германии после показа по телевидению одноименного американского мини-сериала в 1979 году.

Однако слово «Холокост» происходит от греческого *holokaustos* (дословно «сожженный дотла»), обозначающего жертву, приносимую на костре. Ассоциации с традиционным актом, в котором сожжение служит религиозной цели, не к месту в контексте уничтожения европейского еврейства немцами и их пособниками.

«Шоа» же – ивритское слово, означающее полное разрушение или всепоглощающую катастрофу. В Ишуве (еврейском поселении в Палестине) именно этим словом стали называть геноцид вскоре после его окончания. День памяти убитых евреев, отмечаемый в Израиле с 1959 года весной, за восемь дней до Дня Независимости, носит название Йом Ха-Шоа: День (памяти) Катастрофы. Слова «Шоа» также обязано своим распространением в Европе и Северной Америке кинематографу, а именно одноименному фильму Клода Ланцмана 1985 года. Этот двухсерийный документальный труд продолжительностью в девять с лишним часов основан на материалах, которые Ланцман начал снимать в местах убийств в Треблинке, Освенциме, Хелмно и Варшаве в 1973 году, и почти полностью состоит из подробных интервью с пережившими Катастрофу, с ее безучастными свидетелями и ее вершителями. И по сей день всем, кто искренне хочет получить представление о чудовищности Шоа, обязательно стоит посмотреть этот фильм – а также прочесть мемуары выживших, особенно Примо Леви и Фреда Вандера.³

К сожалению, на Западе распространение термина «Шоа» привело к непреднамеренным последствиям – а именно к размыванию смысла термина «Холокост». Желая релятивизировать Катастрофу стали называть словом «Холокост» множество преступлений против множества групп жертв, не упоминая только одну из этих групп – евреев. Эту тенденцию ярко иллюстрирует мейл, разосланный в 2019 году Профсоюзом университетов и колледжей (UCU) Великобритании. Эта организация, известная большим стажем антисемитской деятельности, призвала свои отделения посетить мероприятия, посвященные Дню памяти жертв Холокоста (27 января, в годовщину освобождения Освенцима). В мейле были подробно перечислены различные группы жертв, чью память следовало почтить: «Члены профсоюзов, включая социал-демократов и коммунистов, были среди первых жертв преследования со стороны нацистов после прихода Гитлера к власти в 1933 году. Преследованиям также подверглись: рома и синти; «асоциальные элементы» (нищие, алкоголики, наркоманы, проститутки и пацифисты); чернокожие; инвалиды; масоны; геи и лесбиянки; свидетели Иеговы; поляки нееврейского происхождения и славянские военнопленные.» Кроме того, была дана ссылка на сайт, посвященный Дню памяти жертв Холокоста, и также не упоминающий уничтожение европейского еврейства.⁴ Возвращение к этимологически менее подходящему термину «Холокост» в контексте еврейской культуры памяти – не лучшее противодействие подобной

апроприации. И все же стоит помнить, что даже сейчас многие не знакомы с термином «Шоа». По-русски известнее его прямой перевод – Катастрофа. Тем не менее, в этой публикации мы будем в основном пользоваться понятием «Шоа».

Широкое распространение антисемитизма, связанного с Шоа, фиксируется опросами и исследованиями – и, разумеется, отражается в современном еврейском быту. Для систематического решения этой проблемы делается крайне мало. В частности, по сей день педагогическое образование в Германии отнюдь не всегда готовит к обсуждению Шоа на уроках.⁵ Существующее – далеко не достаточное – общественное и теоретическое осмысление нацистских преступлений в Германии регулярно подрывается доминантой семейной истории: большинство семей склонны воспринимать нацистское прошлое в основном (и часто исключительно) в контексте реальных или воображаемых страданий собственных предков во время или после Второй мировой войны.⁶ Напоминание о (со)участии в нацистских преступлениях часто вызывает защитную реакцию. В результате призывы к критическому осмыслению Шоа встречают отпор – включая утверждение, что значение и влияние этого события намеренно преувеличено евреями и/или государством Израиль, чтобы навязать Германии чувство вины и использовать его для собственной выгоды.

Хорошая иллюстрация этого отпора и приписывания себе статуса жертвы – протесты антипрививочников в Германии, которые приравнивали реальные или мнимые меры против пандемии ковида к антиеврейской политике нацистов. Постоянно растущая потребность еврейских учреждений по всей Германии в мерах безопасности также не согласуется со столь популярным утверждением о мире и взаимопонимании между евреями и неевреями в Германии.

Существующая (и, повторимся, недостаточная) мемориальная культура Германии обязана, своим существованием прежде всего взаимодействию двух основных факторов. Во-первых, пережившие Шоа неустанно и непоколебимо работали над тем, чтобы преступления нацистской Германии не были забыты. Во-вторых, после конца войны союзники недвусмысленно дали понять, что реабилитация Германии на международной арене будет зависеть от ее отношения к пережившим Шоа евреям. Требования самих выживших мало кто в Германии готов был слушать – но вот игнорировать требования союзников было нельзя. Мнение международного сообщества играло центральную роль во всех релевантных дебатах. Первый канцлер Западной Германии Конрад Аденауэр неоднократно ссыался на реальные или воображаемые требования «заграницы» и международное давление, чтобы убедить своих коллег в необходимости согласиться на якобы неоправданные «уступки».

В последние годы возникшая в Германии благодаря союзникам и выжившим культура памяти все чаще подвергается нападкам – со стороны консерваторов и ультраправых, но все чаще и со стороны тех, кто на современном американском наречии назвал бы себя «прогрессистом» (progressive): представителей левого спектра, простирающегося от сталинистов старого образца, «новых левых», либерал- и социал-демократов до последователей некоторых постмодернистских и постколониальных течений. Последние утверждают, что беспрецедентность Шоа сильно преувеличена, и что это преувеличение мешает сравнивать Катастрофу с другими случаями массового насилия и геноцида. Более того, по мнению постколониалистов немцы якобы настолько одержимы Шоа, что не в состоянии даже задуматься о других своих исторических преступлениях – таких, как колониальные геноциды. Чтобы вписать Шоа в свою концептуальную схему, эти «прогрессисты» игнорируют и/или отрицают то, что антисемитизм был основным ядром нацистской идеологии, и универсализируют Катастрофу европейского еврейства, не признавая ее неотрывность от немецкого контекста.

Все это не ново. Во многом это возвращение к дискуссии, которая казалось оконченной десятилетия назад. Стремление тривиализировать нацистское прошлое красной нитью проходит через всю историю послевоенной (Западной) Германии,⁷ вызывая череду споров об интерпретации и культуре памяти.

Многочисленные попытки релятивизировать преступления нацистов и переписать историю свидетельствуют о том, насколько тяжело немецкому обществу давалось и дается осмысление истории нацизма.

Изначально и широкая общественность, и немецкие ученые просто игнорировали Шоа, а новаторские работы еврейских историков отвергались как ненаучные или предвзятые – евреи якобы были слишком вовлечены в эту тему, чтобы здраво о ней рассуждать. Только в 1990-х годах немецкие ученые искренне осознали, что нельзя говорить о национал-социализме, не учитывая центральной роли антисемитизма в его идеологии и практике. На протяжении десятилетий судебная система (за некоторыми позитивными исключениями) больше препятствовала, чем способствовала преследованию нацистских преступлений. Судопроизводство всерьез взялось за дело только, когда большинство вершителей Шоа и тех, кто нажился на нацистском режиме, умерли или состарились настолько, что могли быть приговорены разве что к символическим срокам и когда многие считали их достойными скорее жалости, чем наказания. Только в 1998 году коллективный иск против немецких предприятий, поданный в американский суд, заставил воссоединенную Германию произвести индивидуальные компенсационные выплаты пережившим Шоа, которые не были гражданами Германии (в частности, жителям Восточной Европы). К тому времени лишь немногие из них оставались

в живых. Частичное возвращение награбленных произведений искусства их законным еврейским владельцам и их наследникам тянется до сих – и непохоже, что в ближайшее время будет принят закон, который упорядочит и ускорит этот процесс. Итак, Германии еще далеко до культуры памяти, которая действительно отражает нацистскую историю в целом и в особенности Шоа. Тем не менее, Германию почти повсеместно превозносят как образец для подражания по части «осознания прошлого» – и постоянно растет число все более агрессивных заявлений о том, что по части мемориальной культуры Германия перегнула палку.⁸

Открытое отрицание Шоа может преследоваться в Германии по закону и остается относительно редким явлением – однако заявления, релятивизирующие Шоа, растут в геометрической прогрессии, равно как и призывы наконец-то подвести черту под нацистским прошлым. Качественно ново в этом развитии ярко выраженное сочувствие таким призывам и заявлениям со стороны «прогрессистов». Разработанный ими дискурс позволяет не только отбросить Шоа как важнейшую точку отсчета, но и демонизировать тех, кто посвящает себя памяти об уничтожении европейского еврейства. Опираясь на постколониальные подходы, они изображают Израиль как поселенческий колониальный проект, реализующий режим апартеида. Как показали некоторые шокирующие отклики на геноцидное массовое убийство, совершенное ХАМАС в Израиле

7 октября 2023 года, такая позиция успела стать основной в гуманитарной и социальной научной среде Великобритании и США – а университеты, левые активисты, интеллектуалы и культурные деятели Германии стараются не отставать. Как показали недавние события, призыв освободить Палестину от «немецкой вины» перестал быть исключительно ультраправым лозунгом. Теперь этот же клич можно услышать и от левых.

В мае 2019 года Бундестаг постановил, что антиизраильское движение BDS (Boycott, Divestment, Sanctions: Бойкот, изоляция и санкции) является анти-семитским. Это постановление стало важной вехой, но вызвало значительное сопротивление. Множество теоретиков и деятелей культуры, инициатив и институтов выступили в защиту движения BDS, демонизирующего Израиль. Эти усилия неразрывно связаны с нападками на культуру памяти Шоа – ведь государство Израиль возникло и было признано в том числе и потому, что Катастрофа самым страшным образом доказала потребность еврейского народа в государстве, где он сможет себя защитить.

Антиизраильские тенденции в Германии достигли первой кульминационной точки на *documenta* – всемирно известной выставке современного искусства, которая проходит раз в пять лет. С июня по сентябрь 2022 года город Кассель (Гессен) принимал *documenta 15*. В основе выставки лежали знакомые упрощенные антиимпериалистические клише в своей антирасистской / постколониальной

инкарнации. На первый план при этом выходили антисемитские ассоциации, которые давно уже в той или иной степени резонируют с антиимпериалистическими концепциями. Самым нашумевшим примером стал триптих *People's Justice* («Народное правосудие»), представленный индонезийским коллективом Taring Padi.

Подобные события все чаще определяют работу Отдела регистрации и обзора информации по антисемитизму в Баварии – RIAS Bayern – и объясняют подоплеку многих антисемитских инцидентов, которые мы документируем. Именно поэтому мы создали эту публикацию. Ее первая версия вышла на немецком языке еще до геноцидного массового убийства, совершенного ХАМАС 7 октября 2023 года. Это чудовищное преступление – наряду с пугающей реакцией многих постколониальных и леволиберальных теоретиков и активистов, а также с отсутствием реакции со стороны тех, кому обычно есть что сказать об Израиле, нацизме и Шоа – самым жестоким образом подтвердило своевременность нашей публикации. Распространение постколониальных концепций и идей, которые мы критикуем на этих страницах, позволяет «прогрессистам» по всему миру встречать геноцидные преступления против евреев с безразличием или даже энтузиазмом – потому что евреи якобы «белые», а значит, по определению угнетатели. Самая страшная геноцидная атака на евреев со времен Шоа приводит этих людей к выводу не

о том, насколько евреям необходимо собственное государство, а о том, что это государство нужно стереть с лица земли.

Ужасные события 7 октября 2023 года также еще раз подтвердили давнюю истину: антисемиты любят обвинять евреев в том, что они сами хотели бы или собираются сделать с евреями. Например, на протяжении многих лет Израиль без каких-либо видимых эмпирических оснований регулярно обвиняли в детоубийстве – хотя на деле это ХАМАС обезглавливал детей в Кфар-Азе и похитил десятки израильских несовершеннолетних. На момент написания этой статьи более 130 преимущественно гражданских израильских заложников, включая годовалого Кфира Бибаса и четырехлетнего Ариэля Бибаса, все еще находятся в плену в Газе.

Об абсурдности и аморальности подхода «прогрессистов» к Шоа говорят и следующие обстоятельства: ведущие постколониалисты, потратившие годы на борьбу против воображаемых табу (в особенности ратуя за утверждение, что Шоа ничем не отличается от любого другого случая массового насилия), с 7 октября ревностно охраняют свое собственное табу. Ни в коем случае, настаивают они, нельзя проводить параллелей между этим массовым убийством и Шоа. Между ними нет абсолютно ничего общего – за исключением разве что того, что оба явления не имеют никакого отношения к антисемитизму. Мы обсудим это утверждение подробнее в нашем первом

тематическом исследовании, посвященном постколониальному посягательству на память о Шоа.

Но сначала мы предоставим слово Аббе Наору, пережившему Катастрофу. Он расскажет о своих столкновениях с антисемитизмом в послевоенной Баварии и предложит свою оценку текущей ситуации (еще до массового убийства 7 октября). Затем мы обсудим, какие способы понимания и осмысления Шоа мы считаем полезными, и объясним, как и почему отказ признать ее беспрецедентный характер переходит в антисемитизм. Далее будут представлены антисемитские инциденты в Баварии, задокументированные с января 2019 по июль 2022 года, и хронология политических переломных моментов, в особенности ключевых попыток подрыва немецкой мемориальной культуры. Эти разделы перемежаются тремя тематическими экскурсами. Первый посвящен постколониальному отрицанию беспрецедентности Шоа; второй – тому, как захватническая война России против Украины начала влиять на культуру памяти; третий – тому, каково в рамках немецкой, и в частности баварской, политики памяти пришлось мемориальному комплексу лагеря в Дахау.

- 1 Подробнее об этом термине мы поговорим на следующих страницах.
- 2 Theodor W. Adorno: Negative Dialektik. Jargon der Eigentlichkeit. Frankfurt am Main 2013, с. 358. Название «Освенцим» часто используется не только для обозначения конкретного лагерного комплекса, но, *pars pro toto*, в качестве отсылки к Шоа. Более всего известен своим лагерем смерти (Auschwitz Birkenau), Освенцим под

Краковом также включал в себя «обычный» концлагерь, лагерь принудительных работ, обслуживающий крупнейшие индустриальные комплексы, и множество вспомогательных лагерей.

- 3 Примо Леви «Человек ли это?» (М.: Текст, 2001) и «Передышка» (М.: Текст, 2002); перевод Елены Дмитриевой. Книга «Der siebnte Brunnen» («Седьмой колодец») Фреда Вандера на русский не переведена; существует перевод на английский: Fred Wander, *The Seventh Well: A Novel*, переводчик Michael Hofmann (London: Granta, 2008).
- 4 См. Daniel Sugarman, «University and College Union apologises after failing to include Jews on list of groups of Holocaust victims», *Jewish Chronicle*, 2 октября 2019, www.thejc.com/news/university-and-college-union-apologises-after-failing-to-include-jews-on-list-of-groups-of-holocaust-victims-wtzhnpt5#.
- 5 Amory Burchard, «Umgang mit Nationalsozialismus: Hochschulen ignorieren den Holocaust», *Tagesspiegel*, 4 июля 2017, www.tagesspiegel.de/wissen/umgang-mit-nationalsozialismus-hochschulen-ignorieren-den-holocaust/13823598.html.
- 6 См. Harald Welzer, Sabine Möller, Karoline Tschuggnall: «Opa war kein Nazi»: *Nationalsozialismus und Holocaust im Familiengedächtnis* (Frankfurt am Main: Fischer, 2005), 210. AJC опубликовал англоязычное резюме результатов этого исследования (*Grandpa was not a Nazi: The Holocaust in German Family Remembrance*), также в 2005 году.
- 7 Вопрос о том, как проблема нацистского прошлого решалась в Восточной Германии, выходит за рамки данной публикации. Официально Восточная Германия претендовала на роль антифашистского государства – «другой», лучшей Германии. Сражаясь вместе с Красной Армией, немецкие антифашисты якобы победили «диктатуру Гитлера». Национал-социализм был подведен под общую категорию фашизма и таким образом универсализирован – тема антисемитизма тем самым утратила всякое значение. В официальной восточно-германской культуре памяти о нацистском прошлом Шоа играла незначительную роль: национал-социализм обсуждался в первую очередь в контексте антифашистской классовой борьбы. Только в 1988 году коммунистический режим, стремясь улучшить свою международную репутацию, начал проявлять некоторый интерес к еврейской истории и еврейским жертвам именно как к жертвам антисемитизма.
- 8 В 1950-х годах в Западной Германии возникла концепция *Vergangenheitsbewältigung* (дословно «освоение или преодоление прошлого»). Наиболее положительная интерпретация концепта: готовность осознать прошлое, искренне проработав его и позаботившись о том, что подобные преступления не повторяются. Более критическая интерпретация: желание примириться с собственными преступлениями или как минимум замаять их. Большинство жителей Германии предпочитает последний вариант действий – но вытесненная память неизбежно возвращается и будет возвращаться: в лучшем случае в виде скандалов и дискуссий, но все чаще и в виде откровенного антисемитского насилия.

«Но ты был в Ковно!»

Абба Наор

Абба Наор

Фото: Нильс П. Йоргенсен

Абба Наор родился 21 марта 1928 года в литовском городе Ковно. Ему было тринадцать лет, когда в первую неделю августа 1941 года город захватили немцы и его семью отправили в гетто. В том же году он был депортирован в концентрационный лагерь Штуттгоф, а оттуда – в один из вспомогательных лагерей комплекса Дахау, находившийся в Ландсберге-на-Лехе. 2 мая 1945 года американские войска освободили семнадцатилетнего подростка недалеко от Ваакирхена в Верхней Баварии. Из семьи, состоявшей из пяти человек, выжили только он и его отец. Абба Наор отправился в Ишув, где вступил в Хагану (еврейское ополчение). В 1948 году он участвовал в Войне за Независимость Израиля, позже в спасении эфиопских евреев. Выйдя на пенсию, он занялся просветительской работой: вот уже почти три десятилетия он регулярно ездит из израильского города Реховот, где он живет, в Мюнхен, чтобы проводить в школах беседы с подростками о национал-социализме и Шоа. В 2017 году он сменил умершего Макса Мангеймера, также пережившего Шоа, на посту вице-президента Международного комитета Дахау (CID).

Как однажды метко выразилась философ Ханна Арендт: чтобы не столкнуться с антисемитизмом, нужно отправиться на луну. Однако когда 29 ноября 1947 года Ассамблея ООН, основываясь на планах своей предшественницы, Лиги Наций, даровала евреям новый дом, луну она им предложить не могла. Вместо этого Ассамблея приняла решение о разделе Палестины, предоставив еврейскому

государству часть территории, управляемой британским мандатом: Эрец-Исраэль, где иудейские племена и этнические евреи жили с незапамятных времен.¹ Однако уже через несколько часов после провозглашения независимости Израиля, опубликованного в полночь 14 мая 1948 года, армии Трансиордании, Ирака, Ливана, Египта и Сирии атаковали новую страну. Среди консультантов арабских войск были бывшие руководители СС. Из 193 государств, признанных на тот момент ООН в качестве законных субъектов, все до единого признали национальную независимость Израиля, закрепив ее в международном праве. Нападение арабских армий явно нарушило его. Всем тем, кто хочет стереть с лица земли еврейское государство на Ближнем Востоке, не мешало бы помнить об этом. Впрочем, не могу сказать, чтобы я много размышлял о международном праве, когда мы сражались в Негеве или пытались добраться до Иерусалима. Мы просто боролись за выживание. Двадцатилетний литовский еврей, переживший Катастрофу, я всегда держал в кармане запасной патрон. Командиры очень советовали нам приберечь его для себя.

Важно отметить, что арабо-израильский конфликт никогда не был чисто территориальным по своей природе. Как показали погромы в XIX веке и ранее, враждебность арабов к Израилю, к нам, порождена давней ненавистью к евреям на Ближнем Востоке и в других странах с мусульманским большинством – ненавистью, которую затем еще больше распалили нацисты. В этом

смысле остроумная Ханна Арендт была совершенно права: даже в еврейском государстве Израиль нам не скрыться от антисемитизма. Однако без Израиля евреи, рассеянные по миру в диаспоре, оказались бы гораздо беззащитнее; им некуда было бы бежать, окажись они в опасности. Государство Израиль с самого первого дня было вынуждено защищать себя военным путем. И до сих пор ему приходится иметь дело с ракетными обстрелами и взрывами смертников, которые совершают такие террористические группировки, как палестинский ХАМАС или иранская марионетка Хезболла. Все эти атаки преследуют только одну цель: уничтожение еврейского государства Израиль. Как и во всех войнах, задействовано не только оружие, но и слова, и идеи – в самом Израиле, в Европе и в США. У наших врагов много союзников и сторонников по всему миру, в том числе и в Германии – стране, совершившей Шоа. Союзники наших врагов – члены правых и крайне правых групп, которые продолжают расиализирующую² ультранационалистическую идеологию нацистов и некоторые из которых не гнушаются убийствами во имя своей цели. На федеральных выборах 2017 года представители этих групп попали в Бундестаг. Союзники наших врагов – мусульманские демонстранты, которые маршируют по немецким улицам, скандируя «Хамас, Хамас, евреев в газ», иногда в ногу с крайне левыми активистами, причастными к жестоким нападениям на евреев и еврейские учреждения в Западной Германии 1970-х годов. Союзники наших врагов – те, кто пытается выдать

свой антисемитизм за антисиионизм и (с немалым успехом) направляет свои силы на делигитимацию Израиля, на снижение его международной репутации и демонизацию еврейского государства как расистского апартеида. Многие из них любят приравнять политику Израиля к политике нацистов.

Память о случившемся? Вот уж чего большинство немцев после войны совершенно не желали. И более всего не желали знать страшных подробностей. После 1945 года немцы стремились оставить все позади и убедить международное сообщество в своей невинности; люди старались знать о произошедшем как можно меньше. Ненависть к евреям продолжала существовать, совершались нападения на еврейских перемещенных лиц.³ Немногие вернувшиеся немецкие евреи, а также евреи, пережившие Шоа и бежавшие в послевоенную Германию от широко распространенного антисемитского насилия в Восточной Европе, не были встречены с распростертыми объятиями. Многие немцы видели в нас не жертв нацизма, а торговцев на черном рынке и ростовщиков. Карл Шарнагль, мэр Мюнхена с 1945 по 1948 гг. и один из основателей весьма консервативной партии CSU (ХСС: Христианско-социальный союз), называл еврейских перемещенных лиц «тунеядцами и отбросами общества». Большинство немцев интересовало примирение не с жертвами, а с виновными – с собой и друг с другом.

Особенно ясно я это осознал благодаря одной поразительной встрече в полицейском участке в Мюнхене, на Эттштрассе. Лагерь перемещенных лиц, располагавшийся прямо в Немецком музее на Изаре, подвергся облаве из-за того, что некоторые его жители торговали на черном рынке. Я был арестован и провел четыре дня в камере с двадцатью другими перемещенными лицами. Когда меня освободили, я узнал полицейского, проходившего мимо меня по лестнице. Я замер: «Йордан?» Потом крикнул: «Ты же был в Ковно! Он был полицаем на улице Кестучио!». Йордан испугался и побежал вниз по лестнице. Когда я обратился к его озадаченным коллегам, они лишь пожали плечами и отвернулись. Йордан был убийцей. В гетто он организовал «веселый тир»: стреляли по бутылкам, которые мы, евреи, должны были держать на голове. Не одна шальная пуля попала в лицо. Хорошо известно: за редким исключением, нацисты продолжали делать карьеру в политике, экономике, культуре, медицине, юридической системе и силовых структурах. Они спокойно жили в демократической Западной Германии, и никто их не трогал.

Моя вторая жизнь – жизнь после выживания – началась в лагере для перемещенных лиц в Ландсберге-на-Лехе. Это тот самый город, где Гитлер написал «Майн Кампф», находясь в тюрьме после попытки переворота 1923 года. «Don't Take Your Guns To Town» (не берите оружие в город) – так звучало указание американским солдатам авиабазы Пенцинг в 1950-х годах, когда они получали

Я не мог больше этого выносить и вмешался. Я сказал им, что моя страна не хотела этой войны. Нам приходится воевать, чтобы защититься от арабских соседей, которые хотят стереть нашу страну с лица земли. Что же нам остается, спросил я их – просто бездействовать? Не можем же мы жить в море. Больше они не приходили.

увольнение в город. Среди этих солдат был Джонни Кэш, который потом написал популярную песню под названием «Don't Take Your Guns To Town». Впрочем, это было намного позже [в 1958] – к тому времени, как вышел этот хит, напряженность между местным населением и перемещенными лицами практически рассеялась, а я давно жил в Израиле...

Вернемся в 1945 год. Союзники основали лагерь в бывшей казарме вермахта – Saarbürgkaserne – 9 мая 1945 года. Здесь одновременно находилось до 7 000 переживших Шоа. В 1946 году еврейские перемещенные лица, устав сталкиваться с враждебностью местного населения, устроили восстание. Здесь, как и повсюду в Баварии, люди не испытывали симпатии к выжившим евреям; перемещенные лица мало контактировали с населением

города и его окрестностей. Общались мы практически только с местными крестьянами, выменивая у них мясо и картофель на сигареты, шоколад и кофе, которые получали от американцев.

Лагерь перемещенных лиц в Ландсберге был особенным местом. Можно назвать его зародышем государства Израиль. Именно из Ландсберга происходила (в основном, нелегально) иммиграция переживших Шоа в Палестину. В конце октября 1945 года Давид Бен-Гурион приехал в наш лагерь, чтобы мобилизовать поддержку для создания еврейского государства. Кибуц в Ландсберге назывался Лохамей-ха-Гетаот, «Бойцы гетто», в честь восстания в Варшавском гетто в апреле 1943 года.⁴ Я присоединился к более левой из двух сионистских партий в лагере. Руководимая членами Еврейской бригады, которая в составе британской армии помогла победить Германию, моя партия сплоченно занималась подготовкой перемещенных лиц к алии в Эрец-Исраэль.

В кибуце нас готовили к напряженной работе в сельском хозяйстве, которую мы должны были выполнять в Земле Обетованной. Но это было еще не все. Однажды меня позвали на встречу с гостем, которого я никогда раньше не видел. Он закрыл за мной дверь, велел мне сесть за стол и положил передо мной Библию и пистолет. Я должен был возложить на них руки и принести присягу – так я, восемнадцатилетний юноша, стал членом незаконного сионистского ополчения, Хаганы, созданной в 1920

году для защиты Ишува от нападений арабов. Затем я вступил в Еврейскую бригаду и попытался нелегально попасть в Палестину, но британцы перехватили наш корабль. В течение года я был интернирован на Кипре, затем добрался наконец до Хайфы. Прослужив разведчиком Хаганы и солдатом в Войне за независимость, я в конце концов поступил на работу в органы безопасности.

Мне бы хотелось, чтобы немецкая мемориальная культура признала работу и достижения кибуца в Ландсберге – например, открыв музей на его территории. Для этого хорошо бы подошло здание, где в конце войны содержались в тюрьме нацистские военные преступники. Кстати, тогда немецкие политики и церковные деятели выступали за их освобождение, в том числе даже выходя на демонстрации...

В 1967 году мы с семьей переехали из Реховота в Мюнхен. То, что не все в Германии были нам рады, стало ясно, когда я узнал, что воспитательница в детском саду заперла мою внучку Дану в туалете. Или, например, когда в ответ на жалобу на запоздавшую доставку в мебельном магазине, я услышал злобное: «Что вы вообще здесь делаете?». Рада мне была разве что пивоварня Löwenbräu: я снимал модный бар Stop In в фешенебельном районе Швабинг, оборот был отличный. Среди моих завсегдатаев были левые студенты с революционными замашками, считавшие себя весьма просвещенными. После Шестидневной войны их волновал конфликт на Ближнем Востоке, и они

часто громко обсуждали злодеяния, якобы совершаемые государством Израиль, и мнимое угнетение палестинцев. Израиль – агрессор, Израиль изгоняет палестинцев, Израиль то, Израиль это... Я не мог больше этого выносить и вмешался. Я сказал им, что моя страна не хотела этой войны. Нам приходится воевать, чтобы защититься от арабских соседей, которые хотят стереть нашу страну с лица земли. Что же нам остается, спросил я их – просто бездействовать? Не можем же мы жить в море. Больше они не приходили.

Молодые люди просто подчинялись силе привычки и условностей: евреи всегда были угнетенным меньшинством, а тут, после Шестидневной войны, они вдруг перестали быть жертвами. Эти юные немцы впитали антисемитизм с молоком матери. Некоторые из подобных ребят позже учились похищать израильские самолеты у Арафата и палестинских террористов. Мой пятилетний брат Берале и моя мама погибли в газовой камере в Освенциме-Биркенау. Когда я узнал, как воспитательница детского сада обращалась с моей внучкой, нам стало ясно, что мы вернемся в Израиль – луна, увы, все еще была необитаема...

Много лет спустя я начал вносить свой вклад в немецкую мемориальную культуру в качестве очевидца-рассказчика, регулярно летая из Реховота в Мюнхен. Как бы проблематична ни была существующая в Германии культура памяти, она необходима. Мы должны защищать ее от тех, кто хочет ее разрушить, будь

то левые или правые политические деятели, исламисты или почтенные бюргеры. Последним, кстати, есть над чем работать. Взять, например, христианские церкви: я часто смотрю проповеди, транслируемые по телевидению, в тщетной надежде, что проповедники скажут хоть слово против нынешнего антисемитизма, хоть слово о праве Израиля на существование. В конце концов, именно христианский антииудаизм помог проложить путь к геноцидному антисемитизму нацистов...

Недавно праздновалось 1700-летие еврейской жизни на территориях, которые сейчас составляют Германию – мероприятие, задуманное с самыми лучшими намерениями. Но я заметил, что выступающие из сферы политики и культуры постоянно ссылались на вклад «еврейских сограждан» в немецкую культуру. Не желая того, они этой формулировкой только углубляли разрыв между еврейскими и нееврейскими немцами.⁵ Евреи были не «согражданами», а полноценными немцами. Они не просто «вносили вклад» в немецкую культуру – многие из них были неотъемлемой ее частью, а также частью политического и интеллектуального развития Германии. Многие сражались за Германию в Первой мировой войне. По-видимому, нам не стать совсем своими, что бы мы ни делали. Я бы хотел, чтобы – говоря, например, о достижениях науки и культуры – евреев наравне с другими просто называли по имени и фамилии, а не подсчитывали как отдельную группу. Мне 95 лет, и вряд ли я дождусь исполнения этой мечты.

Мы – не образцы коллективного типа, воображаемые антисемитами того или иного толка. Мы индивидуумы.

Лично я заключил мир с Германией – благодаря знакомству с такими немцами и немками, как вторая жена моего отца, с которой он жил в Мюнхене после 1945 года. Она, нееврейка, была замечательным человеком. Фонд мемориальных комплексов Баварии также сыграл положительную роль. Он приглашает переживших Шоа посещать школы в качестве очевидцев; благодаря ему я пообщался с тысячами учеников и учениц. После этого позитивного опыта меня тем более шокирует нынешнее распространение антиеврейских настроений в немецком обществе – например, в контексте протестов антипрививочников, оживляющих вековые мифы о еврейском заговоре.

То, что мы сейчас называем культурой памяти Германии – плод напряженной борьбы. Эта культура никогда не пользовалась широкой поддержкой общества в целом. Даже политический класс стал принимать ее лишь постепенно. И потому особенно циничны нападки на мемориальную культуру, ставящие под сомнение факты в попытке релятивизировать Шоа – исходи они со стороны консерваторов, левых историков или газетных политологов. При всем моем уважении к тому меньшинству немцев, которое действительно осознало преступления нацистов, приходится признать, что большинство этого не сделало. Неудивительно, что Германия сталкивается с растущим числом антисемитских

преступлений и инцидентов – начиная от дискриминации еврейских девочек и мальчиков в школах и заканчивая терактами: вспомним нападение на синагогу в Галле в 2019 году.

Моя единственная надежда – это молодежь. Поэтому с 1990-х годов я как очевидец выступаю перед подростками в баварских школах. Я стараюсь донести до них информацию о преступлениях нацистов, привить им иммунитет против антисемитизма и способствовать пониманию государства Израиль. Общение с молодежью доказывает: мемориальная культура Германии, при всех ее проблемах, необходима для борьбы с антисемитизмом. В этой борьбе нам, евреям – как в Израиле, так и в Германии – нужны надежные партнеры, и я благодарен организации RIAS Bayern за ее инициативу по подготовке этой публикации. Очень приятно иметь таких союзников: ведь мы не можем и, честно говоря, не хотим переселяться на луну. Мы остаемся на земле, как оставались на протяжении тысячелетий – не в последнюю очередь благодаря поддержке друзей.

Моя единственная надежда – это молодежь. Поэтому с 1990-х годов я как очевидец выступаю перед подростками в баварских школах. Я стараюсь донести до них информацию о преступлениях нацистов, привить им иммунитет против антисемитизма и способствовать пониманию государства Израиль.

Моя единственная надежда
– это молодежь. Поэтому с 1990-х
годов я как очевидец выступаю
перед подростками в баварских
школах. Я стараюсь донести до
них информацию о
преступлениях нацистов,
привить им иммунитет против
антисемитизма и способствовать
пониманию государства
Израиль.

- 1 Эрец-Исраэль – традиционное (встречающееся, в частности, в Торе) ивритское название Земли обетованной, обещанной израильтянам. В рамках политического сионизма многие стали использовать этот термин для обозначения предполагаемого еврейского государства в Палестине (позже – государства Израиль).
- 2 Расиализация – приписывание расы извне, часто противоречащее научной реальности и/или самоидентификации группы.
- 3 В конце войны союзники классифицировали около двенадцати миллионов человек, перемещенных Второй мировой войной, как перемещенных лиц. Среди них были бывшие узники лагерей и рабы, а также еврейские перемещенные лица. Последние, большинство из которых были выходцами из Польши, Литвы, Украины, России, Венгрии, Румынии и Чехословакии, получили обозначение Шеэрит ха-плетях (Остаток пощаженных).
- 4 Одноименный кибуц существует в Западной Галилее. Кибуц (слово на иврите означает «собрание», «ассамблея», «коммуна») – это эгалитарное кооперативное поселение, в котором не предполагается существование частной собственности, а повседневная жизнь организована коллективно.
- 5 Немецкий термин *Mitbürger* предполагает некое различие между собственно гражданами (просто *Bürger*) и отдельной категорией «сограждан» или «соотечественников». Исторически сложилось так, что немецкая правовая система различала между гражданством и национальностью – наподобие Советского Союза. (Для сравнения: обладающей гражданством житель Америки – американец, независимо от этнического происхождения, места рождения, цвета кожи и вероисповедания.) Нюрнбергские законы резко подчеркивали это различие: евреи могли быть гражданами (второго сорта), но они не могли быть немцами. В проблематичной формулировке «еврейские сограждане» не было бы нужды, если бы спикерам было бы комфортно говорить просто «евреи», *Juden*. Однако для многих немцев слово *Jude*, сколько они себя помнят, имело исключительно или преимущественно уничижительное значение, и несмотря на некоторые изменения к лучшему в этом отношении начиная с 1990-х, многие немцы стесняются или опасаются использовать это существительное.

Подходы к пониманию и осмыслению Шоа

С сентября 1939 года по 8 мая 1945 года немцы и их пособники убили около шести миллионов человек, включая полтора миллиона детей, по одной единственной причине: согласно нацистской таксономии, они были евреями. Здесь не было места для самоидентификации; не было механизма, позволяющего евреям стать неевреями. Жить тебе или умереть зависело только от того, сколько у тебя еврейских бабушек и дедушек.

Антисемитизм был сердцем национал-социализма, и было ясно, что нацисты не шутили, обещая «решить еврейский вопрос». И все же, даже развязав Вторую мировую войну, режим все еще взвешивал свои возможности и обдумывал, как и когда удалить еврейское население с подконтрольных территорий. Немецкие войска начали спонтанно убивать группы евреев вскоре после вторжения в Польшу в сентябре 1939 года и целые еврейские популяции в определенных местах в течение нескольких недель после вторжения в Советский Союз в июне 1941 года – однако только в октябре 1941 года было принято решение начать систематическое уничтожение всех евреев на территориях, находящихся под немецким господством. Более подробно мы рассмотрим процесс принятия этого решения в нашем втором тематическом исследовании, посвященном тому, как реакция на захватническую войну России против Украины повлияла на культуру памяти о Шоа.

К июню 1942 года западной общественности было известно, что Германия приступила к массовому уничтожению европейского еврейства. В декабре 1942 года еврейские общины по всему миру провели специальные дни поста, молясь за евреев, оказавшихся в ловушке в Европе, а зарождающаяся Организация Объединенных Наций выступила с публичным заявлением протеста. В Великобритании это заявление обсуждалось в Палате общин 17 декабря и широко освещалось в прессе. Тем не менее западные правительства предпочли преуменьшать значение Шоа, чтобы не придавать убедительности пропаганде, утверждающей,

что Запад вынужден вести Вторую мировую войну исключительно «за евреев». Даже когда Красная Армия освободила Майданек в июле 1944 года, и до Запада стали доходить *подробные* сведения о том, что происходило в лагерях смерти, многие все еще не могли поверить в то, что видели, слышали и/или читали. Лишь постепенно пропасть между знанием и осознанием начала сокращаться.¹

Тем не менее к лету 1945 года даже не слишком информированным людям на Западе было по крайней мере теоретически ясно, что нацисты творили с евреями нечто исключительно чудовищное и беспрецедентное. Достаточно взглянуть на то, какую эмоциональную реакцию продолжает вызывать упоминание о Берген-Бельзене в Великобритании – даже сейчас, почти 80 лет спустя – чтобы понять, какое шок ощутило британское (но не немецкое) общество, узнав, что обнаружили британские войска при освобождении этого лагеря. Возможно, сейчас немногие знают, что именно представлял собой Бельзен и что там происходило – но почти все помнят, что это было нечто чрезвычайно чудовищное.

Это глубокое чувство потрясения нашло свое практическое выражение в создании двух новых правовых инструментов: Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (о которой подробнее позже) и категории «преступлений против человечности», впервые закрепленной в Уставе Международного военного трибунала (МВТ) в Нюрнберге. Оба эти инструмента отражают понимание: даже в мире, в котором ужасающие случаи массового насилия не редкость, некоторые преступления все же еще недопустимее других – а значит, их предотвращение и пресечение особенно важно и срочно. Цель этих инструментов – не констатировать исторические факты, а дать надежду на будущее.

Можно сказать, что необходимость точнее определить, чем именно Шoa отличается от других случаев массового насилия, возникла только тогда, когда события начали отступать в прошлое, размывая и без того смутное общее ощущение необычайной чудовищности Катастрофы. Впрочем, и раньше это ощущение редко сопровождалось глубоким знанием деталей или подлинным пониманием того, что именно делало Катастрофу беспрецедентной. Многие видели в ней некий необычайный взрыв зла, в принципе не поддающийся осмыслению.

Несмотря на то, что чудовищность Шoa не перестает бросать вызов пониманию и силе воображения, на самом деле мы можем многое узнать и объяснить – и должны стремиться узнать и объяснить как можно лучше, если хотим попытаться следовать «новому категорическому императиву», сформулированному Адорно. Повторим его: «мыслить и действовать так, чтобы Освенцим не повторился, чтобы никогда не случилось ничего подобного».

Геноцид?

Устав ООН определяет геноцид как «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую», в частности, путем убийства или причинения серьезного вреда членам данной группы, лишения их возможности иметь потомство и/или отнятия у них детей. Формулировка «полностью или частично» – явное отражение двух конкретных недавних случаев, на которых основывалась Хартия: Германия желала уничтожить еврейский народ (полностью) и польский народ (частично). С самого начала эта формулировка несколько размыла определение, а в обыденной речи и общеполитическом дискурсе понятие геноцида использовалось так инфляционно, что его смысл практически выхолостился. Чем шире используется понятие, тем меньше оно значит: если все геноцид, то ничто не геноцид.

В результате концепция геноцида стала значительно шире событий Шоа. Катастрофа безусловно являлась геноцидом согласно определению Хартии – однако это не означает, что она была похожа на все другие геноциды до и после нее. Чем больше обесценивается понятие «геноцид», тем более недостаточным оно становится для определения Катастрофы.

Иегуда Бауэр, один из ведущих израильских историков Шоа, считает, что геноцидные события важнее подробно описывать, чем определять. Он предложил следующую таксономию: «Во-первых, геноциды в соответствии с определением Конвенции ООН; во-вторых, политциды, то есть массовые убийства с политической, экономической и социальной мотивацией; в-третьих, этнические „чистки“, когда целью является уничтожение этнической группы как таковой; и в-четвертых, глобальные геноцидные идеологии, такие как радикальный ислам, которые ведут убийственную пропаганду и практикуют массовые убийства».² В 2006 году он отметил, что «сегодня, впервые с 1945 года, евреям снова открыто угрожает геноцидная идеология; два с лишним поколения назад нацистские призывы к уничтожению евреев мир не воспринял всерьез – нельзя повторять эту ошибку по отношению к убийственным проповедям радикального ислама».³ Как показала реакция на геноцидное массовое убийство, устроенное ХАМАС 7 октября 2023 года – а также реакции на более ранние террористические атаки джихадистов на евреев – слишком многие не воспринимают эту угрозу всерьез и сейчас.

Бауэр решительно подчеркнул, что «Холокост, хотя и содержал элементы, которые можно найти в других геноцидах, также включал уникальные аспекты,

отличающие его от всех подобных событий»: «Немцы искали, находили, документируют, унижали, лишали собственности, отправляли в концлагерь, перевозили и убивали каждого человека, которого они определяли как еврея или еврейку. [...] Еще раз: *каждого* человека. [...] Людей, определенных как евреев, убивали за то, что они родились. Планировалась уничтожить евреев повсюду, куда бы ни простиралась власть Германии – то есть, согласно ее планам, в конечном итоге по всему миру. [...] Никогда прежде не случалось такого универсального геноцида.»⁴

«Нацистская антисемитская идеология, – продолжил он, – не была основана ни на какой экономической, социальной или политической базе. [...] Больше всего она напоминала кошмарный сон. Нацисты говорили о стремлении евреев к мировому господству – что, конечно же, было зеркальным отражением их собственной мечты править миром. Возродив кровавый навет, они обвиняли евреев в развращении арийской цивилизации и разжигании войны». В целом «убийства были абсолютно антипрагматичными, антисовременными, антикапиталистическими, бессмысленно затратными». Катастрофа была единственным геноцидом, «основанным на кошмарных видениях, на идеологических фантазиях».⁵

Несмотря на то, что его подход к Шоа во многом отличается, здесь историк Кристофер Браунинг согласен с Иегудой Бауэр: «Я считаю, что Холокост был переломным событием в истории человечества – самым экстремальным случаем геноцида, который когда-либо происходил. От других геноцидов его отличают два фактора: во-первых, тотальность и масштабность намерений – то есть цель убить всех до единого евреев: мужчин, женщин и детей, на всей территории нацистской империи; а во-вторых, использованные средства: административно-бюрократические и технологические возможности современного национального государства и западной научной культуры. Именно эти элементы определяют уникальность Холокоста и отличают в итоге принятое нацистами „окончательное решение“ даже от предыдущих политик того же нацистского режима. С самого начала режим был настроен на массовое уничтожение населения, на геноцид и на систематическое, тотальное убийство советского еврейства. Но уничтожение всего европейского еврейства стало еще более радикальным шагом.»⁶

Нацистский антисемитизм

Бауэр отмечает: хотя (почти) все антисемитские фантазии нацистов были «унаследованы от христианского антисемитизма, [...] христианство никогда не планировало геноцид евреев».⁷ «В глазах нацистов, – продолжает он, – евреи были порождениями сатаны, внедрившимися в народы мира, и поскольку они были чистым злом, их нужно было уничтожить».⁸ Аналогичным образом известный историк Холокоста Сол Фридлендер, сам переживший Шоа, характеризует нацистский антисемитизм как форму *избавительного* антисемитизма, который «отличался от других проявлений антиеврейской ненависти, распространенных по всей христианской Европе, хоть и происходил от них, и отличался также от обычного немецкого и европейского расового антисемитизма». Нацисты объединили все эти формы в «синтез убийственной ярости с „идеалистической“ целью».⁹ Для нацистов «борьба с евреями приобрела апокалиптическое измерение. Избавление немецкого народа (*Volk*) или «арийской расы» может быть достигнуто только путем уничтожения евреев. Победа евреев означала бы конец немецкого народа, расы или «арийской части человечества».¹⁰ Нельзя утверждать, что все соучастники геноцида полностью или даже частично поддерживали именно эту экстремальную форму антисемитизма, но все же «организация тотального истребления миллионов людей и доставка их к местам убийств из самых отдаленных уголков континента в разгар все более отчаянной всеобщей войны требовали фанатизма безжалостной идеологической веры».¹¹

Уникальное, единственное в своем роде, беспрецедентное?

В свете этих выводов было пролито много чернил по поводу того, какое прилагательное лучше всего описывает Шоа – было это уникальное (*unique*), единственное в своем роде (*singular*) или беспрецедентное (*unprecedented*) преступление? Изначально пальма первенства принадлежала слову *unique*, но оно почти перестало использоваться: ученые справедливо возражали против него на том основании, что уникальное событие по определению неповторимо и, по сути, стоит вне человеческой истории. Слово *singular* встречает аналогичные возражения, хотя их нетрудно отметить: оно подразумевает уникальность не навсегда, а на сегодняшний день. На деле этим прилагательным сейчас пользуются в основном в попытках отрицать специфичность Шоа – «скептики» намеренно спорят с утверждением, что Катастрофа «единственна в своем роде» (против этой формулировки проще найти аргументы); на самом же деле научный консенсус сейчас сходится на термине *unprecedented*, «беспрецедентный».

У этого понятия тоже есть недостатки: Иегуда Бауэр, сам активно его отстаивавший, видит некоторую проблему в том, что чисто формально оно означает только, что Шоа была беспрецедентна на момент совершения – словарное определение не исключает того, что она с тех пор повторилась сотни раз. Бауэр неоднократно подчеркивал, что этого он не имеет в виду, что Шоа не повторялась, но «нечто подобное может случиться снова. [...] Шоа была беспрецедентной. Но она стала прецедентом».¹² Еще раз: в принципе Катастрофа может повториться. Но это не значит, что она повторяется всякий раз, когда происходит массовое насилие.

Ханна Арендт была одним из первых политологов, обоснованно подчеркнувших беспрецедентность преступления, обсуждая суд над Эйхманом в Иерусалиме.¹³ «Истинные ужасы Освенцима, – писала она, – по самой сути своей отличались от всех злодеяний прошлых времен.»¹⁴ Она также отметила, что «после того, как некое преступление уже было совершено хотя бы раз, его повторение является более вероятным, чем было его первое совершение. [...] все прежде беспрецедентное, единожды случившись, становится прецедентом для завтрашнего дня».

Влиятельный немецко-израильский историк и историограф Дан Динер попытался выразить беспрецедентный характер Шоа в формулировке «разрыв цивилизации». Речь здесь не о том, что до Шоа мир был цивилизованным, а после него стал нецивилизованным – а о том, что события Шоа категорически опровергли общепризнанные предположения о том, на что люди способны по отношению друг к другу. Беспрецедентным был опыт попытки «тотального уничтожения без всякой причины» и «чудовищности истребления ради истребления».¹⁵ Динер подчеркивает, что «Германия не довольствовалась избавлением от евреев в порядке „этнической чистки“». Нет, прилагались значительные усилия, производились огромные бюрократические и логистические затраты, чтобы собрать в самых отдаленных уголках стран, находящихся под контролем Германии, еврейское население, с единственной целью – доставить его в Освенцим для уничтожения.¹⁶ «Воля к истреблению была абсолютной»,¹⁷ настолько абсолютной, что исполнители были готовы даже в ущерб собственному самосохранению добиваться того, что раньше казалось невыполнимым – созданию мира без евреев.

В конечном итоге, важнее, разумеется, не выбранный термин, а готовность признать, отразить и сформулировать специфику Шоа и центральную роль антисемитизма на всех этапах ее развития.

Антисемитизм, связанный с Шоа

Вышеупомянутый «новый категорический императив», сформулированный Адорно, подразумевает осознание того, чем был Освенцим. Заметим, что Адорно провозгласил неповторение Освенцима новым категорическим императивом не только для наиболее виновных стран, Германии и Австрии: категорический императив по определению универсален. Вероятно, Адорно не одобрил бы высказывания о Шоа, которые не (полностью) отражают ее беспрецедентную специфику – однако такие высказывания не обязательно являются антисемитскими. Антисемитскими они становятся, когда вызваны не искренним заблуждением, а скрытой мотивацией.

Например, в случае Германии и Австрии, а также других европейских стран, где заметная часть населения сотрудничала с немцами в осуществлении Шоа, *whataboutism*¹⁸ и попытки представить преступников как жертв почти неизменно отражают отказ принять на себя ответственность за совершенные преступления. Неудивительно, что многие из тех, чьи предки в той или иной степени были причастны к Шоа, предпочитают не слышать требований о сохранении культуры памяти и возмущаются этим препятствием на пути к незапятнанной групповой идентичности. Это возмущение часто содержит не косвенные, а совершенно явные антисемитские черты. Печальный парадокс заключается в том, что именно эта защитная реакция из поколения в поколения продлевает на неопределенный срок дискомфорт, против которого она направлена.

Для многих Шоа неопровержимо продемонстрировала, насколько уязвимой осталась еврейская диаспора и как остро евреи нуждаются в собственной стране, где они могли бы найти убежище и защищать себя, а не (тщетно) ждать, что другие придут им на помощь. Таким образом, стремление к преуменьшению центральной роли антисемитизма в нацистской идеологии и Шоа, а также к отрицанию чудовищности уничтожения европейского еврейства, связано с желанием делегитимизировать государство Израиль.

Политическое движение The New Left (Новые Левые) было с самого начала подвержено антисемитским и антиизраильским настроениям. Тому две причины: во-первых, фундаментальная неспособность этой идеологии принять какие-либо объяснения событий, кроме экономических интересов и социальных конфликтов. Во-вторых, упрощенное, черно-белое антиамериканское и антизападное мировоззрение. В частности, постколониальное движение классифицирует евреев как «белых» – автоматически подразумевая, что все

«белые» являются угнетателями, а не жертвами. Новые Левые редко откровенно отрицают Шоа, но часто вписывают ее в свою схему мира, радикально игнорируя ее специфику, превращая ее в один геноцид из многих.

Аугсбург, 2 декабря 2021

Когда Еврейский музей Аугсбурга-Швабии объявил в Facebook о мероприятии, на котором будут представлены тексты переживших Шоа во вспомогательном концентрационном лагере Аугсбург-Кригсхабер, в комментариях произошел следующий диалог:

Пользовательница 1: «Людям надоела эта чушь.»

Пользовательница 2: «Именно из-за таких, как вы, особенно важно хранить память.»

Пользовательница 1: «Они хотят хранить память, потому что снова требуют денег, вот и все.»

Ясно, что «они» в последнем ответе относится к евреям. Представление о том, что евреи наживаются на Катастрофе, напрямую сливается с давним антисемитским клише жадного еврея. Кроме того, пользовательница 1 совершенно недвусмысленно выражает свое нежелание затрагивать тему Шоа, релятивизирует Шоа вплоть до отрицания («чушь») и выражает презрение к выжившим, чьи тексты планируется представить на мероприятии в музее.

«люди всегда убивали
евреев, так что никуда от
этого не деться, и на это
должна быть причина»

Ингольштадт, 8 апреля 2022

Через три дня после того, как одно учебное заведение объявило на своей странице в Facebook о мероприятии, посвященном книге об антисемитизме в современной Германии, один из пользователей опубликовал следующий комментарий (стилистика сохраняется): «нет никакого антисемитизма это все сми выдумали чтобы люди думали всякое и немцы платили вот и все». В этом комментарии слились воедино два антисемитских клише. Во-первых, это представление о заговоре СМИ с целью манипулирования населением с помощью фейков (в немецком языке используется термин *Lügenpresse*, лживая пресса) – с середины XIX века это утверждение особенно популярно именно в антисемитских кругах, хотя не ограничивается ими; исторически оно резонирует с идеей, что евреи контролируют СМИ (хотя в Германии во время и после Шоа такое убеждение требует особенно радикального отрыва от действительности). Во-вторых, это клише о том, что евреи якобы наживаются на антисемитизме / памяти о Катастрофе. Без этой второй части комментарий можно было бы интерпретировать всего лишь как наивное предположение о том, что антисемитизма больше нет. Однако «чтобы немцы платили» явно подразумевает репарации после Шоа – никакие выплаты в связи с современным антисемитизмом никогда не практиковались.

Нюрнберг, 28 апреля 2022

Еврейская докладчица, читая будущим госслужащим лекцию об антисемитизме, рассказала о своем личном опыте в третьем классе. Ее прервал один из слушающих, заявив, что все это «полная чушь» и что он ей не верит. Кроме того, «ему все это осточертело» и «он ни в чем не виноват». Когда докладчица ответила, что она не утверждала, будто он виноват, он добавил, что «все это» произошло более 70 лет назад: «мы в этом не виноваты, почему мы продолжаем слушать все это дерьмо? Хватит уже!» Докладчица повторила, что она говорит об антисемитизме, с которым она лично сталкивалась в Нюрнберге с самого детства, тот ответил: «Ну да, люди всегда убивали евреев, так что никуда от этого не деться, и на это должна быть причина».

- 1 Стоит подчеркнуть, что это первоначальное непонимание принципиально отличалось от недоверия, которое впоследствии симулировало большинство немцев. См. Lars Fischer, «Public Knowledge of the Shoah in Nazi Germany», в *Holocaust Studies* 14, 3 (2008), 142–162.
- 2 Yehuda Bauer, *On the Holocaust and Other Genocides*. Лекция. (Joseph and Rebecca Meyerhoff Annual Lecture), 5 октября 2006, collections.ushmm.org/search/catalog/bib125656, с. 6.
- 3 Там же, с. 9.
- 4 Хорошо известно, что нацисты не собирались останавливаться на убийстве всех евреев Европы. В качестве примера можно привести эскадрон группы СС, ожидавший в Афинах переброски в Палестину, как только немцы ее завоюют, чтобы руководить местными арабами в уничтожении еврейского населения. Когда стало ясно, что немцы вряд ли выиграют вторую битву при Эль-Аламейне, эскадрон был переброшен в Тунис, где их усилиям помешала нехватка транспортных мощностей. См. Klaus-Michael Mallmann and Martin Cüppers: «'Elimination of the Jewish National Home in Palestine' —The Einsatzkommando of the Panzer Army Africa, 1942», в *Yad Vashem Studies* 35, 1 (2007), 111–141. Геноцидный антисемитизм нацистов также имел сторонников среди мусульман. Самый известный случай – Великий муфтий Иерусалима Амин аль-Хусейни. См. Jeffrey Herf, «Haj Amin al-Husseini, the Nazis and the Holocaust: The Origins, Nature and Aftereffects of Collaboration», в *Jewish Political Studies Review* 26, 3/4 (2014), 13–37, jcpa.org/article/haj-amin-al-husseini-the-nazis-and-the-holocaust-the-origins-nature-and-aftereffects-of-collaboration
- 5 Bauer, *On the Holocaust and Other Genocides*, 10–11, 12, 13. Как Бауэр подчеркнул совсем недавно, «вражда/ненависть была совершенно и явно не прагматичной. [...] Мотивы Холокоста были идеологическими и шли вразрез с экономическими, политическими и, в некоторой степени, даже военными интересами нацистской Германии.» Yehuda Bauer, «Holocaust and Genocide», в *The World and the Jews* (Zurich: Lit, 2021), 113–146, 121.
- 6 Christopher R. Browning, *Nazi Policy, Jewish Workers, German Killers* (New York: Cambridge University Press, 2000).
- 7 Bauer, *On the Holocaust and Other Genocides*, 12.
- 8 Bauer, «Holocaust and Genocide», 130.
- 9 Saul Friedländer, *Nazi Germany & the Jews: The Years of Persecution, 1933–1939* (London: Phoenix, 1998), 3.
- 10 Saul Friedländer, «Ideology and Extermination: The Immediate Origins of the 'Final Solution',» в Moishe Postone & Eric Santner (изд.), *Catastrophe and Meaning. The Holocaust and the Twentieth Century* (Chicago: University of Chicago Press, 2003), 17–33, 18.
- 11 Там же, 31–32.
- 12 Bauer, *On the Holocaust and Other Genocides*, 15.
- 13 Ханна Арендт, *Эйхман в Иерусалиме: История обывденных злодеяний*. Иерусалим, М.: Даат; Знание, 2008, 275, imwerden.de/pdf/arendt_eichmann_v_ierusalime_2008__ocr.pdf. Перевод В. Гопмана.
- 14 Там же, 279.
- 15 Dan Diner, «Epistemics of the Holocaust Considering the Question of 'Why?' and of 'How?'», в *Naharaim* 1, 2 (2007), 195–213, 195.
- 16 Там же, 197.
- 17 Там же, 197.
- 18 Термин *whataboutism* (от *what about...* - «а как насчет...») означает уход от темы при помощи сравнения с другой проблемой. Иногда соответствует обороту «на себя посмотрите!», но не всегда: использовать может не только ответное обвинение, но и обвинение третьих лиц. Термин популяризован журналом *The Economist*, описывавшим использование этого приема Советским Союзом в отношениях с Западным миром во время Холодной войны. Нередко эта тактика сопровождается ссылкой на двойные стандарты.

Скачать публикацию можно на сайте:
https://report-antisemitism.de/documents/RIAS_Bayern_Monitoring_Verschwoerungsdenken_und_Antisemitismus_im_Kontext_von_Corona.pdf

Антисемитизм, связанный с Шоа, в Баварии

С 1 января 2019 года по 19 июля 2022 года отдел RIAS Bayern задокументировал 570 антисемитских инцидентов, полностью или частично связанных с Шоа – то есть выражающих специфическое отношение к преступлениям нацистов, например, в виде защитной реакции на упоминание Катастрофы или попыток релятивизировать ее влияние и значение. (Если инцидент включает в себя несколько форм антисемитизма, мы регистрируем его в каждой соответствующей категории.)

Случаи, которые мы смогли задокументировать, ни в коем случае не дают полной картины. Наряду с собственным мониторингом ключевая часть нашей работы – учет инцидентов, о которых нам сообщают. Отдел RIAS Bayern был основан только в 2019 году, и нам потребовалось некоторое время, чтобы набрать достаточную известность и повысить вероятность того, что к нам обратятся после антисемитского инцидента. Кроме того, наши ресурсы ограничены; больший штат сотрудников позволил бы нам более полно и репрезентативно оценивать объем и частоту антисемитских инцидентов. Вероятно, многие становятся их свидетелями, по незнанию даже не идентифицируя их как таковые (и, соответственно, не сообщая о них). Итак, наш отчет ограничен теми антисемитскими инцидентами (в соответствии с установленными критериями RIAS), о которых мы узнали. Мы не можем точно оценить количество случаев, произошедших в Баварии, не говоря уже об оценке антисемитских настроений, которые испытывает баварское население. Однако мы с уверенностью можем сказать, что темная цифра значительно выше собранных пока что данных.

За первые три с половиной года своего существования отдел RIAS Bayern задокументировал в общей сложности 1 091 антисемитский инцидент, из которых более половины были связаны с Шоа – среди отмеченных нами случаев это самая распространенная форма антисемитизма в Баварии. Случаи антисемитизма, связанного с Шоа, распределяются следующим образом: 3 нападения, 35 случаев вандализма, 16 случаев угрожающего поведения, 79 массовых распылок и 437 случаев оскорбительного поведения (183 из которых произошли на публичных собраниях). Случаи оскорбительного поведения составили 40 % от общего числа. Итак, проявления антисемитизма, связанного с Шоа, в Баварии – относительно бытовое, повседневное явление.

В 49 % проявлений антисемитизма, связанного с Шоа, мы не смогли определить конкретную политическую подоплеку. Например, в случаях вандализма в мемориальных комплексах сама цель дает некоторое представление о мотивах преступников, но редко что-то указывает на конкретную политическую ориентацию или мировоззрение, лежащее в основе этих мотивов. Те инциденты, в которых нам удалось определить политическую подоплеку, распределились следующим образом: 120 инцидентов (21 %) связаны с конспирологической мифологией; 107 (19 %) с ультраправой идеологией, и 40 (7 %) – с антиизраильским активизмом. Остальные (более редкие) инциденты имели иную подоплеку, например, исламскую или христианскую.

Больше всего проявлений антисемитизма, связанного с Шоа, было документировано в Верхней Баварии (307 инцидентов, 54 % от общего числа). По остальным регионам Баварии инциденты распределились так: Центральная Франкония: 68; Нижняя Франкония: 48; Швабия: 45; Нижняя Бавария: 31; Верхний Пфальц и Верхняя Франкония: по 28. Изобилие инцидентов в Верхней Баварии (в особенности, в Мюнхене), вероятно, объясняется в первую очередь размером Мюнхена (в мюнхенской агломерации проживает почти половина населения Баварии), а также тем, что отдел RIAS Bayern расположен в Мюнхене. Здесь мы наиболее известны и состоим в тесном контакте со многими организациями. Итак, в Мюнхене статистически выше вероятность и самих инцидентов, и того, что нам о них сообщат.

Из 570 зарегистрированных антисемитских инцидентов, связанных с Шоа, 442 (76 %) произошли «в реальном мире» (то есть не в интернете). Однако следует отметить, что мы документируем инциденты в сети только тогда, когда они направлены на конкретного адресата. Из 442 инцидентов в физическом пространстве 218 произошли на улице; 48 в парках и на природе; еще 48 – в мемориальных комплексах; 23 – в учебных заведениях; 21 – в общественном транспорте; еще 21 – в жилом районе тех, кто пострадал от инцидента и/или сообщил о нем; 13 – в торговых центрах; 11 – на рабочем месте; по 10 – в административных и общественных зданиях; и 7 – в синагоге или на ее территории.

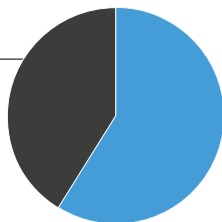
При качественном анализе полученных данных выявились четыре основных контекста проявлений антисемитизма, связанного с Шоа – 1) пандемия ковида, 2) события в Израиле, 3) массовые рассылки, 4) инциденты, направленные против мемориальных комплексов. На следующих страницах мы рассмотрим каждый из них по очереди.

«Импфен махт фрай» – ковид и антисемитизм, связанный с Шоа

Из 570 антисемитских инцидентов, связанных с Шоа,¹ 235 (41 %) произошли в контексте пандемии ковида. Среди них – один случай вандализма, три случая угрожающего поведения и 223 случая оскорбительного поведения. 140 из последних произошли на публичном собрании, составляя 77 % от в общей сложности 183 антисемитских инцидентов на публичных собраниях. В большинстве случаев эти инциденты представляли собой релятивизацию Шоа: фактические или воображаемые меры, принятые властями для борьбы с пандемией, приравнивались к преследованиям и убийствам евреев нацистами.

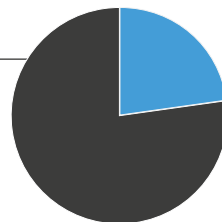
570 антисемитских
инцидентов, связанных с
Шоа (2019–2022 гг.)

41% (235 инцидентов)
связаны с пандемией ковида

183 антисемитских
инцидента (всех типов) на
публичных собраниях

77% (140) инцидентов,
связанных с Шоа, на
протестах в связи с
пандемией ковида

Мурнау, 17 ноября 2020

Протест в Мурнау был разрешен властями при условии, что участники, не надевшие маски, соберутся в отдельной зоне. В ответ один из выступавших приравнивал это разделение к отбору, проводившемуся в Освенциме на так называемой рампе: когда прибывали поезда с еврейскими заключенными, тех, кто попадет в лагерь, отделяли от тех, кого решали убить сразу. Докладчик сказал: «Может быть, сегодня вечером мы снова проведем демонстрацию. Я бы предложил полиции установить рампу, чтобы нас разделить. Тех, кто без маски, то есть негодных к работе – налево, остальных – направо. (Аплодисменты). Как вам такое предложение? Это ведь логичный следующий шаг. Если вы не спали на уроках истории, [то знаете, что] людей так уже разделяли.»

Отдел RIAS Bayern задокументировал 34 случая использования фразы «Impfen macht frei» на масках, баннерах и плакатах. Это явная аллюзия на нацистский лозунг «Arbeit macht frei» («Труд освобождает»), который был вывешен на воротах нескольких концлагерей, включая главный лагерь в Освенциме.

Антипрививочники взяли этот лозунг на вооружение, чтобы выразить свое убеждение в том, что они – «новые евреи», потому что их преследуют «как при нацистах» (и в конечном итоге, как некоторым из них кажется, могут убить) за отказ придерживаться мер для сдерживания пандемии.

Как часто бывает, когда в качестве сильной аналогии ссылаются на Шоа, представление о Шоа тем самым ослабевает. Действительно, если сделать прививку или надеть маску подобно тому, что происходило с евреями во время Катастрофы, значит, сама Катастрофа была не так уж страшна. Ссылаясь на Шоа, антипрививочники тем самым релятивизируют ее и меняют местами роли жертвы и преступника. Кроме того, и от самого предположения о том, что меры против ковида представляют собой не рациональное решение, а некий злоедейский заговор неопределенных злых сил, веет антисемитизмом.

То же самое относится и к использованию антипрививочниками желтого Маген Давида – современного символа Щита Давида, более известного среди не-евреев как «Звезда Давида» – часто в сочетании с надписью *ungeimpft* (непривит). Хотя Маген Давид других цветов широко используется в разных контекстах, его желтая форма в Европе твердо ассоциируется с нашивками, которые нацисты заставляли носить евреев (согласно Нюрнбергским законам 1935 года), чтобы выделить их и сделать легкой мишенью. Отдел RIAS Bayern документировал пятнадцать случаев, когда наклейки с этим мотивом публично демонстрировались в Баварии. Появление релятивизирующих Шоа символов в контексте ковида показывает, как легко и «естественно» проявляется антисемитизм, связанный с Шоа.

Мы подготовили более подробную публикацию на эту тему на немецком языке: «*Das muss man auch mal ganz klar benennen dürfen*» – *Verschwörungsdenken und Antisemitismus im Kontext von Corona*.» («Будем называть вещи своими именами» – конспирологическое мышление и антисемитизм в контексте ковида). В этой публикации Йозеф Шустер, председатель Центрального совета евреев в Германии и Ассоциации иудейских общин Баварии, пишет: «Антисемитская чушь, которую сейчас приходится слышать, будто всплыла из средневековья. Антисемитизм – неотъемлемая идеологическая часть протестов против мер защиты от ковида. Давно пора обратить внимание на опасность, которую эти все более радикально настроенные люди представляют для нашей демократии, и активно бороться с ней. Вряд ли эти возникающие сейчас сообщества сами распадутся после пандемии.»

Предположение Шустера успело с тех пор подтвердиться: сообщества, созданные во время пандемии, обратились к другим актуальным темам – в частности, к захватнической войне России против Украины. Многие антипрививочники убеждены и в том, что Америка, НАТО или Запад частично или полностью виноваты в этой войне. При этом антиамериканизм уже давно практически неотделим от антисемитизма – более того, некоторые протесты сопровождались использованием явно антисемитских клише.

Вы можете заказать вышеупомянутую публикацию на немецком языке бесплатно, обратившись по адресу info@rias-bayern.de.

Регенсбург, 16 мая 2020

На протесте под девизом «Солидарность с жертвами Ковида» (имелись в виду не погибшие или потерявшие трудоспособность из-за пандемии, а якобы пострадавшие от мер, принятых для ее сдерживания), собравшем около 300 человек, один из ответственных за соблюдение порядка носит фетровую желтую звезду с надписью «Nicht Corona geimpft!» (не привит от короны).

Нюрнберг, 19 декабря 2021

На митинге против мер защиты от ковида, организованном ультраправой партией AfD, одна из около 1500 демонстрирующих держит плакат с надписью «Impfung macht frei» (прививка освобождает).

«Перестаньте делать то, что Гитлер делал с вами». Антисемитизм, связанный с Шоа и направленный против Израиля

С 2019 по 2022 отдел RIAS Bayern зарегистрировал 1 091 антисемитский инцидент. 227 (21 %) из них имели антиизраильский характер – причем 110 из этих 227 (т.е. более 10 % от общего числа зарегистрированных инцидентов) объединяли антиизраильский антисемитизм с отсылками к Шоа. Эти 110 инцидентов распределяются следующим образом: три случая вандализма; два случая угрожающего поведения; 32 массовые рассылки и 73 случая оскорбительного поведения, 37 из них – на общественных собраниях.

Из этих 110 инцидентов значительное число было связано с войной между Израилем и ХАМАС в мае 2021 года. Она спровоцировала антиизраильские митинги по всему миру, и Бавария не стала исключением. Отдел RIAS Bayern зарегистрировал 22 инцидента, вызванных войной, в которых сочетались выражения антисемитизма, связанного с Шоа и Израилем. Шестнадцать из них произошли на общественных собраниях.

Начиная с Шестидневной войны 1967 года, антиизраильские активисты регулярно приравнивали действительное или предполагаемое поведение Государства Израиль к действиям нацистов во время Катастрофы. В 1972 году, после террористической атаки палестинцев на израильскую команду на Олимпийских играх в Мюнхене, одна из основательниц немецкой леворадикальной террористической организации RAF, Ульрике Майнхоф, от имени группы осудила «нацистский фашизм Израиля» и его «политику истребления», назвав Моше Даяна «израильским Гиммлером». Подобные заявления звучали и во время антиизраильских протестов, проходивших в Баварии в 2021 году.

Нюрнберг, 14 мая 2021

Около 300 человек собрались в Вестпарке в Нюрнберге 14 мая 2021 года на антиизраильский митинг. Участница демонстрировала транспарант с длинной надписью, часть которой гласила: «Вы действительно хотите превзойти тех, кто топтал вас... и превратить палестинцев в новых евреев?» На других транспарантах были надписи «Хватит делать то, что Гитлер сделал с вами» и «Один Холокост не оправдание другому».

Мюнхен, 16 августа 2022

Делегация израильских спортсменов и спортсменок, участвовавших в Чемпионате Европы, собиралась почтить память жертв палестинского теракта на Олимпийских играх 1972 года. По дороге через олимпийский парк один из охранников встретил их нацистским приветствием.

Мюнхен, 23 мая 2021

На митинге на Мариенплац в Мюнхене оратор неоднократно приравнивал Израиль к нацистской Германии, а Газу – к нацистскому концлагерю. Ему аплодировали, когда он заявил: «Я думаю и чувствую, что те, кто поддерживает Израиль сегодня, поддержали бы Третий Рейх прошлого века. [...] Те, кто сегодня поддерживает сионизм, поддержали бы национал-социализм. Сегодня именно израильтяне охраняют стены ... этого концлагеря (т.е. Газы) ... жертвы Холокоста дали бы пощечину любому, кто заявил бы, что охранники концлагерей имеют право на самооборону.»

Мюнхен, 29 мая 2021

На митинге на Одеонсплац в Мюнхене один из ораторов заявил: «Именно из-за истории Германии Меркель должно быть стыдно поддерживать государство Израиль». На одном из плакатов была распечатана карикатура Карлоса Латуффа, изображающая жилой квартал с мечетью и группой жителей за колючей проволокой. Надпись над входом гласит: «Газа. Гуманитарная помощь запрещена.» Перед забором находится сторожевая будка, украшенная израильским флагом и охраняемая двумя солдатами в форме вермахта. На другом плакате была изображена стена с надписью «Гетто Газа».

ISRAEL
IS AN
APARTHEID
STATE

Израиль не устраивает второй Холокост. Он не депортирует всех до единого палестинцев на фабрики смерти, чтобы избавить мир от «палестинства». Те, кто утверждает обратное, используют Шоа как оружие против государства Израиль. Национал-социализм и Катастрофа становятся в их руках инструментами обвинения Израйля в чудовищных преступлениях, которые он не совершал и не совершает. Видеть в государстве Израиль и израильянах (читай «евреях»: часто «израильяне» используется как эвфемизм) «новых нацистов» – отличный способ оправдать собственный антисемитизм. В отличие от грубого, расиализирующего нацистского антисемитизма, антисемитизм под видом якобы безобидной «критики Израйля» мало кого смущает.

Антисемитские высказывания мало что говорят нам о евреях, зато много об антисемитах. Антисемитизм по своей сути – это форма проекции. Когда антисемиты утверждают, что евреи или Израиль делают или планируют сделать что-то предосудительное, они часто сами делают или хотели бы сделать именно это. Если, глядя на Израиль, они видят нацистов, жаждущих уничтожения, то в этом прочитывается их собственное желание уничтожить евреев.

Мы выпустили более подробную публикацию на немецком языке, посвященную антисемитизму, связанному с Израилем, *From the river to the sea – Israelbezogener Antisemitismus in Bayern 2021* (От реки до моря² – анти-израильский антисемитизм в Баварии в 2021 году). Сандра Симович, на тот момент работавшая генеральным консулом Израиля в Мюнхене, пишет там:

«Генеральное консульство Израиля активно ищет контакты с молодежью. С этой целью мы посещаем школы и устраиваем виртуальные дискуссии. В последнее время все чаще поднимается вопрос о том, можно ли сравнивать израильско-палестинский конфликт с Холокостом.

Совершенно очевидно, что многие ученики и ученицы считают Израиль единственным агрессором в конфликте с палестинцами и другими арабскими государствами. Они утверждают, что Израиль совершает в отношении палестинцев геноцид – так же, как национал-социалисты совершали геноцид европейского еврейства.

Израильтян шокирует это сравнение – не в последнюю очередь потому, что те, кто задают этот вопрос, зачастую не знают, что означает понятие „Холокост“. Это и разочаровывает, и глубоко оскорбляет. На вопрос, что он собой представляет, одна ученица ответила, что евреев „дискриминировали“.

Когда оказывается, что немцы не знают и не хотят знать об истории геноцида европейского еврейства, для многих израильтян это равносильно осквернению памяти убитых евреев. Нам часто приходится объяснять, что приравнение политики Израиля к геноциду, совершенному нацистами против европейского еврейства, релятивизирует ответственность Германии за Холокост. В одном из разговоров ученица в результате извинилась за свой вопрос о сходстве между израильско-палестинским конфликтом и Холокостом. Но дело не в том, что она задала этот вопрос, а в том, *почему* она его задала.»

Вы можете бесплатно запросить печатную копию этой публикации на немецком языке по адресу info@rias-bayern.de или скачать электронную версию по адресу <https://report-antisemitism.de/publications>.

«Снести мемориалы Холокосту!» Антисемитизм, связанный с Шоа, в рассылках

За отчетный период отдел RIAS Bayern документировал 91 проявление антисемитизма, связанное с Шоа, в рассылках, из которых 60 были отправлены по мейлу и 31 – бумажной почтой. 79 посланий были массовыми – например, мейлы с несколькими получателями. Многие из этих рассылок, адресованных частным лицам, учреждениям и/или политическим и медиа-фигурам, крайне подробны и содержат практически полный ассортимент антисемитских клише.

Мюнхен, 27 марта 2021

Одно из учреждений по работе с подростками в Мюнхене получило мейл под заголовком: «Снести мемориалы Холокосту! Столетняя война сионизма против Германии». Мейл смешивал различные формы антисемитизма, рассматривая всю историю человечества как результат векового еврейского глобального заговора. В частности, в нем делались следующие утверждения:

«Евреи» более века ведут войну с Германией. Цель сионизма – «достижение мирового господства». «Еврейские черты» включают в себя «мстительность и ненасытную жадность», а «еврейские законы» запрещают смешение различных культур. Израиль занимается «массовым убийством» палестинцев, разжигает войны на Ближнем Востоке и по всему миру и не имеет права на существование. Антисемитизм – «выдумка», Шоа – «сказка», «ложь» и манипулятивный «псевдо-аргумент на все случаи жизни».

К мейлу был приложен рисунок (судя по виду, работа самого автора), на котором изображена взорвавшаяся лодка с немецким флагом, выбравшаяся из которой Ангела Меркель ищет убежища в Израиле. Это отсылка к мифу, что бывшая канцлер Германии – еврейка и следовательно, не только якобы не способна служить «немецкой нации», но и активно стремится к ее уничтожению.

По всей Баварии, 2021

Семнадцать получателей одинаковых писем с призывом копировать и распространять их связались с RIAS. Приложенные материалы релятивизируют Шоа и оспаривают то, что известно о роли концентрационных лагерей.

В качестве доказательства вины евреев во Второй мировой войне была приложена копия статьи 1933 года из газеты *Daily Express* под заголовком *Judea Declares War on Germany* (Иудея объявляет войну Германии).³ Для «подтверждения» истинности антисемитских стереотипов были собраны

выдержки из еврейских юридических текстов. Еще один документ призван был доказать, что нацисты запрещали издеваться над узниками концлагерей. Также в книгу были включены статистические материалы, касающиеся еврейского населения в период между 1933 и 1948 годами, якобы доказывающие, что Катастрофы не было. Кроме того, был привлечен аннотированный чертеж, утверждающий, что газовые камеры использовались исключительно для дезинсекции заключенных, и что Циклон Б был обычным дезинсектором.

Помимо массивного отрицания Шоа в этой рассылке особенно поражает ощущение миссии и срочности со стороны человека (скорее всего, одного), рассылавшего эти письма с просьбой сделать и разослать как можно больше копий. Эта просьба превращает момент артикуляция антисемитизма в антисемитское действие. Предоставленную информацию необходимо срочно распространить: мир должен знать «правду» о евреях и Шоа не просто потому, что правда лучше неправды, а потому, что только с помощью этих знаний мир сможет противостоять огромной реальной опасности. Жертвы здесь – не евреи, а немцы, которых несправедливо обвиняют и преследуют, чтобы скрыть «правду», которая освободила бы мир. Таким образом, вопиющий антисемитизм, выраженный в этом письме, представляет себя необходимой самообороной.

В данном конкретном случае призыв к действию ограничился призывом распространить письмо. Однако, доведенный до логического конца, такой призыв может повлечь за собой и более практические действия. Террорист, напавший на синагогу в Галле в Йом Кипур 2019 года, был мотивирован «озарением», что «евреи» виноваты во всех величайших мировых проблемах – каковыми, по его мнению, являются феминизм, низкая рождаемость и иммиграция. Он также был убежден в том, что Шоа не было. Террорист, убивший десять человек – в данном случае не евреев, а в большинстве своем детей курдских и турецких иммигрантов, а также рома – в гессенском городе Хануа в 2020 году, также был приверженцем целого ряда антисемитских конспирологических мифов. Эти люди верили: евреи представляют собой столь серьезную угрозу, что только самые крайние формы «сопротивления» принесут реальное облегчение. Как мы знаем, именно это убеждение привело нацистов к идеи физического уничтожения всех евреев на планете.

«Хватит врать!» Антисемитские инциденты в мемориальных комплексах

За отчетный период отдел RIAS Bayern документировал 48 антисемитских инцидентов, связанных с Шоа, в мемориальных комплексах. Большая часть являла собой проявления вандализма: в 23 случаях мемориальные символы повреждали или обезображивали антисемитскими лозунгами. Почти так же часто (20 случаев) наблюдалось оскорбительное поведение. С момента своего создания RIAS Bayern постоянно наблюдает антисемитские инциденты в мемориальных комплексах – очевидно, культура памяти о Шоа все еще настолько раздражает многих, что они не могут подавить в себе желание ответить агрессией.

Мюнхен, 21 апреля 2019

21 апреля 2019 в RIAS Bayern поступило сообщение о том, что во время Пасхи неизвестные осквернили мемориал двойной руной S – символом СС. Пострадала скульптура «Склонившийся пустой стул», установленная на заднем дворе главной католической церкви Оберменцинга (на севере Мюнхена) в ноябре 2016 года в память о преследовавшихся, перемещенных и убитых евреях города.

Кауферинг, 2 октября 2021

Участник экскурсии на месте бывшего концентрационного лагеря Кауферинг VII (ныне – Европейский мемориальный комплекс Холокоста) сообщил, что заметил свастику и слова «пожалуйста, вернись» на обороте информационной панели. Фонд мемориальных комплексов Баварии подал жалобу в полицию.

Система лагерей Кауферинг, к которой принадлежал Кауферинг VII, была создана летом 1944 года. Это было самое большое скопление вспомогательных лагерей Дахау. Заключенным, преимущественно еврейским – многие из них были привезены из Освенцима и других лагерей на востоке по спецразрешению, поскольку немцы остро нуждались в дополнительных рабах – было поручено строительство безопасных объектов, частично расположенных под землей, для производства военных самолетов. Условия содержания были чудовищными; местность усеяна массовыми захоронениями.

Вюрцбург, май/июнь 2022

За пределами главного железнодорожного вокзала Вюрцбурга находится мемориал, посвященный евреям, депортированным из Нижней Франконии в транзитные гетто и лагеря смерти в Восточной Европе в 1941–1944 годах. Мемориал состоит из трех информационных панелей и нескольких десятков символических чемоданов и свертков, сделанных из бетона. Он подвергался актам вандализма в июле 2020 и мае 2023 года, но здесь мы расскажем о других инцидентах.

С апреля по июль 2022 года театр Mainfranken Theater Würzburg ставил на этом месте пьесу по мотивам «Дневника Анны Франк». Театр приступил к реализации проекта для одной актрисы, не задумываясь о том, что эти представления могут спровоцировать антисемитскую реакцию, и поэтому не принял никаких мер по обеспечению безопасности своей команды. Только после первых инцидентов к мемориальному комплексу был отправлен сотрудник, ответственный за безопасность.

Получив информацию об инцидентах, отдел RIAS Bayern провел активный мониторинг нескольких представлений и лично документировал различные антисемитские выкрики. 6 мая 2022 один из прохожих произнес: «Что это за еврейское дерьмо? Хватит врать!»⁴ 10 июня другой прохожий выкрикнул «евреи!»; кроме того, группа лиц нарушила представление громкими нечленораздельными высказываниями и смехом, показывая пальцем на актрису. 12 июня человек в маске и палестинской куфии остановился перед представлением и некоторое время что-то неразборчиво кричал в его сторону. 13 июня прохожий сказал, что он «и за сто лет не поймет, зачем здесь поставили эти штуки». Снова было несколько случаев нечленораздельных выкриков. 15 июня проходящая мимо женщина заговорила с сотрудниками театра перед началом представления. «Среди вас есть евреи?» – поинтересовалась она и заявила, что она антисемиткой была и останется, потому что так ее воспитывали, а ее отец «воевал в окопах». Затем эта женщина и двое ее спутников некоторое время отказывались покинуть место представления и демонстративно сели на часть мемориала, которая использовалась в качестве сцены.

Как отметила в то время глава RIAS Bayern Аннетт Зайдель-Арпачи: «Если люди пытаются сорвать публичные театральные представления на мемориальной площадке в память о Шоа, то они не хотят, чтобы им напоминали об убитых евреях. Для них культура памяти – это раздражающий фактор; они просто не хотят слышать ничего от евреев или о евреях. Ни о евреях, убитых их предками, ни о живых. И они не стесняются говорить об этом в повседневных ситуациях,

когда, по какому-то стечению обстоятельств, натываются на „что-то еврейское“. То, что молодой актрисе приходится опасаться за свою безопасность во время выступления на мемориальной площадке, просто ужасно. Важно, чтобы мы обратили внимание на это положение дел и не преуменьшали его значение.»

С момента своего создания RIAS Bayern постоянно наблюдает антисемитские инциденты в мемориальных комплексах – очевидно, культура памяти о Шоа все еще настолько раздражает многих, что они не могут подавить в себе желание ответить агрессией.

С момента своего создания
RIAS Bayern постоянно
наблюдает антисемитские
инциденты в мемориальных
комплексах – очевидно,
культура памяти о Шоа все
еще настолько раздражает
многих, что они не могут
подавить в себе желание
ответить агрессией.

- 1 Здесь и далее имеются в виду случаи, которые отдел RIAS Bayern задокументировал с 2019 по 2022 год.
- 2 «От реки до моря Палестина будет свободной» – один из лозунгов ХАМАС.
- 3 Заголовок (Daily Express, № 10,258, 24 марта 1933) относится к весьма положительной статье, восхваляющей усилия евреев в разных странах по организации экономического бойкота против нацистской Германии: «Появление символа новой Германии – свастики – вызвало к жизни Льва Иуды, старый боевой символ еврейского неповиновения. ... Мировое еврейство решило не сдаваться перед лицом этого возрождения средневековой травли. ... Древний народ Израиля воссоединился и сражается в этой старой битве со своими гонителями при помощи нового и современного оружия.»
- 4 Для многих подобных антисемитских выкриков более точным переводом слова «Jude» на русский было бы оскорбительное односложное слово, от которого мы здесь воздержимся. В немецком языке трем русским словам («иудей», «еврей» и «ж*д») соответствует слово «Jude»: значение зависит от контекста.

Экскурс 1.

От Пёсинга до Палестины.
Постколониальное посяга-
тельство на память о Шоа

Реакция (и столь частое отсутствие реакции) на геноцидное массовое убийство, совершенное ХАМАС в Израиле 7 октября 2023 года, показала, насколько современное общество пронизано постколониальной идеологией, особенно с 2020 года. То, что всего десять лет назад интересовало относительно немногих теоретиков и эстетов, стало все более влиятельным и громким общественным течением. В рамках этой идеологии евреи объявлены «белыми», то есть угнетателями. После двух тысяч лет гонений, погромов и геноцида, они оказались на линии огня – даже в диаспоре они якобы привилегированны, а уж если живут в Израиле, то становятся воплощением всех мировых зол: колониальными угнетателями. Упрощенное мировоззрение, лежащее в основе постколониальной мысли, помещает евреев за рамки общей человечности.

Больше общего, чем обе стороны готовы признать

Постколониализм, пожалуй, является главным современным воплощением устоявшейся традиции антиимпериализма, существующей с XIX века в разных обликах. Так же как мало кто признает себя антисемитом, мало кто считает себя империалистом – однако на самом деле и «старые», и «новые» левые неоднократно поддерживали кровавые диктаторские режимы в странах, которые большинство сейчас называет глобальным Югом. При этом они руководствовались принципом «враг моего врага – мой друг», даже если этот конкретный «друг» творит нечто отвратительное. Хотя левые и правые антиимпериалисты склонны различаться в том, кого они считают «хорошими» и «плохими» в антиимпериалистической борьбе, их логика зачастую неотличима, она просто исходит из разных исходных точек отсчета. Кроме того, антиимпериализм (как левый, так и правый) всегда был практически неотделим от антиамериканизма и восприимчив к антисемитским клише.

Ввиду этого не столь удивительно, что первый случай релятивизации Шоа в ярко выраженном антиимпериалистическом ключе, который мы задокументировали в начале 2019 года, исходил не от левых постколониалистов, а

◀ Пёсинг, апрель 2019

Капелла «Невинные дети»
– безмолвный крик»

Фото: Педро Хименес, википедия

от христианского поборника абортот. В деревне Пёсинг (недалеко от города Кам в Верхнем Пфальце) он построил частную часовню, в которой оплакивает «холокост нерожденных детей», называя аборты «самым масштабным геноцидом в истории человечества». Среди экспонатов часовни – письмо редактору, написанное неким врачом в декабре 1982 года. Оно гласит:

«Недавно по телевизору в очередной раз показывали и обсуждали в студии фильм „Холокост“. Не могу понять, почему мы постоянно должны возмущаться преступлениями мертвых нацистов, храня странное молчание о деяниях живых и здоровых убийц. Мы знаем, что говорить о преступлениях, совершенных союзниками против немцев, считается неприличным, но когда, спрашиваю я, мы заговорим о Холокосте миллионов индейцев и маори? А как насчет истребления белорусов, кулаков, власовцев, крымских татар или казаков-красновцев? Их тоже были миллионы! Когда мы наконец увидим фильмы о Холокосте в Афганистане, Вьетнаме и Камбодже? Или о Палестине и Ливане?»¹

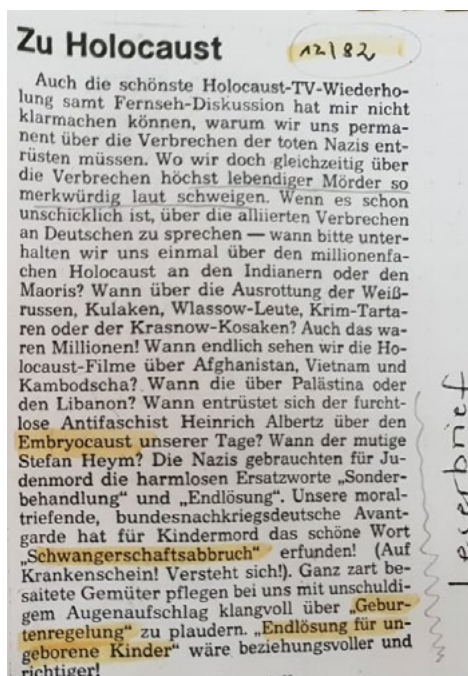
Постколониальная теория

В принципе постколониальный подход вполне мог бы поспособствовать широкому обсуждению колониальной истории Европы в целом и Германии в частности, а также стимулировать размышления о влиянии этой истории на современность. Это касается целого ряда важных вопросов – например, законных требований о возмещении ущерба, о похищенных экспонатах и человеческих останках в музеях, о проблематичных названиях улиц, о новых мемориалах и современных формах расизма, уходящих корнями в колониальное господство и колониальные концепции. Наследие колониализма продолжает влиять на нашу жизнь и представляет собой повседневную угрозу для тех, кого расиализирующие концепции классифицировали как неполноценных. Эти вопросы действительно заслуживают внимания – так же, как, например, враждебное отношение к синти, рома и другим народам-странникам и так же, как отказ Германии выплатить репарации европейским странам, оккупированным во время Второй мировой войны.

Увы, на деле очень многие из все более влиятельных постколониальных теоретиков и активистов совершают масштабное посягательство на память о Шоа. Как мы видели, культура памяти о Шоа формировалась в Германии медленно и во многом благодаря настойчивости выживших. Ей все еще предстоит долгий путь от поверхностного признания до истинного осознания – однако постколониальные теоретики и активисты считают, что она уже зашла слишком далеко.

Пёсинг, 2019

Письмо редактору 1982 года,
вывешенное в частной часовне, где
абORTы приравняются к Шоа.

Теоретически постколониальный подход как таковой не несет антисемитского содержания. Однако на практике многие постколониальные ученые и активисты склонны к сомнительным утверждениям, касающимся Шоа – и хотя эти высказывания часто нельзя назвать откровенно антисемитскими (согласно критериям RIAS), трудно представить себе, что они не способствуют антисемитизму. Одно из самых распространенных утверждений гласит: немецкое общество слишком увлеклось самобичеванием за Шоа и должно освободиться от этой «одержимости», дабы обратить внимание на другие проблемы.

Антисемитский потенциал этой позиции особенно ясно виден с 2020 года. Примерно с этого времени постколониальный фрейминг Шоа, ранее ограниченный академической средой и горсткой левых фанатиков, начал завоевывать культурные учреждения Германии, а также страницы ежедневных и еженедельных газет с претензией на интеллектуальность. На следующих страницах мы обсудим два манифеста ведущих постколониальных ученых, а затем рассмотрим три примера, свидетельствующие о значительном распространении их подхода в Германии. Это приглашение постколониального историка Ахилле Мбембе к участию в культурном фестивале Руртриеннале 2020 года, выставка искусства *documenta 15* в Касселе и научная конференция под названием *Hijacking Memory* («Захватывая память»), проведенная в Берлине.

Воображаемые запреты и чистота доктрины

Манифест историков Майкла Ротберга и Юргена Циммерера под заголовком *Enttabuisiert den Vergleich!* («Снимите табу на сравнения!»), опубликованный в интеллектуальном еженедельнике *Die Zeit* весной 2021 года, не был первым текстом такого рода, но тем не менее стал важной вехой. Жаркие дебаты по этому вопросу давно велись в академических кругах и среди экспертов – но теперь он был представлен широкому кругу читателей в Германии. И Ротберг, и Циммерер на протяжении многих лет утверждали, что Катастрофу следует понимать как одно из длинной череды немецких колониальных преступлений. Еще в 2011 году Циммерер опубликовал сборник статей на эту тему под названием *From Windhoek to Auschwitz?* («От Виндхука до Освенцима?»).² Ротберг предложил модель *multidirectional memory* – «многонаправленной памяти», якобы способную отдать должное и колониальным преступлениям, и Шоа.

В заключении своего манифеста Ротштейн и Циммерер пишут, что предлагаемая ими мемориальная культура «не ослабит, а усилит ответственность Германии; не ослабит, а усилит борьбу с антисемитизмом и расизмом» – каковая борьба является, по их мнению, единственной существенной целью осмысления нацистских преступлений в целом и Катастрофы в частности. Ротштейн и Циммерер утверждают в своем тексте, что не намерены ставить под сомнение уникальность Шоа и значимость вины и ответственности Германии. Если это утверждение искренне, остается только признать, что манифест противоречит их собственным намерениям – он безусловно отрицает беспрецедентность Шоа.³

Нет нужды говорить, что никакого «табу на сравнение» на самом деле не существует, не существовало и, скорее всего, никогда не будет существовать. Когда Ротберг, Циммерер и др. говорят «сравнить», они имеют в виду «приравнять». В быту эти слова могут порой быть взаимозаменяемы, но в науке следовало бы разделять их строже: разумеется, сравнение необходимо. Было бы невозможно установить беспрецедентный характер Шоа, не сравнивая его с другими геноцидами и формами массового насилия. Приравнивание – это совсем иное дело.

Однако Ротберг и Циммерер в своем манифесте утверждают, будто существует некий запрет «на любое сравнение или сопряжение» Шоа с другими геноцидами, колониализмом и мировой историей в целом.⁴ Никаких доказательств этого утверждения они не приводят – что неудивительно, учитывая, что такого запрета не существует ни в Германии, ни на международном уровне. Ученые, которых Ротберг и Циммерер порицают за настаивание на уникальности

Шоа, делают свои выводы именно на основе многочисленных сравнительных исследований о Шоа и других геноцидах.⁵ Вряд ли два почтенных историка не понимают, что уникальность – по самой своей сути сравнительная категория. Возникает вопрос, почему они утверждают обратное.

Возможное объяснение: это утверждение позволяет им принять позу мужественного интеллектуала, бесстрашно бросающего вызов табу и открывающего обществу скрытую истину – успешная стратегия для привлечения внимания. Стратегия эта имеет давние традиции и неоднократно играла заметную роль в попытках ограничить или прекратить дебаты о национал-социализме и Шоа. В этом контексте часто меняются местами роли жертвы и преступника: как утверждают «нарушители табу», их храбрость может стоить им карьеры, что превращает их в потенциальных жертв (спрашивается, чьих?). Покойный писатель Мартин Вальзер принял ту же самую позу, заявив, что «содрогается от собственной смелости», произнося в 1998 году свою печально известную речь в Паульскирхе во Франкфурте, в которой сетовал на то, что упоминание Освенцима стало «моральной дубиной», то есть недобросовестным универсальным аргументом, неуместно взывающим к морали.

Если существует табу, подавляющее истину, значит, кто-то это табу навязывает и контролирует. Кто же эта виновная сторона? Ротберг и Циммерер тщательно обходят этот вопрос, полагаясь преимущественно на пассивные конструкции. Мы не можем знать, кого они считают виновниками. Однако их уклончивость в этом вопросе сама по себе вызывает беспокойство: мы наблюдаем туманные намеки на неназванные силы, которые успешно манипулируют обществом, скрывая элементарные истины и предоставляя кому-то привилегии. При этом группа, исторически наиболее часто и последовательно изображавшаяся как невидимая закулисная сила – это никто иные, как евреи.

Первосвященники культуры памяти и мусульмане как новые евреи

Достаточно скоро эти тенденции были выражены более четко – в частности, историком Дирком Мозесом в его защите манифеста Ротберга и Циммерера.⁶ Вопреки множеству исследований и опросов, Мозес утверждает, что (на деле весьма запоздалые и неполные) официальные обязательства Германии по обеспечению безопасности евреев и дружеских отношений с Израилем не критично приняты и глубоко прочувствованы всем немецким обществом – более того, что они формируют современное немецкое мышление и поведение. Он

утверждает, что Катастрофа прочно вошла в «немецкий национальный катехизис» как «освященная травма», которая «не допускает примесей – например, упоминания нееврейских жертв или других геноцидов – поскольку это нарушило бы ее священную искупительную функцию.» С точки зрения Мозеса все это равносильно филосемитской инверсии искупительного антисемитизма, который Саул Фридлендер определил как основную мотивацию Шоа.

По словам Мозеса, для защиты вышеупомянутого «катехизиса» требуются регулярные «публичные изгнания дьявола», проводимые «самозваными первосвященниками». Эти образы не только осуждают мемориальную культуру как некий фетишизирующий священный ритуал, но и отрывают ее от исторической специфики Шоа. Кроме того, хотя понятие «первосвященник» может относиться ко многим религиям, в исторически христианских обществах этот термин неизменно перекликается с иудейскими первосвященниками и тем самым с обвинением в богоубийстве (убийстве Иисуса). Это обвинение было главной опорой христианского антииудаизма на протяжении почти двух тысячелетий – и, как и многие другие стереотипы, не теряет актуальности и среди нерелигиозных людей.

Одна из доктрин, которые Мозес приписывает «катехизису Германии» – убежденность в том, что «антисемитизм – это предрассудок и идеологическая конструкция *sui generis*», которую «нельзя путать с расизмом». Надо сказать, что мы совершенно согласны с этим тезисом. Мозес не снисходит до того, чтобы привести против него какие-либо аргументы, а просто осуждает его как «доктрину» – и, следовательно, по сути своей нелегитимное утверждение.⁷ Поясним: никто не станет отрицать, что существуют определенные структурные параллели между антисемитизмом и такими явлениями как расизм, сексизм, гомофобия и т.д. Тем не менее мы настаиваем на разделении между расизмом и антисемитизмом – и вовсе не для того, чтобы создать «иерархию страдания», как думают некоторые. Нет, это разделение основано на четко идентифицируемых и доказуемых аналитических критериях. В отличие от всех сопоставимых идеологий, антисемитизм предлагает всеобъемлющее объяснение того, как устроен мир; он одновременно унижает объект ненависти и приписывает ему необычайную силу – ввиду чего предписывает срочно противостоять предполагаемому «глобальному заговору евреев с целью достижения мирового господства». Если евреи обладают такой страшной силой, значит, с заговором можно эффективно бороться только крайне радикальными средствами – из чего проистекает присущая антисемитизму геноцидная направленность. Снятие разделения между антисемитизмом и расизмом подрывает точность анализа, усложняя борьбу и с тем, и с другим.⁸

Мозес игнорирует научный консенсус по этому вопросу, используя совершенно иной подход. Он утверждает, что с момента христианского завоевания Пиренейского полуострова (окончательно установившегося в XV веке после столетий мусульманского правления) враждебность Запада к «сеμίтам» была постоянно направлена на воображаемую совмещенную «еврейско-иудейско-мусульманскую внутреннюю и внешнюю угрозу».⁹ Таким образом, он определяет «антисемитизм» как враждебность к евреям/иудеям и мусульманам. По его утверждению, после Шоа «западногерманская политическая и культурная элита, политики и церковь» вступили в «тео-политическую»¹⁰ договоренность с «евреями», приветствуя государство Израиль как «часть защитного вала против Азии» и «форпост цивилизации против варварства».¹¹ После событий 11 сентября «арийская» вражда к «сеμίтам» была по мнению Мозеса окончательно перенесена на «мнимое мусульманское варварство»: мусульмане стали новыми евреями.

Более того, Мозес утверждает, что немецким «первосвященникам» помогали в их зловещих махинациях международные силы. То, что он называет немецким национальным катехизисом, было, по его словам, разработано «в ходе переговоров с американской, британской и израильской элитой». Роль последней в этом заговоре демонстрирует, например, распространение израильским правительством так называемого «Рабочего определения антисемитизма», разработанного Международным альянсом памяти жертв Холокоста (IHRA). Поскольку определение IHRA не выдает индульгенции проявлениям антисемитизма, связанным с Израилем, оно сразу же вызвало возмущение многих теоретиков и активистов. Возлагая «вину» за это определение на правительство Израиля, а также на туманные «израильские элиты», Мозес явно вступает на проторенный антисемитский путь. На деле определение было разработано IHRA в результате многолетнего многонационального обсуждения в широком кругу ученых, а также академических, мемориальных и политических институтов.

Впрочем, Мозес считает, что еще не все потеряно: «либеральные силы, возглавляющие культурные учреждения Германии» оспаривают определение IHRA и сопротивляются «преследованию еретиков ... хранителями ортодоксальной мемориальной культуры». Конкретно в данном случае он ссылается на инициативу GG 5.3 Weltoffenheit, основанную в конце 2020 года для борьбы (в духе Мозеса, Ротберга и Циммерера) с вымышленной несвободой слова в отношении Шоа и Израиля. При этом столь жестоко критикуемый альянс IHRA посвящает специальный сайт сравнительному подходу к Шоа – как его положительному потенциалу, так и возможным подводным камням.¹² Более того, в рекомендациях, прилагаемых к определению IHRA, четко сказано, что

«критика Израиля, подобная критике в адрес любой другой страны, не может рассматриваться как проявление антисемитизма».¹³ У желающих выразить отношение к политике Израиля, не выходящее за рамки «критики в адрес любой другой страны», нет никаких причин считать определение IHRA посягательством на свою свободу слова. Да и вообще это определение свободы слова не касается. Оно просто объясняет, что следует считать антисемитизмом. Мы не знаем ни одной страны или территории, в которой законы запрещали бы выражение антисемитизма как таковое. В тех немногих случаях и странах, когда определенные *проявления* антисемитизма преследуются, это происходит только при наличии дополнительныхотягающих факторов. Наказуем может быть не антисемитизм как таковой, а, например, как форма подстрекательства.

Мозес и многие его соратники, похоже, считают, что только (крайне) правые могут возразить против их радикальной делигитимации Израиля – то есть все защитники Израиля автоматически считаются правыми. Он подчеркивает, что праворадикальная немецкая партия AfD якобы восхищается Израилем как «этно-националистическим и антиисламским государство с ограничительной иммиграционной политикой».¹⁴ На самом деле мусульмане составляют почти пятую часть населения Израиля и пользуются всеми юридическими, политическими и гражданскими правами. Так же, как израильские иудеи и христиане, они обладают системой религиозных судов для определенных аспектов гражданского права – судов, финансируемых государством. Израиль Мозеса существует только в его воображении. Он лишь проекция целого ряда стереотипов, имеющих мало общего с реальностью.

Выступление Мозеса в защиту манифеста Ротберга и Циммерера встретило очень разные реакции. Среди тех, кто высоко оценил «продуманный анализ» Мозеса и назвал его текст «весьма достойным прочтения», был Мартин Зеллнер, глава ультраправой группировки IBÖ (Идентитарное движение Австрии).¹⁵

Мозес безусловно оперирует весьма своеобразной концепцией антисемитизма. Это позволяет ему и другим выдавать индульгенции целому ряду весьма проблематичных интеллектуалов и активистов. В качестве примера можно привести решение пригласить постколониального ученого Ахилле Мбембе на Руртриеннале 2020 года – несмотря на его грубые антисемитские высказывания.¹⁶

«Якобы антисемитизм» и еврейская «одержимость Холокостом»

По мнению Мбембе, «воздействие израильского проекта на Палестину гораздо опаснее [*redoutable*: страшный; грозный; опасный] относительно примитивных операций, проводившихся режимом апартеида в Южной Африке в период с 1948 по начало 1980-х годов».¹⁷ После этого многообещающего начала Мбембе утверждает, что «система апартеида в Южной Африке и уничтожение евреев в Европе – последнее в экстремальной форме и в отдельном контексте – представляют собой два ярких проявления [одной и той же] фантазии о разделении».¹⁸ Итак, Шоа для него лишь степенью отличалась от «относительно примитивной» системы апартеида, которую, в свою очередь, затмевает по опасности «израильский проект». По мнению Мбембе, «современная колониальная оккупация Палестины» воплощает в себе «наиболее развитую форму некровласти» (*sic*) на сегодняшний день.¹⁹ В отличие от своих западных учеников, Мбембе беззаботно навешивает ярлыки по своему усмотрению и не стесняется в выражениях, особенно щедро пользуясь неологизмами на «некро-». Он даже не делает вид, что заинтересован в реальной сравнительной оценке различных контекстов – и не предлагает объяснений утверждению о «развитости» предполагаемой «некрополитики» Израиля, скажем, по сравнению с такими преступлениями, как геноцид уйгуров в Китае, курдов в Турции и народа рохинджа в Мьянме, а также геноцида езидов ИГИЛом. В своем предисловии к сборнику под названием *Apartheid Israel* Мбембе пишет: он «готов поспорить», что ситуация в Палестине «хуже, чем в южноафриканских бантустанах»²⁰ и что политика «резни, разрушения и постепенного истребления», якобы проводимая Израилем, «смертоноснее апартеида в южноафриканском стиле». Учитывая его вышеприведенное утверждение о том, что «апартеид в южноафриканском стиле» и Шоа – явления одной категории, он снова подразумевает, что «некрополитика» Израиля «смертоноснее», чем Шоа.²¹

В 2006 году Мбембе объяснил, что, по его мнению, «отличает южноафриканский опыт [после апартеида] от опыта такой страны, как Израиль», в связи с Шоа: «Государства, которые определяют себя в основном как жертвы, часто оказываются преисполнены ненависти и вынуждены постоянно имитировать смерть через жертвоприношение и причинять другим все те мучения, которым подверглись сами». В то время как Южная Африка решила эту проблему с помощью Комиссии по установлению истины и примирению, Израиль, по мнению Мбембе, остался верен своей «жажде искупления», принявшей «форму духа мести – око за око и зуб за зуб».²² Таким образом, Мбембе проецирует древнее клише мстительного еврея на Израиль в связи с Шоа.

Если публичный интеллеktуал описывает Израиль как обсессивно-компульсивного маньяка, вечно повторяющего геноцид, не может ли в этом крыться некоторый антисемитизм? Ни в коем случае, утверждает Алейда Ассманн. Когда она и ее муж, Ян Ассманн, были удостоены Премии мира немецких книготорговцев в 2018 году за тематизацию «исторической амнезии и мемориальной культуры», она яростно выступила в защиту Мбембе.²³

«Будучи африканцем», – объясняет Ассманн, – Мбембе «интерпретирует Шоа с точки зрения своего собственного опыта и окружающего мира». Его точка отсчета – не «идеология или нарратив, объясняющий, интерпретирующий и оценивающий исторические события», а «контуры широкого, исторически сформированного и глубоко прожитого опыта». Похоже, что Ассманн придерживается все более влиятельного постмодернистского взгляда: вместо поиска общих критериев всем следует исходить из личного (и различного) опыта в собственных попытках установить «связи между различными событиями и континентами». Это якобы открывает «дополнительные перспективы к рассмотрению Холокоста» и возможности «расширить национальную идентичность Германии». Таким образом, Ассманн ссылается на «перспективы Глобального Юга», чтобы оправдать собственное желание стереть специфику Шоа и «дезинфицировать» самоопределение Германии.

Такой подход позволяет потомкам виновников Шоа переносить сочувствие на жертвы чужих преступлений, получая от этих жертв заверения в том, что немецкие нацисты были ничуть не хуже (да нет, скорее лучше!) различных других преступных режимов – за исключением разве что государства Израиль. И уж во всяком случае, антисемитизм здесь ни при чем. Именно вынесение антисемитизма за скобки позволяет нееврейским немцам пробовать себя в роли жертвы, а также представлять государство Израиль в качестве главного преступника и поддерживать движение BDS. Учитывая незаменимость Израиля в предоставлении защиты и убежища евреям – необходимость чего с чудовищной ясностью показала Шоа – трудно выступать против самого существования этого государства, не признаваясь при этом в собственном антисемитизме. Чтобы совершить такой ментальный трюк, необходимо отмежеваться от истории Германии. Тем не менее, Ассманн настаивает (цитируя Моше Циммермана), что критиковать движение BDS – значит «затыкать рот противникам израильского правительства».²⁴ Итак, «расширение национальной идентичности Германии», к которому стремятся Ассманн и другие, требует стереть специфику Шоа как беспрецедентного геноцида, направленного именно против евреев.

Конечно, Ассманн не может отрицать существование антисемитизма или необходимость борьбы с ним. Зато она может размыть его определение до полной потери сути.²⁵ Она призывает к «определению антисемитизма, которое не разделяет, а объединяет нас в нашей решительной борьбе против ненависти к евреям, расизма, ксенофобии и исламофобии».²⁶

В теории постколониальные посягательства на культуру памяти Шоа не имеют прямого отношения к Израилю. Однако на практике они часто сопряжены с антиизраильскими стереотипами.²⁷ Понимая, чем была Шоа, невозможно усомниться в необходимости Израиля как еврейского государства, защищающего свои границы. Однако для Мбембе само существование Израиля – это «величайший моральный скандал нашего времени», а Шоа – просто «эмблематическое проявление ... той же фантазии разделения», что лежала в основе апартеида в Южной Африке.²⁸ Ему вторит антрополог Махмуд Мамдани, профессор политологии в Колумбийском университете в Нью-Йорке: «Холокост – это яма, вырытая империей, в которую сама империя и упала».²⁹ Защитный барьер, возведенный Израилем после ужасающего террористического насилия Второй интифады, по мнению Мамдани, создал смесь «бантустанов в стиле апартеида и концентрационных лагерей в стиле нацизма».³⁰

Посягательство на мемориальную культуру Шоа крайне часто связано с антисемитской критикой Израиля. Об этом свидетельствует и интервью, которое предваряет немецкое издание книги Ротберга *Multidirectional Memory*, вышедшее в 2021 году. В нем Ротберг объясняет: «мой интерес к Холокосту возник примерно в то же время, когда я начал изучать политику Израиля и Палестины». Далее он объясняет, что у него сложилось впечатление, «будто американское еврейство основывает свою идентичность одновременно на одержимости Холокостом и на лояльности к Израилю, чей оккупационный режим оказался под серьезной угрозой в результате интифады». Начав рассматривать политику Израиля в отношении палестинцев как форму «незаконной оккупации и экспроприации», он «подверг сомнению некоторые догмы касательно Холокоста», которые, по его мнению, использовались «в качестве брандмауэра против критики политики Израиля». Иными словами, он переосмыслил Шоа ввиду своей острой потребности возмутиться реакцией Израиля на первую интифаду.

Кассель: Антисемитизм? Какой еще антисемитизм?

Еще за несколько месяцев до открытия выставки современного искусства *documenta 15* критики высказывали опасения по поводу участия некоторых кураторов и художников, которые ранее выражали симпатию к антисемитским позициям и антиизраильским кампаниям. Однако все эти предупреждения были проигнорированы. Когда выставка открылась, глазам публики предстало несколько откровенно антисемитских экспонатов. В частности, огромное полотно под названием *People's Justice* (Народное правосудие) коллектива Taring Padi было настолько бесспорно антисемитским, что его сначала прикрыли тканью, а затем сняли. Постепенно стали заметны и другие проблемы. Не только авторы антисемитских работ, но и организаторы выставки отреагировали отрицанием и самозащитой. В результате ряд художников и консультантов отказались от участия, и в конце концов руководительница выставки, Сабина Шорманн, была вынуждена уйти в отставку.

В этом контексте немецкая радиостанция Deutschlandfunk обратилась к политологу Араму Зиаи, возглавляющему Кафедру развития и постколониальных исследований Кассельского университета. Учитывая предыдущие высказывания Зиаи на подобные темы, его реакция не удивляет. Стоит только вспомнить введение к его книге *Postcolonial Political Studies*, опубликованной в 2016 году. В нем он критикует идею о том, что Шоа ознаменовала «разрыв цивилизации». Его подход пытается игнорировать антисемитизм – такое умышленное забвение пронизывает не только постколониальные исследования, но и заметную часть общества в целом. Эта «забывчивость» позволяет Зиаи отрицать специфику Шоа в сравнении с другими (колониальными) геноцидами.

Учитывая послужной список европейского колониализма и его историю расовых геноцидов и насильственного господства, пишет Зиаи, европейские общества до Шоа вряд ли можно охарактеризовать как цивилизованные. Поэтому, заключает он, «утверждение, что разрыв цивилизации произошел только с Шоа, лицемерно и колониально: все жертвы равны, но некоторые равнее. ... Можно сколь угодно подробно осмыслять национал-социализм; если этот процесс не сопровождается столь же тщательным осмыслением колониализма, то он воспроизводит вышеупомянутый двойной стандарт.»³¹ Как мы уже писали, описание Шоа как разрыва цивилизации никогда не подразумевало, что мир до Шоа был высокоцивилизован. Зиаи просто отрицает, что Шоа действительно была настолько беспрецедентна или уникальна, что имеет смысл говорить о разрыве.

Для Зиаи исключительным в Шоа был разве что тот факт, что его совершила одна белая группа против другой. При этом он считает само собой разумеющимся, что евреи – «белые»: знания (как исторические, так и эмпирические) о реальных евреях его логике только помешали бы. С постколониальной точки зрения безоговорочная классификация евреев как «белых» практически автоматически переносит их на «неправильную» сторону истории.

Отвечая на вопрос о выставке *documenta 15* еще до отставки Шорманн, Зиаи настаивал, что ей ни к чему увольняться. «Произошедший антисемитский инцидент» – так он назвал самое вопиюще антисемитское произведение искусства на выставке – «лучше использовать как возможность вступить в диалог». Он высказал сожаление, что такой диалог, начатый несколькими неделями ранее, провалился – в частности, из-за вмешательства Центрального совета евреев в Германии. Согласно Зиаи, Центральный совет обвинил предложенную комиссию в «антисемитской предвзятости», хотя в ее состав входил Мерон Мендель, «один из важнейших еврейских голосов в Германии». Таким образом, Зиаи переложил ответственность за провал запланированной дискуссии: виноваты были не организаторы и художники, которые создали и выставили антисемитские произведения, а затем при поддержке множества журналистов пытались релятивизировать значение и влияние произошедшего. Нет, виноват был Центральный совет евреев.³² Вскоре после этого сдался даже вышеупомянутый Мерон Мендель – профессор социологии и руководитель образовательного центра Анны Франк во Франкфурте, человек, готовый к диалогу даже в самых трудных и сомнительных ситуациях. Когда разразился скандал, руководство *documenta* пригласило его в качестве консультанта – но в итоге он отказался от участия, так как не видел со стороны выставки «серьезного намерения разобраться в произошедшем и вступить в честный диалог».³³

Зиаи заявил, что ярко выраженная чувствительность Германии к антисемитизму – это, конечно, хорошо, но только когда не доходит до «гиперчувствительности». Последней по его мнению страдают те, кто с самого начала предупреждал об антисемитизме некоторых приглашенных на *documenta 15* художников и кураторов. Впрочем, Зиаи признал, что сам он не специалист по антисемитизму – но добавил, что имеет опыт общения с «людьми, которые изучали антисемитизм более интенсивно». Какой же вывод он сделал из этого общения и из проявлений антисемитизма на выставке *documenta*? Вот какой: «Необходимо активнее изучать связи между антисемитизмом и расизмом.» Почему? Потому что часть «проблемы» в том, что «люди, изучающие антисемитизм», утверждают, что антисемитизм «категорически отличается от расизма», тогда как на самом деле антисемитизм – это «антиеврейский расизм».³⁴ Более того, Зиаи прямо

предложил «немного сузить определение антисемитизма», чтобы «минимизировать» пересечение между ним и постколониальными позициями. Итак, по мнению Зиаи, борьба с антисемитизмом и его изучение должны сводиться к изменению определений – такому, чтобы некоторые формы антисемитизма «не считались».

Зиаи добавляет, что сам раньше полагал такие определения Израиля как «колониальное» государство» или «государство апартеида» проблематичными,³⁵ но затем все же решил, что эти идеи подлежат открытому обсуждению. Пресловутые «люди, изучающие антисемитизм» могли бы объяснить, почему эти описания не просто проблематичны, но и несут в себе антисемитизм. Те, кто знакомы с историей Палестины, Ишува и Государства Израиль, также могли бы отметить, что отдельного палестинского государства не существует прежде всего из-за палестинских лидеров, которые раз за разом отказывались принять государство рядом с Израилем. Израиль не занимает «похищенную землю, обещанную палестинцам», как утверждает Зиаи.³⁶ Здесь недостаточное понимание антисемитизма и недостаток исторических знаний сливаются в антиизраильский миф. Зиаи полагает, что евреям следует быть менее чувствительными по отношению к антисемитизму, Шоа и государству Израиль – и вступить в диалог, причем легитимным предметом обсуждения должны являться и явно антисемитские высказывания.

Инструментализация «Глобального Юга» для маргинализации Шоа

В июне 2022 года, всего за неделю до открытия выставки *documenta 15*, в конгресс-центре, посвященном мировой культуре – Haus der Kulturen der Welt – прошла постколониальная академическая конференция. Уже ее заголовок позволяет сделать выводы о содержании: *Hijacking Memory: The Holocaust and the New Right* (Захватывая память: Холокост и новые правые).³⁷ Проспект конференции спрашивает: «Какова связь между ритуализацией памяти о Холокосте и подъемом ультраправых? На этой конференции мы изучим, как правые силы захватывают память о Холокосте, и рассмотрим способы противостояния.»³⁸ Организаторы исходили не только из того, что «настоящий» антисемитизм – удел правого радикализма. Одновременно они утверждали, что только правые и праворадикальные силы настаивают на специфичности Шоа и отказываются рассматривать ее как одно преступление среди многих.

«Ни один еврей и ни одна еврейка не станут отрицать, что антисемитизм представляет собой реальную угрозу», – пояснила в начале встречи руководительница Эйнштейновского форума в Потсдаме, Сьюзан Нейман, со-организировавшая конференцию. «Но мы убеждены, что обвинение в антисемитизме часто цинично используется для достижения националистических целей». ³⁹ Задача конференции состояла в обсуждении различий «настоящего» и «мнимого» антисемитизма. Не слишком удивительно, что антисемитизм, связанный с Израилем, попал в категорию «мнимого». Отнесение некоторых видов антиизраильской риторики к категории «антисемитизм» было названо сионистской пропагандой и попыткой заткнуть рот критикам Израиля. По мнению докладчиков, определение антисемитизма, разработанное IHRA, препятствует просвещенному дискурсу и выяснению истины. В качестве вывода подавался все тот же изначальный посыл: только политически правые способны на «настоящий» антисемитизм; левого антисемитизма не бывает. Газеты Германии редко упоминают академические конференции – но эта стала исключением. О ней писали многие и в мельчайших подробностях. Неудивительно, учитывая, что она фактически выдала индульгенцию на любые высказывания о евреях и Израиле всем, кто не причисляет себя к ультраправым антисемитам. Мюнхенская газета *Süddeutsche Zeitung* разразилась особенно бурными аплодисментами. «Наконец-то честные дебаты!» – восклицал ее заголовок. ⁴⁰

Конференция Hijacking Memory в Берлине

Конференция предоставила левым либералам возможность продемонстрировать свою решимость маргинализировать Шоа.

В *Jüdische Allgemeine*, главном немецком еврейском еженедельнике Германии, социолог Натан Шнайдер дал следующую оценку конференции: «Недалеко от мест, где когда-то отдавались приказы об уничтожении еврейских жизней, в Haus der Kulturen der Welt, прошла конференция под названием *Захватывая память: Холокост и новые правые*. Ее целью было отмахнуться именно от той формы памяти, которая необходима Германии. Конференция объявила новыми жертвами левых либералов. Они считают, что пострадали от мемориальной культуры, уделяющий слишком много внимания евреям.»⁴¹

Наряду с настойчивым утверждением, что только евреи не имеют права на национальное самоопределение (позиция, перечисленная среди примеров антисемитизма, прилагаемых к определению IHRA), на конференции был представлен культурологический подход, которого часто придерживаются постколониальные теоретики и активисты. А именно: личный опыт и воспоминания у всех различаются; что на Западе антисемитизм, где-то еще (например, в странах «Глобального Юга») – вовсе не антисемитизм. Такой релятивизм позволяет «отмыть» что угодно – от антисемитских произведений искусства до движения BDS и геноцидного палестинского терроризма. Западные интеллектуалы используют отсылку к «Глобальному Югу» в своем стремлении отмахнуться от необходимости серьезного осмысления Шоа и провозгласить, что все относительно. Нам представляется, что такую инструментализацию «Глобального Юга» в своих целях вполне можно назвать циничной и даже расистской.

Из университетов на улицы

В Баварии, как и повсюду, эти два тесно сплетенных утверждения все чаще выплескиваются из лекционных залов и культурных учреждений на улицы: во-первых, Шоа не отличается принципиально от других геноцидов; во-вторых, те, кто настаивает на обратном, желают тем самым заглушить критику Израиля. В частности, мюнхенское отделение организации «Женщины в черном» (Frauen in Schwarz/Нашим Бешахор) регулярно распространяет антисемитские листовки, утверждающие, что Израиль имеет привилегированный статус «из-за Холокоста». Этот статус якобы позволяет ему «игнорировать международное право и права человека» и не подвергаться за это критике.

Еще один пример – культовый рисованный персонаж по имени Хандала, регулярно появляющийся на антиизраильских митингах, в том числе и в Баварии. Примерно через шесть недель после открытия выставки *documenta 15* были обнаружены антисемитские аспекты других экспонатов, помимо

▲ Мюнхен, май – июль 2021 года

Плакат с изображением Хандалы и QR-кодом был вывешен на нескольких антиизраильских митингах, а также на одном из митингов Black Lives Matter. Красный QR-код выводил на карту, определяющую всю территорию между Иорданом и Средиземным морем как палестинскую, будто Израиля не существует.

полотна *People's Justice*. Команда *documenta* временно изъяла эти экспонаты, исследовала их, а затем снова выставила.⁴² Среди них было несколько изображений Хандалы, созданных Наджи аль-Алисом. Хорошо известный во всем арабском мире Хандала – это десятилетний палестинский мальчик, которого читатели всегда видят со спины. Аль-Алис никогда не скрывал, что «свободная Палестина» его мечты простирается «от реки до моря» и не предполагает существования Израиля. Он критикует арабских политиков, представляя их, например, как улиток, слишком медленно ползущих по тропе палестинского дела. Однако главными объектами его гнева являются Израиль и Соединенные Штаты. Военнослужащие Армии обороны Израиля постоянно изображаются в антисемитской манере: например, с огромными носами или как пауки посреди паутины. По большей части Хандала является лишь пассивным наблюдателем, но иногда он действует – в частности, поджигает израильский флаг. Короче говоря, изображения Хандалы изобилуют антисемитскими мотивами. Кроме того, Хандала – талисман антисемитского движения BDS, которое стремится положить конец существованию Израиля как еврейского государства.

Мы уже указывали на релятивизирующие Шоа лозунги на недавних антиизраильских митингах – например, в Нюрнберге 14 мая 2021 можно было прочесть: «Вы действительно хотите превзойти тех, кто топтал вас... и превратить палестинцев в новых евреев?», «Хватит делать то, что Гитлер сделал с вами» и «Один Холокост не оправдание другому». На митинге в честь так называемого Дня Накбы в Мюнхене 15 мая 2022 один из плакатов гласил: «Учиться на немецкой истории значит поддерживать апартеид?» На другом плакате было написано по-английски: «It wasn't okay in South Africa [...], it wasn't okay in Nazi Germany [...] Why is it okay (sic) in Palestine?» А также: «Remember 1941–1945. Now you are doing the same to Palestina».

Другой яркий случай релятивизации Шоа произошел на совместной пресс-конференции канцлера Олафа Шольца и президента Палестинской автономии Махмуда Аббаса в Берлине 16 августа 2022 года, на которой Аббас заявил мировой аудитории, что Израиль совершил «50 Холокостов» против палестинцев. Шольц выразил свое возмущение этим высказыванием только после конца конференции.

Это особенно очевидные примеры того, как антиизраильский антисемитизм и релятивизация Шоа перетекают друг в друга. Важно понимать, что эти идеи вызывают поддержку не только малообразованных людей или экстремистов. Многие теоретики, люди искусства и публичные интеллектуалы считают предположения, лежащие в основе этих грубых примеров, вполне убедительными.

Мюнхен, 15 мая 2021

Пример релятивизации: апартеид, Шоа, Палестина – все в равной степени «не okay».

Они активно способствуют созданию климата, в котором откровенный анти-израильский антисемитизм и все более крайние формы релятивизации Шоа постепенно становятся приемлемыми. Устоявшийся консенсус против ультра-правого антисемитизма, похоже, сохраняется – но немецкое общество очень восприимчиво к релятивизации Шоа, умаляющей его вину. Теперь, когда она подается под леволиберальным и якобы антирасистским соусом, устоять перед ней особенно трудно.

Кроме того, постколониальный подход, о котором мы рассказали в этом разделе, часто создает совершенно ненужную путаницу в том, что есть расизм, что есть антисемитизм, и как с ними бороться. Приглашение Мбембе принять участие в Руртриеннале, *documenta 15*, публикация немецкого перевода книги Ротберга и конференция *Hijacking Memory* поддерживались целым рядом петиций, подписанных резонансными интеллектуалами и деятелями культуры «во имя свободы слова». Климату, отраженному и сформированному этими событиями, соответствует постоянный рост числа задокументированных антиизраильски-антисемитских высказываний и инцидентов, а также случаев релятивизации Шоа.

Неудивительно, что многие жители и жительницы Германии равнодушны к системам, которые преуменьшают значение Шоа и роль антисемитизма в попытке уничтожить европейское еврейство. С середины 1960-х годов (западногерманское) общество старательно делает вид, что его волнует Шоа (по крайней мере, на официальном, культурном и интеллектуальном уровне) – что, впрочем, редко сопровождается искренним стремлением осмыслить случившееся. Многие иностранцы считают мемориальную культуру Германии образцовой, но совершенно напрасно. Эта сформировавшаяся поздно и под давлением извне культура так и не смогла избавить Германию от желания снять с себя ответственность.

Да, некоторые немцы со временем всерьез задумались о Шоа и создали некоторое количество мемориалов, движимые искренними чувствами. В 1950-х и начале 1960-х гг. довольно многие консерваторы прониклись идеалами кибуцев и доблестью оборонных сил Израиля. Однако в большинстве своем даже немцы и немки, готовые к осмыслению судьбы убитых евреев, редко проявляли интерес или симпатию к живым евреям в целом и сионистам в частности. Один и тот же человек вполне способен тратить массу сил на то, чтобы поставить мемориал местным жертвам Шоа – и вести откровенно антисемитскую анти-израильскую деятельность, зачастую мотивируя аналогией с Шоа свою ненависть к Израилю, который якобы действует нацистскими методами.

В этом контексте постколониальная повестка крайне привлекательна. Она говорит Германии, что о погибших евреях уже было слишком много шума; что на борьбу с антисемитизмом потрачено слишком много времени и сил; и что неприятие Израиля абсолютно оправдано.

Табу табу рознь!

Как мы выяснили, приверженцы постколониализма очень любят обвинять окружающих в соблюдении неких несуществующих табу. Между тем, одно табу ревностно блюдут они сами. В то время как Шоа якобы ничем не отличалась от любого другого случая массового насилия, одну форму явно геноцидного массового насилия по их мнению ни в коем случае нельзя сравнивать с Шоа – а именно геноцидное массовое убийство, направленное конкретно против евреев. После резни, совершенной ХАМАС на юге Израиля 7 октября 2023 года, шестнадцать ученых, годами и десятилетиями отрицавшие качественное отличие Шоа от других случаев массового насилия в разные века (в частности, Майкл Ротберг и Дирк Мозес) опубликовали срочный призыв воздержаться от «ссылок на память о Холокосте в комментариях к текущему кризису в Газе и Израиле».⁴³ Очевидно, единственное сходство между Шоа и массовым убийством 7 октября заключается в том, что ни то, ни другое не имеет никакого отношения к антисемитизму...

Двенадцать из этих шестнадцати ученых также подписали так называемую Иерусалимскую декларацию об антисемитизме (JDA), созданную для дискредитации и подрыва ранее упомянутого определения антисемитизма IHRA, на котором основывается работа RIAS. Повторим: IHRA прямо отмечает, что «критика Израиля, подобная критике в адрес любой другой страны, не может рассматриваться как проявление антисемитизма». Однако в то же время IHRA настаивает на необходимости борьбы со все более распространенным антисемитизмом, направленным против Израиля (либо как такового, либо в качестве «эвфемизма», обозначающего евреев). Сторонники JDA категорически отрицают, что антиизраильский антисемитизм, если он вообще существует, играет значительную роль. Большую часть того, что в определении IHRA классифицируется как антиизраильский антисемитизм, они относят к легитимной «критике государства Израиль». Это утверждение повторяется в открытом письме шестнадцати ученых. «Обращение к Холокосту» в контексте массового убийства 7 октября, сетуют они, «подпитывает ... смешение критики Израиля с антисемитизмом».

Подписавшие открытое письмо представляют геноцидное массовое убийство 7 октября как всего лишь очередную эскалацию насилия в территориальном конфликте между Израилем и «палестинцами». Они утверждают, что «чрезвычайное насилие 7 октября» и «воздушные бомбардировки, а также вторжения в Газу» со стороны Израиля – явления одного ряда. Кроме того, они обвиняют Израиль в «коллективном наказании» палестинцев, используя это понятие в идиосинкразической, чисто эмоциональной манере, не имеющей ничего общего с юридической категорией коллективного наказания, установленной международным правом.

На протяжении десятилетий ХАМАС абсолютно четко заявлял о своих намерениях: его первоочередная цель – полное уничтожение государства Израиль. ХАМАС не скрывал, что намерен убивать всех евреев, которые не уедут добровольно или не успеют уехать вовремя. На протяжении десятилетий подписанты открытого письма и их коллеги отвергали все это как простую риторику, призванную оказать политическое давление. 7 октября ХАМАС самым вопиющим образом продемонстрировал свою серьезность. И тем не менее эти ученые все еще считают, что лучше понимают подоплеку массового убийства, чем сам ХАМАС. Меньше всего в их рассуждениях фигурируют почти 250 преимущественно гражданских заложников, включая девятимесячного младенца.

Ученым, потратившим значительную часть своей трудовой жизни на оспаривание уникальности Шоа, теперь пришлось самим водрузить ее на пьедестал, запрещающий всякие сравнения – дабы представить самое страшное геноцидное преступление, совершенное против евреев после 1945 года, как случай стандартного межгруппового насилия. Единственной альтернативой было бы отказаться от всего своего мировоззрения. Особенно поразительно это в случае Дирка Мозеса – если принять его гротескную таксономию, геноцидное убийство 7 октября несомненно является хрестоматийным случаем геноцида со стороны подвластных (каким он, как минимум частично, считает Шоа). Нельзя сказать, чтобы подписавшие открытое письмо прислушивались к собственному настоятельному предупреждению против «неправильного использования» Шоа. Отголоски Катастрофы «должны служить призывом против массовых убийств, а не к их продолжению», пишут они. При этом достаточно прозрачно намекается на то, что геноцидное массовое убийство евреев 7 октября нельзя сравнивать с Шоа – а самооборону Израиля против ХАМАС можно. Там, где релятивизируется Шоа, редко обходится без инверсии ролей жертвы и преступника.

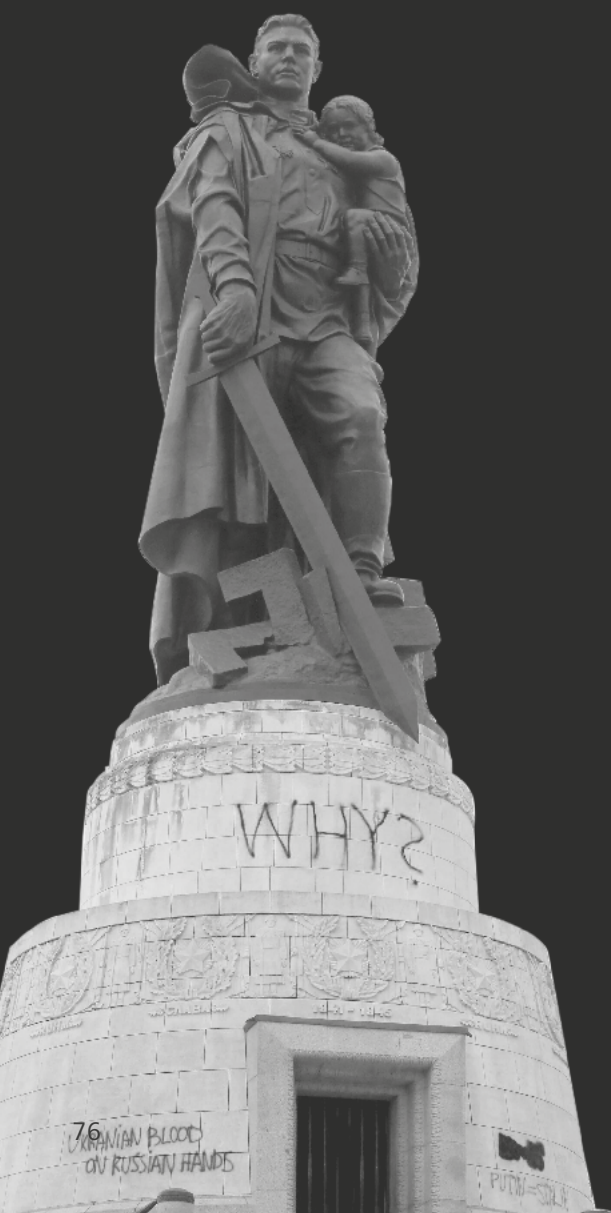
- 1 Вероятно, автор письма имел в виду массовые убийства в лагерях для палестинских беженцев (Сабра и Шатила) в Бейруте после Первой ливанской войны. Вопреки мифам, эти убийства нескольких сотен мирных жителей были совершены не Армией обороны Израиля, а христианскими фалангистами. Однако фалангисты были на стороне Израиля, и Армия обороны Израиля виновна в том, что не помешала их боевикам проникнуть в лагеря. Признавая эту вину, министр обороны Ариэль Шарон ушел в отставку в 1983 году.
- 2 Виндхук – столица Намибии, находившаяся под колониальным господством Германии.
- 3 См. Ingo Elbe, *Gestalten der Gegenauflklärung. Untersuchungen zu Konservatismus, politischem Existentialismus und Postmoderne* (Würzburg: Königshausen & Neumann, 2020), 232–234.
- 4 Jürgen Zimmerer; Michael Rothberg, «Enttabuisiert den Vergleich! Die Geschichtsschreibung globalisieren, das Gedenken pluralisieren: Warum sich die deutsche Erinnerungslandschaft verändern muss», в *Die Zeit*, 4 апреля 2021, www.zeit.de/2021/14/erinnerungskultur-gedenken-pluralisieren-holocaust-vergleich-globalisierung-geschichte/komplettansicht.
- 5 Подробную критику см., например: Saul Friedländer et al.: *Ein Verbrechen ohne Namen. Anmerkungen zum neuen Streit über den Holocaust* (Мюнхен: C. H. Beck, 2020).
- 6 A. Dirk Moses, «Der Katechismus der Deutschen», 23 мая 2021, geschichtedergegenwart.ch/der-katechismus-der-deutschen.
- 7 Мозес прилагает огромные усилия, чтобы вписать Шоа в антиколониальную таксономию. Среди прочего, он характеризует Шоа как «геноцид со стороны подвластных» – то есть геноцид, совершаемый колонизированными группами против действительного (или, в данном случае, воображаемого) колонизатора. Нацисты, по его мнению, «рассматривали немцев как коренной народ, который был колонизирован евреями». A. Dirk Moses, «Empire, Colony, Genocide. Keywords and the Philosophy of History», в его же (сост.) сборнике *Empire, Colony, Genocide: Conquest, Occupation, and Subaltern Resistance in World History* (New York: Berghahn, 2008), 3–54, 37. Можно было бы предположить, что по этой логике Шоа – скорее антиколониальное, чем колониальное преступление, однако суть гипотезы в том, что антиколониальные явления вызваны колониализмом, в том числе колониализмом воображаемым. Мозес утверждает, что Шоа не имеет отношения к антисемитизму – просто в данном случае (воображаемые) колонизаторы оказались евреями. Критику этой аргументации можно найти, например, здесь: Steffen Klävers, *Decolonizing Auschwitz? Komparativ-postkoloniale Ansätze in der Holocaustforschung* (Berlin: De Gruyter, 2021), 121–128. Из этой логики также следует, что в желании уничтожить еврейское государство Израиль тоже

- нет ничего антисемитского: просто случайно так получилось, что колонизаторы (воображаемые, или, как в данном случае считает Мозес, фактические) – евреи.
- 8 См. Ulrike Marz, *Kritik des Rassismus. Eine Einführung* (Stuttgart: Schmetterling-Verlag, 2020), раздел 5.3.
 - 9 A. Dirk Moses, «Antwort an Habermas: Warum auch Afrikaner und Muslime Gerechtigkeit verdienen», *Berliner Zeitung*, 25 сентября 2021, <https://www.berliner-zeitung.de/wochenende/dirk-moses-warum-wir-die-dialektik-der-normalisierung-ergaenzen-muessen-li.184931> (платный доступ). Здесь и далее: слова «Jewish» / «jüdisch» переводятся как «еврейский» или «иудейский» в зависимости от контекста; иногда для полноты передачи смысла мы используем оба слова.
 - 10 Sic. Неологизм «theo-political» можно перевести и как «религиозно-политический», но теряется отсылка к слову «геополитический».
 - 11 Две последние цитаты взяты из книги Теодора Герцля «Еврейское государство». Эта книга была опубликована в 1896 году, за 125 лет до статьи Мозеса, однако он пользуется ими так, словно в них до сих пор заключаются все чаяния сионистского движения, Ишува и государства Израиль. Это грубый анахронизм: в то время большинство прогрессивных людей на Западе согласились бы с этими цитатами, но мало кто одобрил бы их сегодня. Очевидно, Мозес считает, что идеи сионизма не менялись с девятнадцатого века. Проблематичность высказывания 1896 года, по его мнению, способна делегитимировать государство Израиль – несмотря на то, что с тех пор появился немаловажный аргумент в пользу необходимости еврейского государства: произошла Шоа. Очевидно, официальная идеология Третьего Рейха в 1940-х – антисемитизм, приведший к «геноциду со стороны подвластных» – сегодня не релевантна, в отличие от идеологии Герцля в 1890-х.
 - 12 IHRA, «The Holocaust and Other Genocides», <https://www.holocaustremembrance.com/resources/educational-materials/holocaust-and-other-genocides>.
 - 13 IHRA, «About the IHRA Non-Legally Binding Working Definition of Antisemitism», <https://www.holocaustremembrance.com/resources/working-definitions-charters/working-definition-antisemitism#:~:text=The%20IHRA%20is%20the%20only,leading%20role%20in%20combing%20it>.
 - 14 Moses, «Der Katechismus der Deutschen». Обсуждение антисемитизма, присущего этому искажению образа Израиля, можно найти в следующей статье: Nikolai Schreiter, «Nicht an Israels Seite, an seiner Stelle wollen sie sein – der Antisemitismus und ein verändertes Verhältnis von AfD und FPÖ zum jüdischen Staat. Eine psychoanalytisch inspirierte Analyse». В: Lennard Schmidt et al. (сост.), *Antisemitismus zwischen Kontinuität und Adaptivität: Interdisziplinäre Perspektiven auf Geschichte*, *Aktualität und Prävention* (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2022), 243–256.
 - 15 Martin Sellner, «Postkoloniale Angriffe auf den „Auschwitz-Mythos“», <https://sezeSSION.de/64268/postkoloniale-angriffe-auf-den-auschwitz-mythos>.
 - 16 Для более подробного описания антисемитизма Мбембе, его близости к движению BDS и его характеристики Израиля как государства, вынужденного из-за фетишизации Шоа убивать других, см.: Alex Gruber, «Speerspitze des postkolonialen Antisemitismus. Achille Mbembes «Nekropolitik» als Handreichung für deutsche Erinnerungskultur». В: *sans phrase. Zeitschrift für Ideologiekritik* no. 17 (2021), 5–25.
 - 17 Achille Mbembe, *Necropolitics*, перевод Steven Corcoran (Durham: Duke University Press, 2019), 44.
 - 18 Там же, 46.
 - 19 Там же, 80.
 - 20 Бантустан (африк. Bantoeistan) — территория, использовавшаяся в качестве резерваций для коренного чёрного населения ЮАР и Юго-Западной Африки (ныне Намибия) в рамках политики апартеида.
 - 21 Achille Mbembe, «Foreword: On Palestine». John Soske, Sean Jacobs (сост.), *Apartheid Israel. The Politics of an Analogy* (Chicago: Haymarket, 2015), vii–viii.
 - 22 «What is Postcolonial Thinking? An interview with Achille Mbembe». *Esprit* no. 12 (2006), 117–133, https://www.cairn-int.info/article-E_ESPRI_0612_0117--what-is-postcolonial-thinking.htm.
 - 23 «Friedenspreis 2018: Aleida und Jan Assmann», <https://www.friedenspreis-des-deutschen-buchhandels.de/die-preistraeger/2010-2019/aleida-und-jan-assmann>
 - 24 Aleida Assmann, «Arbeit am Antisemitismusbegriff», <https://rotary.de/gesellschaft/arbeit-am-antisemitismusbegriff-a-16090.html>.
 - 25 Мозес и другие во многом сужают концепцию антисемитизма; Ассманн, наоборот, расширяет ее. Результат, по сути, один и тот же: либо понятие перестает охватывать антисемитизм, связанный с Шоа и Израилем – либо оно распространяется на все человечество, и евреи перестают быть его конкретной или главной мишенью.
 - 26 Assmann, «Arbeit am Antisemitismusbegriff». Концепция исламофобии весьма проблематична, учитывая ее тенденцию изображать современных мусульман как «новых евреев» – и частоту утверждения, что критика ислама или конкретных мусульманских практик является формой расизма. Этот вопрос обсуждается, в частности, в: Luzie H. Kahlweiß und Samuel Salzborn, «Islamophobie» als politischer Kampfbegriff. Zur konzeptionellen und empirischen Kritik des Islamophobiebegriffs». *Jahrbuch für Extremismus- und Terrorismusforschung* 5, 2 (2011/2012), 248–263, https://www.hsbund.de/SharedDocs/Downloads/2_Zentralbereich/20_Referat_W/Publikationen/20_

- Schriften_Extremismus_Terrorismusforschung/
band_06.html?nn=82324.
- 27 Общий обзор см. в Elbe, *Gestalten der
Gegenaufklärung*, 253–259.
 - 28 Achille Mbembe, «Foreword: On Palestine»; Mbembe, *Necropolitics*, 46.
 - 29 В оригинале «The Holocaust was the imperial chickens coming home to roost». Перевод поговорки всегда сложен, особенно в таком деликатном контексте. Выражение «chickens coming home to roost» можно перевести и как «эффект бумеранга» или «что посеешь, то и пожнешь». Источник: Mahmood Mamdani, «Making Sense of Political Violence in Postcolonial Africa», <https://www.documenta-plattform6.de/making-sense-of-political-violence-in-postcolonial-africa>
 - 30 Mahmood Mamdani, *Good Muslim, Bad Muslim: America, the Cold War, and the Roots of Terror* (New York: Pantheon Books, 2004), 248, цитируется по: Ingo Elbe, *Gestalten der Gegenaufklärung. Untersuchungen zu Konservatismus, politischem Existentialismus und Postmoderne* (Würzburg: Königshausen & Neumann, 2020), 256.
 - 31 Aram Ziai, *Postkoloniale Politikwissenschaft. Theoretische und empirische Zugänge* (Bielefeld: transcript, 2016), 17.
 - 32 Manfred Götzke, «Postkolonialismus und Antisemitismus auf der Documenta – Aram Ziai, Politologe», Deutschlandfunk, 26 июня 2022, <https://www.deutschlandfunk.de/postkolonialismus-und-antisemitismus-auf-der-documenta-aram-ziai-politologe-dlf-27d8abb1-100.html>.
 - 33 Daniella Baumeister, «Antisemitismus-Eklat: Meron Mendel nicht länger Berater der documenta», hessenschau, 8 июля 2022, <https://www.hessenschau.de/kultur/antisemitismus-eklat-meron-mendel-nicht-laenger-berater-der-documenta,meron-mendel-tritt-zurueck-100.html>.
 - 34 Götzke, «Postkolonialismus und Antisemitismus auf der Documenta – Aram Ziai».
 - 35 Aram Ziai, «Antisemitismus, Rassismus und postkoloniale Studien. Drängende Fragen zur 'Causa Mbembe'», kassel postkolonial, 25 июня 2020, <http://kassel-postkolonial.de/2020/06/25/artikel-antisemitismus-rassismus-und-postkoloniale-studien-draengende-fragen-zur-causa-mbembe>.
 - 36 Там же.
 - 37 Глагол «to hijack» обычно означает захват/похищение/угон транспорта, а также взятие на абордаж.
 - 38 «Hijacking Memory: The Holocaust and the New Rights», https://archiv.hkw.de/en/programm/projekte/2022/hijacking_memory/start.php.
 - 39 Hanno Hauenstein, «Hijacking Memory: Wie eine Konferenz Engpässe deutscher Debatten aufzeigt», в *Berliner Zeitung*, 13 июля 2022, <https://www.berliner-zeitung.de/kultur-vergnuegen/hijacking-memory-wie-eine-konferenz-die-engpaesse-deutscher-debatten-aufzeigt-li.245534>.
 - 40 Till Briegleb, «Konferenz 'Hijacking Memory': Ein fairer Streit, endlich». *Süddeutsche Zeitung*, 13 июня 2022, <https://www.sueddeutsche.de/kultur/tagung-antisemitismus-erinnerungskultur-1.5601726>
 - 41 Natan Sznajder, «Gekaperte Erinnerung», *Jüdische Allgemeine*, 27 июня 2022, www.juedische-allgemeine.de/kultur/gekaperte-erinnerung.
 - 42 Kevin Culina, «Zufallsfund offenbart neuen Antisemitismus-Skandal auf der Documenta», *Die Welt*, 27 июля 2022, www.welt.de/politik/deutschland/article240158351/Documenta-Zufallsfund-offenbart-neuen-Antisemitismus-Skandal.html; о Хандале см. также RIAS Bayern, *From the River to Sea*, 50–51.
 - 43 Omer Bartov et al., «An Open Letter on the Misuse of Holocaust Memory» в *New York Review of Books*, 20 ноября 2023, www.nybooks.com/online/2023/11/20/an-open-letter-on-the-misuse-of-holocaust-memory

Экскурс 2

Война в Украине и ее (потенциальное) влияние на культуру памяти Шоа в Германии

Берлин, апрель 2022

Мемориал в Трептов-парке,
посвященный воинам
Красной армии, павшим в
боях за Берлин

Украинцы и украинки, спасающиеся от российских обстрелов; разбомбленные школы и больницы; люди, оплакивающие близких: все это мы можем наблюдать в режиме реального времени. С февраля 2022 года мы, если только не отводим глаза, постоянно сталкиваемся с чудовищными сценами. Полномасштабное вторжение России в Украину – это вопиющее нарушение международного права и самый кровопролитный конфликт, разразившийся в Европе в этом веке. Эта война не могла не повлиять и на немецкую мемориальную культуру. Чудовищные сцены в Украине многим кажутся похожими на преступления нацистов. Некоторые же склонны переписывать историю и переопределять роли украинцев и немцев в Восточной Европе во время Второй мировой войны, уменьшая меру ответственности за преступления, совершенные нацистской Германией или по ее приказу.

Свидетельство этого: осквернение нескольких мемориалов, посвященных роли Красной Армии в победе над фашистской Германией, и призывы снести эти мемориалы, появившиеся вскоре после начала полномасштабного вторжения.¹ Дебаты поначалу были настолько эмоциональными, что многим оказалось трудно различать между прошлым и настоящим. К тому же в бывшей Западной Германии и так мало кто осознает решающую роль Красной Армии в победе над нацизмом – а ведь именно советские солдаты освободили многочисленные лагеря, включая Майданек и Освенцим. О злодеяниях, которые немецкие войска совершали по отношению к гражданскому населению после вторжения в Советский Союз 22 июня 1941 года, в Западной Германии говорят тоже крайне редко. Это положение дел вряд ли изменится к лучшему в свете войны в Украине.

Разумеется, современную Россию нельзя приравнять к Советскому Союзу. Во-первых, Советский Союз распался более тридцати лет назад. Во-вторых, в рядах Красной Армии воевали не только русские – но и, например, украинцы, белорусы, грузины, татары и армяне. И тем не менее, война возродила модели поведения, принятые в эпоху холодной войны. Для одних виноваты (все без разбора) «русские», для других – НАТО и американцы.

Немецкие путинисты, среди которых немало *Querdenker*,² любят российского президента за противостояние «политкорректному» плюрализму загнивающего Запада. Сам Путин, как известно, заявил, что Россия напала на Украину, чтобы ее «денацифицировать». Пытаясь объяснить, как в нацистской стране президентом может быть еврей, министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил, что «у Гитлера была еврейская кровь» и что «самые ярые антисемиты, как правило, евреи».³ Подобные гротескные утверждения отлично вписываются в нарратив пророссийского / антиукраинского движения.

В то же время некоторые неонацисты выражали симпатию украинской бригаде «Азов» – «разнородному ультраправому движению», как назвал его канадский журналист и эксперт по ультраправой сцене в Центральной и Восточной Европе Николас Поттер. (Изначально многие члены бригады противопоставляли себя либеральной демократии и находились под влиянием ультранационалистических, ультраправых и фашистских авторов. Впрочем, постепенно «Азов» удалялся от этих идеологий.)⁴

Антисемитские конспирологические мифы, которые расцвели пышным цветом во время пандемии Ковида, нашли свою нишу и в контексте войны в Украине. Антисемитизм, как мы видим, крайне гибкая идеология и может предложить «удовлетворительное» объяснение любым событиям. В контексте войны чаще всего смешиваются несколько мотивов: война рассматривается как предлог для создания (угадайте, кем?) «нового миропорядка»; Путин противостоял глобальным элитам, которые дергают за ниточки за сценой; Путина пытаются сделать козлом отпущения, чтобы отвлечь внимание от реальных мировых проблем. В репрезентативном опросе, проведенном берлинским Центром мониторинга, анализа и стратегии (CeMAS), каждый седьмой респондент согласился с утверждением, что на Путина сваливают чужую вину. При этом антимасочники и антипрививочники были значительно более подвержены конспирологическим теориям, чем вакцинированные опрошенные.⁵ Дело в том, что сообщество *Querdenker* принялось искать новый объект для своих антидемократических (а часто и антисемитских) страстей, когда были свернуты защитные меры против Ковида. Опираясь на те же сомнительные источники, откуда они раньше черпали информацию о вирусе, антиваксеры сыграли значительную роль в распространении пророссийской пропаганды. Тот факт, что президент Зеленский – еврей, также породил различные антисемитские конспирологические нарративы.⁶

Полномасштабное вторжение России в Украину наложило свой отпечаток и на проявления антиизраильского антисемитизма. Некоторые активисты

сравнивают захватническую войну России против Украины с мерами, предпринимаемыми Армией обороны Израиля для защиты своей страны – или, в прочтении этих активистов, для угнетения палестинцев. В этой схеме Россия играет роль израильского агрессора, а Украина – роль палестинской жертвы. На антиизраильских митингах некоторые требуют «танки для Палестины», обвиняя Запад с его поддержкой Украины в лицемерии. Кроме того, живущие в Германии путинисты, угнетенные относительно широким проукраинским консенсусом, также склонны объявлять себя «новыми евреями».

Особенно в начале войны в СМИ и соцсетях, на митингах, в политических заявлениях и петициях приводилось множество исторических аналогий для контекстуализации полномасштабного вторжения России в Украину. Некоторые из них откровенно релятивизировали Шоа. Особенно часто звучало сравнение Путина с Гитлером и утверждение, что Россия ведет в Украине войну на уничтожение (*Vernichtungskrieg*). Этот термин до сих пор применялся, прежде всего, к военным преступлениям вермахта и СС в Восточной Европе – в частности, в Советском Союзе, где было убито около 20 миллионов мирных жителей.

В немецких ток-шоу и газетах (в том числе и с претензией на интеллектуальность) в контексте нападения на Украину звучала даже вышеупомянутая формулировка Дана Динера о разрыве цивилизации.⁷ Таким образом, захватническая война России приравнивалась не только к войне на уничтожение, но и к Шоа, сочетая релятивизацию с очередным проявлением принципа «на себя посмотрите!». Если сегодняшняя Россия не менее чудовищна, чем Германия времен нацизма, это в некоторой степени оправдывает предков-нацистов и облегчает бремя ответственности за их преступления.⁸ Разумеется, на самом деле сравнение Путина с Гитлером и России с Третьим Рейхом не оправдано. При всем ужасе современных событий, Шоа, а также убийство миллионов советских военнопленных и мирных жителей – это все же явления другого масштаба.

Учитывая популярность этих аналогий, важно понимать, что на самом деле представляла собой немецкая война на уничтожение в Восточной Европе и как она была связана с Шоа. Стоит отметить, что наименование *Vernichtungskrieg* – это не ярлык, ретроспективно навешенный историками.⁹ Нет, даже на этапе планирования нацистский режим сам представлял себе кампанию против Советского Союза именно в таких терминах. Конечно, основной целью войны был захват территорий для увеличения пресловутого *Lebensraum* (жизненного пространства) и использования новых экономических ресурсов. Однако с самого начала было ясно и то, что Советский Союз – это особый случай. Нацисты

полагали его гнездом своего самого опасного, чудовищного и коварного врага: «иудео-большевизма». Следовательно, войну нужно было выиграть и в идеологическом плане. Все «иудео-большевистские» влияния, которые могли бы побуждать поработенное население к сопротивлению, следовало уничтожить мгновенно и безжалостно.

Однако в начале вторжения в Советский Союз нацисты еще не собирались систематически убивать всех евреев в оккупированном Советском Союзе, не говоря уже обо всех евреях в Европе. Всеобъемлющий геноцид планировалось отложить до конца войны: на оба проекта одновременно не хватило бы ресурсов. План заключался в том, чтобы для начала собрать всех евреев в так называемом Генерал-губернаторстве – центральной и южной часть Польши, которую Германия не аннексировала. Таким образом немецким оккупантов в других частях Восточной Европы не пришлось бы отвлекаться на «еврейский вопрос»; кроме того, предполагалось, что суровые условия жизни приведут к высокой смертности, частично этот вопрос решив. Неотъемлемой частью концепции войны на уничтожение было право солдат убивать мирных жителей по своему усмотрению. Понятно было, что этим правом по отношению к советским евреям будут пользоваться больше, чем по отношению к любой другой группе – ведь немецкие войска ожидали столкнуться в Советском Союзе с «иудео-большевистскими» монстрами. Историк Кристофер Браунинг охарактеризовал эту ситуацию как *implied genocide* (приблизительно: «подразумеваемый геноцид»).¹⁰

Однако в первое время немецкие войска встретили заметно меньше существенного сопротивления, чем ожидали. Они так быстро продвигались вглубь территории Советского Союза, что Гитлер вынужден был запретить взятие Москвы немецкими войсками до того, как они займут рубежи на всем протяжении фронта. . Перед каждой новой военной кампанией генералы предупреждали его, что Германия не сможет выдержать войну на нескольких фронтах . Однако необычайный успех вторжения в Советский Союз укрепил убежденность Гитлера в том, что провидение на его стороне. Именно тогда он решил, что Германия все же сможет одновременно выиграть войну и уничтожить европейское еврейство.

С середины июля 1941 года режим всерьез рассматривал возможность окончательно сделать Рейх *judenrein* («свободным от евреев»), депортировав оставшееся еврейское население в Восточную Европу. По мере того, как эти планы обретали форму, местные командиры в оккупированном Советском Союзе стали все чаще выражать такое суждение: если их ожидают новые партии

евреев, то не пора ли избавиться от существующих? В течение августа 1941 года немцы и их пособники начали убивать не только советских граждан мужского пола, включая многих евреев, но также женщин и детей. В то же время военная кампания замедлилась, заставив Гитлера несколько пересмотреть свои возможности (впрочем, она снова активизировалась к середине сентября). С самого начала войны регулярно происходили массовые убийства советских граждан, в том числе и евреев – в основном путем расстрела на специально отведенных для этого местах вблизи их родных городов или деревень. Теперь все чаще начали совершаться массовые убийства всех евреев в конкретных населенных пунктах, положив начало «Холокоста пулями». К этому времени, по словам Юргена Маттеуса, «вопрос, почему евреев надо убивать, уже не стоял; актуален был только вопрос, что может этому – временно – помешать».¹¹ Весной 1942 года, после убийства всего еврейского населения некоторых городов и даже регионов, начался всерьез систематический процесс уничтожения всех советских евреев.

При этом еще в октябре 1941 года Гитлер, предполагая, что Советский Союз будет разгромлен в течение пары месяцев, решил приступить к решению «еврейского вопроса», не дожидаясь окончания войны. Как пишет Браунинг, «до августа 1941 года обсуждались разные решения; с октября 1941 года решение было одно – уничтожение всех евреев».¹² Далее последовал этап экспериментов с возможными методами убийства. С ноября 1941 года на территории оккупированного Советского Союза использовалось несколько мобильных газовых камер. Одновременно началось строительство так называемых лагерей Рейнхарда – лагерей смерти Белжец, Собибор и Трешлинка на территории Польского генерал-губернаторства. К концу 1941 года все необходимые приготовления к открытому и полному уничтожению европейского еврейства шли полным ходом. Пришло время координировать геноцид с соответствующими подразделениями немецкой администрации. Именно с этой целью 20 января 1942 года была проведена Ванзейская конференция. Долгое время считалось, что на ней было принято решение о геноциде – но теперь ясно, что это произошло уже тремя месяцами ранее.

Итак, война Германии против Советского Союза на уничтожение стала важной ступенью на пути к Шоа, но в то же время нельзя приравнивать их друг к другу. Более того, даже если бы нацистский режим не решил осенью 1941 года приступить к полному уничтожению европейского еврейства, *Vernichtungskrieg* превосходит масштабом бесчеловечности сегодняшнюю захватническую войну России. Нападение на Украину – это преступная акция, не имеющая оправдания. Десятки тысяч украинок и украинцев были убиты, десяткам миллионов

пришлось бежать. Уничтожение посевов и блокада экспорта украинской пшеницы подрывают продовольственную безопасность во всем мире; война продолжает наносить серьезный ущерб европейской и мировой экономике. Эта война, как и все войны, ведущиеся путинской Россией, необычайно жестока и характеризуется полным пренебрежением к жизням мирных жителей. И все же Россия не намерена уничтожать десятки миллионов украинцев и поработать оставшееся население, и уж тем более не намерена уничтожать всех украинцев до единого. Криминальная фантазия Путина сводится к тому, чтобы «освободить» Украину, вернув ее под контроль России. Нельзя приравнять эту войну к *Vernichtungskrieg*, не говоря уже о Шоа.

Хотя в ходе войны на уничтожение было убито около 20 миллионов советских граждан, на протяжении десятилетий лишь крошечное меньшинство в Западной Германии было готово признать, что вермахт тоже был причастен к ужасным преступлениям, совершенным в Восточной Европе. Долго было принято считать, что вермахт воевал «благородно» – в отличие от варварства таких спецподразделений, как СС. Передвижная выставка, развенчивавшая этот миф, была встречена в 1990-х с огромной враждебностью. Однажды она даже подверглась атаке зажигательными бомбами.¹³ Учитывая, что в СС служили относительно немногие, а в вермахте – очень многие, неудивительно, что даже сегодня немцы крайне неохотно признают роль вермахта в нацистских военных преступлениях.

- 1 «Sowjetische Ehrenmale in Deutschland abreißen?», Mitteldeutscher Rundfunk, 12 мая 2022, <https://www.mdr.de/nachrichten/welt/osteuropa/politik/ukraine-krieg-denkmal-sowjetunion-deutschland-100.html>.
- 2 Querdenker – примерно переводимое как «инакомыслящие» самоназвание антипрививочников и поклонников разнообразных теорий заговора самой разной политической ориентации в Германии.
- 3 Ben Bloch, «Putin Apologises to Israeli PM for Lavrov's Claim that Hitler 'had Jewish blood'», *Jewish Chronicle*, 5 мая 2022, www.thejc.com/news/putin-apologises-to-israeli-pm-for-lavrovs-claim-that-hitler-had-jewish-blood-lh0s0osj.
- 4 Nicholas Potter, «Interview on Ukraine: 'Azov Owes Its Very Existence To War'», интервью с Майклом Колборном, Belltower, 23 февраля 2022, <https://www.belltower.news/interview-on-ukraine-azov-owes-its-very-existence-to-war-128353>. Alasdair McCallum, «Much Azov about nothing: How the 'Ukrainian neo-Nazis' canard fooled the world», 19 августа 2022, <https://lens.monash.edu/@politics-society/2022/08/19/1384992?slug=much-azov-about-nothing-how-the-ukrainian-neo-nazis-canard-fooled-the-world>
- 5 Jan Rathje, Miro Dittrich, Martin Müller, *CeMAS Study: Conspiracy Ideological Positioning on the Ukraine War and the Role of RT DE on Telegram*, апрель 2022 года, <https://cemas.io/en/publications/conspiracy-ideological-positioning-on-the-ukraine-war-and-the-role-of-rt-de-on-telegram/>.
- 6 Например, в мае 2022 года газета *Süddeutsche Zeitung* опубликовала карикатуру на Зеленского, угрожающе возвышающегося над Всемирным экономическим форумом в Давосе, что напоминает изображения печально известного нацистского периодического издания *Der Stürmer*. См. Torben Heine, «'SZ' wegen Selenskyj-Karikatur in der Kritik», 27 мая 2022, <https://meedia.de/2022/05/27/sz-wegen-selenskyj-karikatur-in-der-kritik>.
- 7 См. например, Nikolas Busse, «Überfall auf die Ukraine: Putins Zivilisationsbruch», FAZ+, 24 февраля 2022, <https://www.faz.net/aktuell/politik/ausland/wladimir-putins-ueberfall-auf-die-ukraine-zivilisationsbruch-17829693.html> и Michael Backfisch, «Putins brutaler Ukrainekrieg – ein Zivilisationsbruch», WAZ+, 11 марта 2022, <https://www.waz.de/politik/ukraine-krieg-zivilisationsbruch-invasion-id234793347.html>. Это сравнение впервые прозвучало еще во время аннексии Крыма: Norbert Röttgen, «Krim Krise: Putin begeht einen Zivilisationsbruch», *Berliner Morgenpost*, 22 марта 2014, <https://www.morgenpost.de/printarchiv/politik/article126069585/Putin-begeht-einen-Zivilisationsbruch.html>.
- 8 Например, в 2002 году член ХДС Норберт Блюм (Norbert Blüm), работавший во всех кабинетах Гельмута Коля с 1982 по 1998 год, написал израильскому послу в Германии письмо с протестом против «беспощадной войны на уничтожение», которую Израиль якобы вел против палестинцев. См. Severin Weiland, «Unionspolitiker streiten über Israel-Sanktionen», *Spiegel*, 3 апреля 2002, <https://www.spiegel.de/politik/deutschland/nahostkonflikt-unionspolitiker-streiten-ueber-israel-sanktionen-a-190037.html>. В апреле 2022 правоцентристская ежедневная газета *Die Welt* не критично процитировала заявление мэра Мариуполя о том, что население его города пережило «новый Бабий Яр». См. «Das neue Babyn Jar - bis zu 9000 Leichen in Massengräbern», *Die Welt*, 22 апреля 2022, <https://www.welt.de/politik/ausland/article238307463/Stadtrat-von-Mariupol-Das-neue-Babyn-Jar-bis-zu-9000-Leichen-in-Massengraebnern.html>.
- 9 См. частично контрастирующие, частично дополняющие друг друга статьи Кристофера Браунинга и Юргена Маттеуса в Christopher R. Browning, *The Origins of the Final Solution. The Evolution of Nazi Jewish Policy, 1939–1942* (London: Heinemann, 2004).
- 10 Там же, 314.
- 11 Там же, 297.
- 12 Там же, 318.
- 13 См. Hannes Heer, et al. (сост.), *The Discursive Construction of History: Remembering the Wehrmacht's War of Annihilation*. Houndmills: Palgrave Macmillan, 2008.

Политические противоречия, связанные с Шоа, с 1945 года

В этом разделе мы рассмотрим ряд жарких политических споров об осознании Шоа и мемориальной культуре.

Антисемитизм в первые послевоенные годы: Избирательная амнезия

Сол К. Падовер, офицер разведки из Управления Стратегических Служб, был прикомандирован к Первой армии США в 1944/45, когда она продвигалась в Германию. Его задачей был опрос немецких гражданских лиц в Ахене и окрестностях для оценки общественного настроения в Германии. Он приступил к работе, как только территория перешла под контроль союзников. Опыт оказалось трудным. «Мы работаем уже два месяца, – писал он, – мы разговаривали со множеством людей, задавали множество вопросов, и ни разу, ни единого разу не встретили ни одного нациста. Все против нацизма. Все против Гитлера. Все всегда были против Гитлера». И далее: «Не видно и тени чувства вины». «Гитлера винят в том, что он проиграл войну, а не в том, что он ее развязал».¹

Еще до окончательной капитуляции Германии немцы и немки нееврейского происхождения в большинстве своем начали отрицать свою вовлеченность в преступления нацистов и перекладывать ответственность за эти «излишества» на Гитлера и горстку нацистских чиновников, которые «действовали от имени Германии». В публикациях, рассчитанных на широкую читательскую аудиторию, Гитлер долгое время представлялся демонической фигурой, а национал-социализм – катастрофой, необъяснимым образом постигшей Германию. На самом деле ни один режим в современной истории Германии не пользовался такой восторженной поддержкой масс, как национал-социализм. Однако с 9 мая 1945 года практически все внезапно оказались не причастны – а

если причастны, то разве что под крайним принуждением. В преступлениях нацистов, включая Шоа, была виновата крошечная группа злодеев – и, конечно, никто из опрошенных, их родных и близких в эту группу не входил.

В 1945 году Германия «заболела» крайне избирательной коллективной амнезией. Все живо вспоминали то, что якобы оправдывало их – а вот вся эта история с евреями как-то забылась. Никто не помнил, как доносил на еврейских соседей и присваивал их имущество. Никто не видел, как еврейских взрослых и детей среди бела дня вели к пунктам депортации. И уж тем более никто не догадывался о том, что евреев систематически уничтожали. Попытки перевоспитания со стороны союзнической администрации вызывали у большинства немцев острую защитную реакцию и усиление самооправдательных фантазий. Немцы громко сетовали на свои страдания во время бомбежек, при наступлении Красной Армии и насильственной репатриации. Послевоенный дефицит жилья и еды воспринимался как вопиющая несправедливость. Большинство немцев умудрялось одновременно «не знать», что произошло, и испытывать уверенность, что союзные власти вершат несправедливый суд победителя. Многие подчеркивали, что другие страны тоже совершали преступления – форма отклонения от ответственности, все более популярная сегодня. Осмар Уайт, австралийский военный корреспондент, прикомандированный к Третьей армии США во время ее продвижения в Германию, пишет: «Когда в одном из северогерманских центров для военнопленных показывали фильм о Бельзене, заключенные солдаты вермахта свистели, стучали кулаками и кричали: „А голод в Индии? А шахтеры в Конго?“»²

Антисемитизм перестал быть официальной государственной идеологией с момента капитуляции Германии. Большинство впоследствии действительно стало считать недопустимой экстремальную, нацистскую форму антисемитизма. Но, разумеется, это не значит, что другие давно устоявшиеся проявления и идейные конструкты антисемитизма просто исчезли. Антисемитизм – крайне гибкая идеология. Он успешно подстраивается под новые обстоятельства, например предлагая объяснения воображаемой несправедливости послевоенной ситуации. В одном из сообщений OMGUS (Управления военного правительства Германии, США) отмечалось, что «мало кто защищает случившееся с евреями, но большинство считает, что до Гитлера у евреев было слишком много власти».³ Многим сегодня представляется такой сценарий: когда все происшедшее в Германии во времена нацизма стало широко известно и отрицание Шоа было запрещено, антисемитизм если не исчез, то ограничился частной сферой. Но и это не так. Он продолжал выражаться публично в самых разных формах. Среди них были многочисленные осквернения еврейских кладбищ

На митинге в Мюнхене 10 августа 1949 еврейские демонстранты протестуют против публикации газетой *Süddeutsche Zeitung* антисемитского письма редактору. Фотограф: Fosch, *Süddeutsche Zeitung*.

и антисемитские граффити, читательские письма в прессе и статьи, жалобы в полицию и бюрократический обструкционизм в работе с пережившими Шоа – а также открытое насилие.

Непосредственно после войны более 200 000 еврейских перемещенных лиц (далее: ПЛ) жили в американской оккупационной зоне, большинство из них – в Баварии. Лишь немногие намеревались остаться в Германии. Большинство хотело переехать в Ишув (позднее – Израиль) или Соединенные Штаты. Мало кто мог бы вернуться в свой прежний дом, даже если бы захотел. Почти все были крайне ослаблены не только психически, но и физически. Многие потеряли всю свою семью, всех друзей и близких. Эти люди были размещены в переполненных лагерях – причем порой прямо в концлагерной форме. В ответ на жалобы об обращении с еврейскими ПЛ и решительного лоббирования со стороны американских еврейских организаций президент Гарри Трумэн заказал

доклад о положении дел, который комиссия под руководством юриста Эрла Харрисона предоставила в августе 1945 года. После этого условия улучшились, и была учреждена должность советника по еврейским делам при командующем американскими войсками в Европе. Занимавший ее в 1946/47 годах раввин Филипп Бернштейн доблестно боролся за улучшение условий и перспектив ПЛ.

После августа 1945 года еврейским ПЛ в некоторых отношениях действительно жилось легче, чем обычным немецким гражданам – что представляется нам вполне справедливым. В результате довольно много еврейских ПЛ стали играть видную роль на черном рынке. Большинство немцев остро зависели от него, и мало кто из них был склонен признать логичным, что союзники больше заботятся о жертвах Шоа, чем о ее вершителях. «Привилегии» еврейских ПЛ раздувалась до предела – и вот немцы снова считали себя жертвами, и речь снова шла о «власти» и «силе» евреев. Продолжали распространяться клише вполне в духе *Der Stürmer*: все евреи якобы были мошенниками и ростовщиками, а еврейки (очевидно, для полноты картины) – проститутками. Аббревиатуру DP (*displaced person*: перемещенное лицо) расшифровывали как *Deutschlands Parasiten* (паразиты Германии). Мало того, что бывшие жертвы теперь якобы стали преступниками; по распространенному мнению, им было некого винить в антисемитизме, кроме себя – как будто антисемитизм был реакцией на поведение евреев, а не результатом искаженного восприятия антисемитов.

31 июля 1949 года, когда до первых западногерманских всеобщих выборов оставалось всего две недели, представители западных зон Германии собрались в Гейдельберге на второй конференции «Будущее евреев в Германии». Джон Макклой, Верховный комиссар США в Германии, заверил делегатов, что международное сообщество будет рассматривать благополучие еврейской общины «как тест на движение Германии к свету».⁴ Однако движение это то и дело стопорилось. 10 августа 1949 около тысячи еврейских ПЛ собрались в Мюнхене, чтобы выразить протест против антисемитского письма редактору, опубликованного накануне в газете *Süddeutsche Zeitung*. Между местной полицией и некоторыми из возмущенных протестующих вспыхнуло насилие, и американской военной полиции пришлось поспешить на место происшествия, чтобы разрядить обстановку.

Прощение преступников, скудные выплаты жертвам

В свете зарождающейся холодной войны стремление западных союзников «перевоспитать» немцев уступило место насущной необходимости привлечь их на свою сторону. Исследование антисемитизма, проведенное Алленсбахским институтом общественного мнения (основанным в 1947 году), дает некоторое представление о картине, царившей в первые месяцы существования западно-германского государства, в мае 1949 года.⁵ Выглядит эта картина довольно угрожающе. 23 % респондентов сообщили, что испытывают «ярко выраженную» либо «интуитивную» неприязнь к евреям. Еще 15 % отметили, что относятся к евреям «с оговорками»; в своем «безразличном» отношении заверили еще 15 %. В ответ на вопрос о причинах антисемитизма 53 % назвали «особенности еврейских этнических групп», что бы это ни значило. Еще 12 % обвинили в антисемитизме иудаизм, а 14 % выбрали вариант «нет ответа».

Респонденты из Баварии выделялись в этом опросе по нескольким параметрам. Они несколько чаще других (72 % в Баварии; в среднем: 65 %) заявляли, что не знают даже приблизительно, сколько в Германии осталось еврейского населения в сравнении с 1933 годом. Они реже среднего считали, что «исчезнувшие» евреи были убиты (20 %; в среднем: 30 %), предпочитая утверждать, что евреи эмигрировали (36 %; в среднем: 30 %) или «не знать», что с ними случилось (37 %; в среднем: 34 %). Они реже других признавали, что нацистская пропаганда оказала на них влияние; чаще других утверждали, что антисемитизм *усилился* с 1945 года (33 %; в среднем: 19 %).

Кроме того, баварцы чаще заявляли, что их собственное отношение к евреям изменилось (вероятно, не к лучшему) с 1945 года из-за появления в Германии восточноевропейских евреев (38 %; в среднем: 23 %). Они чуть чаще других считали, что антисемитизм вызван особенностями евреев (58 %; в среднем: 53 %). Как мы видим, по всей Германии с этим глубоко антисемитским утверждением в 1949 году согласилось более половины опрошенных. Предположение, что «еврейский вопрос» может быть решен просто путем дружного сосуществования евреев и неевреев в Германии, показалось баварцам еще менее убедительным, чем населению Германии в среднем (5 %; в среднем: 8 %). И, наконец, с мыслью о том, что решить «еврейский вопрос» невозможно и виноваты в этом сами евреи, согласилось 5 % (в среднем: два процента).

Все подобные опросы сопряжены с многочисленными проблемами, часто ведущими к занижению показателей – и данное исследование особенно. Перед

тем, как перейти к проблемам, отметим положительный момент: респондентов попросили не только оценить различные утверждения, но и объяснить причины своих ответов. Увы, институт, похоже, не проводил качественного анализа содержания этих объяснений, а только задокументировал их – причем выглядят они зачастую крайне странно и нередко противоречат здравому смыслу или другим утверждением того же респондента. Кроме того, многие из заявивших, что «равнодушны» к евреям, высказали в своих объяснениях явный, но не учтенный в результатах опроса антисемитизм.

Прежде чем напрямую спросить об отношении к евреям, институт – предполагая, что люди с большей вероятностью признаются в своем мнении, если приписать это мнение «некоторым людям» – представил ряд антисемитских утверждений в формате «некоторые люди считают, что...: так ли это?» Увы, формулировка оказалось двусмысленной: многие полагали, что их спрашивают не о справедливости утверждения, а о том, действительно ли некоторые люди так считают. С другой стороны, многие из тех, кто поняли вопрос «правильно» и не согласились с утверждением, добавили в своем объяснении, что «на самом деле евреи гораздо хуже».

Как мы видели, многие респонденты (33 % в Баварии, 19 % в среднем) считали, что уровень антисемитизма *вырос*, начиная с 1945 года. Почти все из них объясняли это поведением евреев: баварский художник по фарфору средних лет⁶ назвал евреев «паразитами»; рабочий из той же возрастной группы утверждал, что евреи «обращаются с немцами вызывающе и оскорбительно».⁷ Молодой слесарь заявил: «только сейчас мы понимаем, что такое еврейский вопрос. Только сейчас эта проблема для меня возникла.» По его мнению, евреи с их «ненавистью и высокомерием» по отношению к немцам ничем не отличались от «наших эсэсовцев; те говорили, что они – раса господ, евреи – что они избранный народ. Я такого не терплю!»⁸ Молодая крестьянка посетовала, что евреи «недостаточно великодушны и не готовы забыть причиненные обиды и страдания» и заверила, что ее личный антисемитизм не основан на нацистской пропаганде: «я из-за собственного опыта против евреев, и пропаганды никакой не нужно».⁹ Другой респондент, утверждавший, что антисемитизм был и остался редким в Германии явлением, добавил, что если после 1945 года отношение немного и ухудшилось, то только касательно «грязных польских евреев».

27 респондентов согласились, что преследуемые евреи имеют право на возмещение ущерба. Однако в своих объяснениях 20 из них дали понять, что их поддержка в лучшем случае условна. Некоторые говорили, что исправить случившееся невозможно, кажется, подразумевая, что и пытаться не стоит. Многие

поясняли, в некоторых случаях довольно решительно, что в первую очередь компенсации заслуживают немецкие беженцы и изгнанники, а возможно, и все немцы – якобы пострадавшие от нацистов не меньше, чем евреи. «Несправедливость и понесенные потери заслуживают компенсации, – написала работница средних лет, – но ни при каких обстоятельствах мы, беженцы, не можем допустить, чтобы у евреев был в этом деле приоритет. У нас такие же права! Этот толстый тип – как его там, ах да, Ауэрбах, я слышала его выступление на собрании в Кобурге – предъявляет просто возмутительные требования».¹⁰ Итак, на деле требования евреев о возмещении ущерба не принимал практически никто. Женщина средних лет, работавшая в продуктовом магазине, написала: «Когда Россия выплатит репарации за бесконечные издевательства над немецкими военнопленными, Франция – за чудовищное обращение с нашими мужчинами, чехи – за свое поведение с судетскими немцами и т. д., тогда я согласна и евреям возместить ущерб. *Я против евреев ничего не имею.* ... Но надо, чтобы была справедливость к обеим сторонам. Наши люди, народ, не виноваты в том, что этот дурак Гитлер развязал войну».¹¹ Принципиальное различие между теми, кто якобы признавал, и теми, кто открыто отвергал репарационные требования, заключалось в том, что последние были более склонны винить в случившемся самих евреев. «Евреи знали, что им здесь не рады. В 1933 году их попросили уехать. Почему они не послушались?» – спросила молодая портниха.¹² «Респектабельных евреев» нацисты не убивали, «они все успели эмигрировать», – объяснила жена фермера предпенсионного возраста.¹³

Ее сверстница, бывшая ранее домохозяйкой, но вынужденная работать швеей, объяснила свое «интуитивное отвращение» к евреям следующим образом: «У меня непреодолимая неприязнь к ним с самого детства. ... Но я за поддержку евреев в финансировании их эмиграции и еврейского государства Израиль. ... Мне еще хочется добавить, что я против евреев на сцене. На Баварском общественном телевидении есть чрезвычайно нахальная женщина-диктор, предположительно, еврейка. Когда она выступает, я сразу выключаю телевизор. Кроме того, в журналах с еврейскими редакторами встречаются фотографии непристойного характера. Это отвратительно. Я не ханжа, просто беспокоюсь, что эти публикации попадут в руки детей или подростков. Конечно, в каждой этнической группе бывают мошенники, но с евреями все наоборот. Среди них мошенников много, а порядочные – исключение!»¹⁴

Эта женщина была не одинока в своей поддержке еврейской эмиграции. Две трети респондентов согласились, что создание государства Израиль может предложить решение «еврейского вопроса» – при условии, что все евреи поселятся там (против своей воли, если потребуется) навсегда. Многие

волновались, что все евреи мира в Израиле не поместятся. Несколько респондентов предложили построить высокую стену вокруг Израиля, а один призвал передать страну под надзор ООН.¹⁵ Многие респонденты высказали злорадство по поводу того, что евреям «придется обманывать друг друга», лишившись неевреев, которых можно было бы эксплуатировать. Другие утверждали, что государство Израиль обречено, потому что евреи якобы не могут обеспечить себе существование иначе, чем эксплуатируя других.¹⁶ Альтернативные предложения тех баварских респондентов, которые сомневались в том, что создание государства Израиль решит «еврейский вопрос», включали в себя такие варианты как принудительное переселение всех евреев на отдаленный остров, или, еще лучше, на Луну.¹⁷ Когда часть опроса была повторена в конце 1952 года, доля откровенных антисемитов выросла с 23 до 34 %, в то время как число «терпимых» респондентов сократилось с 41 до 23 % (на этот раз 36 % ответили уклончиво или вообще не ответили).¹⁸

Впрочем, участники опроса – равно как и другие жители Германии – испытывали неприязнь не только к евреям. Союзников они жаловали не больше. Народная поддержка нового западногерманского государства зиждилась во многом на общей вере, что попытки союзников провести денацификацию представляли собой несправедливый суд победителей. От новых немецких властей ждали, что они исправят положение. Как позже выразился автор Ральф Джордано, немецкое общество вступило в «великое согласие с преступниками». ¹⁹ Хотя особенно резонансные нацисты продолжали привлекаться к ответственности, они редко отбывали наказание полностью. Последовало несколько амнистий, приведших к досрочному освобождению практически всех заключенных в тюрьму за участие в нацистских преступлениях. Расследования часто затягивались на годы, а то и десятилетия, и многие обвиняемые успевали скрыться (или умереть) до суда. Правовая система (Западной) Германии занималась лишь крошечной частью тех, кто убивал по приказу режима или активно помогал убийцам. Большинству не приходилось опасаться наказания страшнее, чем короткий перерыв в карьере.

Всеобъемлющий отказ признать индивидуальную ответственность сосуществовал с официальным западногерманским утверждением, что страна радикально порвала с нацистским прошлым. То, что об индивидуальной ответственности не говорили, объяснялось в первую очередь не стыдом, смущением или желанием скрыть факты (широко известные в то время). Просто очень мало у кого было моральное право бросить первый камень – и было принято активное, согласованное решение не поднимать этот вопрос. Консервативный философ Герман Люббе назвал происходившее «говорящим молчанием». Подразумевалось

Когда министр иностранных дел Израиля Абба Эвен посетил Мюнхен в 1970 году, молодежная организация «Красная гвардия» устроила акцию протеста. Текст на транспаранте на переднем плане гласит: «Ни одной марки, ни одного человека за второй Вьетнам» («Not One Man Not One Penny» – антимилитаристский лозунг, придуманный социалистом Вильгельмом Либкнехтом в 1887 году).

Фото: Фриц Нойвирт, Süddeutsche Zeitung

следующее: важно знать, на что люди способны в будущем; совершенное в прошлом вторично.²⁰ По большей части немцы нееврейского происхождения направляли все свои силы на восстановление экономики, и мало кто из них задумывался о том, что в стране живут пережившие Шоа евреи. В 1950 году, посетив Германию, Ханна Арендт написала: «нигде этот кошмар разрушения и ужаса не ощущается так слабо и не обсуждается так мало, как в самой Германии. ... Это общее отсутствие эмоций, это (внешнее, по крайней мере) бессердечие, иногда прикрываемое дешевой сентиментальностью – лишь самый заметный внешний симптом глубоко укоренившегося, упрямого, а порой и злобного отказа признать и осознать то, что произошло на самом деле».²¹

10 сентября 1952 года канцлер Западной Германии Конрад Аденауэр и министр иностранных дел Израиля Моше Шаретт подписали Люксембургское соглашение, обязывающее Западную Германию выплатить репарации Израилю (которые Израиль, в свою очередь, согласился потратить на немецкие товары), а также отдельным еврейским пострадавшим через Клеймс Конференс (Конференция по еврейским материальным претензиям к Германии). Преамбула соглашения четко указывала на различия в подходах двух сторон. В ней говорилось, что Израиль «взял на себя тяжелое бремя переселения ... огромного количества обездоленных еврейских беженцев из Германии», а потому «выдвинул требование ... о глобальном возмещении расходов на интеграцию этих беженцев». Германия же говорила не о расходах Израиля, а о своей вине и «решимости ... возместить материальный ущерб, причиненный ... невыразимыми актами, совершенными против еврейского народа во время национал-социалистического режима террора».²²

Годом ранее, 27 сентября 1951, Аденауэр выступил в Бундестаге с заявлением, в котором объяснил, почему необходимо было добиваться такого соглашения. В нем он утверждал, что «подавляющее большинство немецкого народа испытывает отвращение к преступлениям, совершенным против евреев» (напомним, что на самом деле в это время большинство предпочитало о них ничего не знать) «и не участвовало в этих преступлениях». Более того, «чувство стыда за осквернение имени Германии» нацистами по словам Аденауэра сподвигло «многих» помогать своим еврейским «согражданам». «Тем не менее, – продолжил он, – невыразимые преступления были совершены от имени немецкого народа, что налагает на него обязанность попытаться возместить ущерб, как моральный, так и материальный». Однако, учитывая «горькую необходимость заботиться о бесчисленных [немецких] жертвах войны и о благополучии [немецких] беженцев и изгнанников», возможностям Германии есть предел.²³ Заявление Аденауэра безупречно иллюстрирует консенсус, сохранявшийся еще как минимум десятилетие. Официально Германия была готова признать, что преступления были совершены – при условии, что они были совершены «от имени немецкого народа», а не реальными немцами и немками, большинство из которых не были привлечены к ответственности. Немногие еврейские ученые пытались пробить брешь в этом консенсусе, но были с ходу отвергнуты авторитетными западногерманскими теоретиками на том основании, что, будучи евреями, они не могут объективно судить о случившемся. Очевидно, у жертв с объективностью дела обстоят хуже, чем у преступников.

То, что Аденауэру в конце концов удалось добиться ратификации Люксембургского соглашения, не имело ничего общего с моральными соображениями. Как он не устал повторять коллегам, без подобного соглашения Западная Германия просто не могла добиться международного признания.²⁴ Стремление Аденауэра к заключению соглашения вызвало широкие протесты в Германии. Согласно опросу, проведенному Алленсбахским институтом общественного мнения в августе 1952 года, 44 % не видели необходимости выплачивать Израилю репарации. Еще 24 % поддерживали выплату репараций в принципе, но считали обсуждаемые суммы слишком высокими; 21 % уклонился от ответа. Лишь 11 % респондентов однозначно высказались в пользу предстоящего соглашения.²⁵ Споры вызвало соглашение и в Израиле, где многие называли репарационные выплаты выкупом за кровь – попыткой Германии снять с себя ответственность за Шоа. Эта реакция чуть не стоила Аденауэру жизни: правые сионистские активисты однажды попытались убить его и главу немецкой делегации, обсуждавшей соглашение, подкинув письмо с взрывчаткой.

В 1965 году Западная Германия подвела (как надеялось правительство) окончательную черту под своими усилиями по возмещению ущерба, приняв Дополнительный закон о компенсации жертвам национал-социалистических преследований. В нем оговаривалось, что после 1969 года никакие претензии больше не принимаются. Однако пережившие Шоа в бывших коммунистических странах Центральной и Восточной Европы начали получать выплаты только после 1998 года, когда воссоединенная Германия достигла соглашения с Клеймс Конференс.

Эпидемия антисемитских граффити зимой 1959/60

Ранним утром Рождества 1959 года синагога в Кельне и расположенный рядом мемориал в память об антифашистах, убитых эсэсовцами, были обезображены свастиками и антисемитскими лозунгами. Это положило начало необычайной волне антисемитских граффити по всей Западной Германии. Согласно Белой книге, опубликованной правительством Западной Германии в феврале 1960 года (о которой мы расскажем чуть позже), к 28 января 1960 года было зарегистрировано 685 инцидентов с антисемитскими и/или нацистскими граффити.²⁶ К 15 февраля это число возросло до 833. Западногерманское правительство сделало в ответ три разных и частично противоречащих друг другу утверждения. Во-первых: главными жертвами антисемитских граффити были, по сути, сами немцы. Во-вторых: исполнителями, за редким исключением, были дети или ищущие внимания любой ценой хулиганы, «не имевшие ничего в виду» и действовавшие в одиночку. И в-третьих: инциденты были частью согласованной кампании, инициированной и координируемой Восточной Германией.

Что касается первого пункта, аргументация была такова: Германия стала главной жертвой антисемитских граффити, поскольку они нанесли ущерб международной репутации страны. Этот акцент был настолько заметен, что уже 5 января Эрих Лют, спикер правительства земли Гамбург, предостерегал, что не следует «подходить к проблеме антисемитизма исключительно с точки зрения внешней политики».²⁷ Тем не менее, именно такой подход и победил. Когда на следующий день западногерманский федеральный кабинет собрался на специальное заседание, дискуссию открыл министр иностранных дел, Генрих фон Брентано, сообщив, что «мировая реакция на беспорядки становится все тревожнее». Это явно воспринималось как основная причина, почему на происходящее следовало отреагировать.²⁸

Выступая по радио и телевидению 16 января 1960 года, Аденауэр отметил, что антисемитские инциденты «вызвали всеобщее возмущение виновными здесь, в Германии, а в некоторых других странах – волну ненависти к немцам и к нынешней Германии». Новые граффити, появившиеся по всей стране после осквернения синагоги в Кельне, были, по его словам, «почти исключительно» проявлением «хулиганства», лишенного какой-либо политической подоплеки. В своей речи Аденауэр обратился сначала к еврейскому населению Германии, затем к нееврейскому населению, и в заключение к остальному миру:

«Сегодня я обращаюсь к своим немецким согражданам еврейского происхождения. Я говорю вам: вы можете быть совершенно спокойны. Даю вам слово, что это государство поддержит вас всеми своими силами. Прочим же немецким своим согражданам я говорю: если вы увидите где-то подобное хулиганство, поймите виновника и устройте ему хорошую взбучку – он этого заслуживает.

И наконец тем зарубежным скептикам, кто сомневается в нас, я говорю: весь немецкий народ убедительнейшим образом продемонстрировал единодушное осуждение антисемитизма и национал-социализма. Немецкий народ показал, что эти идеи и тенденции ему совершенно чужды». Аденауэр не мог действительно верить в эти слова сам, а тем более не мог предположить, что кто-то еще, будь то в Германии или за рубежом, им поверит. Но как канцлер он должен был представить официальную, пусть и нереалистичную позицию западногерманского государства. Увы, он немедленно в корне подорвал доверие к своей оптимистичной оценке: не останавливаясь на утверждении о редкости антисемитизма в 1960-м, он попытался переписать прошлое. «Во времена нацизма, – заверил он, – большинство немцев служили его идеологии только под суровым гнетом диктатуры. Нельзя утверждать, что все немцы были национал-социалистами!» Упрекнув таким образом другие страны в предрассудках против немцев, Аденауэр похвалил своих сограждан за «спонтанное и единодушное осуждение антисемитизма и национал-социализма» перед лицом скандала с антисемитскими граффити, назвав в итоге это осуждение «положительным результатом» инцидента.²⁹ 25 января 1960 года газета *Nürnberger Nachrichten* опубликовала заявление Аденауэра, еще раз указывающее на то, что его на самом деле беспокоило: «Кто-то снова пытается разжечь враждебность к Германии».³⁰

Повторим: второе и третье утверждения западногерманского правительства («отдельные хулиганы» и «восточногерманская провокация») были логически несовместимы. Несовместимость эта отражала разногласия между министром внутренних дел Герхардом Шредером (тезкой более позднего канцлера) и

баварским политическим тяжеловесом Францем-Йозефом Штраусом, занимавшим в то время пост министра обороны. В то время как Шредер хотел спустить все на тормозах, списав инциденты на аполитичное хулиганство и детские шалости, Штраус (который в то время даже не находился в Германии, а заигрывал с португальским диктатором Антониу де Оливейра Салазаром в Лиссабоне), заявил прессе, что кампания граффити была инициирована и скоординирована Восточным Берлином. Никаких доказательств он изначально не представил. Когда Шредер публично не согласился с ним, Штраус, не обращаясь за разрешением в соответствующие инстанции, представил прессе секретные документы неясного происхождения, якобы доказывавшие его правоту.³¹ Документы эти он получил от (кишащей нацистами) службы внешней безопасности. Поддерживая скорее Штрауса, но пытаясь преодолеть противоречие между двумя утверждениями, Аденауэр предположил, что «преступники, возможно, не знали», что на самом деле были частью согласованной кампании.³²

Правительство Германии было настолько встревожено возможным ущербом репутации, что опубликовало Белую книгу об антисемитских граффити, которую предварило подробное заявление (тогдашнего) Герхарда Шредера, сделанное в Бундестаге 18 февраля 1960 года. «Население Германии, – утверждал он, – мгновенно отреагировало на граффити отвращением и возмущением. ... Никто не оправдывал случившееся; напротив, виновные были единодушно осуждены и морально изолированы. ... Немецкая общественность поняла, что имеет дело не просто с проступками нескольких закоренелых фанатиков и довольно многих хулиганов ... а с посягательством на ее стремление к искуплению вины, примирению и терпимости».³³

Раздел Белой книги, в котором обсуждается возможное ультраправое происхождение граффити, занимает ровно одну страницу. Раздел, посвященный предполагаемой коммунистической/восточногерманской подоплеке – семь страниц. Авторы Белой книги сделали далекоидущие выводы из того факта, что осквернители кельнской синагоги в 1957 и 1959 годах посещали восточногерманский город Лейпциг (граница оставалась открытой до августа 1961 года). Там они познакомились с двумя учительницами, одна из которых преподавала немецкий язык расквартированным неподалеку советским солдатам. «Вместе с учительницами» один из преступников «отправился в советскую военную столовую, чтобы» – внимание! – «приобрести ушанку из медвежьей шкуры». Из

этого был сделан вывод, что оба преступника были советскими или восточно-германскими шпионами, которым коммунисты поручили дискредитировать Западную Германию, обезобразив синагогу антисемитскими граффити.

Шредер упрекнул международную критику эпидемии антисемитских граффити в недостаточном понимании ситуации: «многие до сих пор не имеют представления о том, что значит существовать в условиях тоталитарного режима, несмотря на многочисленные книги о „Третьем рейхе“ и нынешние тоталитарные реалии в странах, где правят коммунисты».

685 инцидентов всего за месяц – кажется, это немало. Однако Белая книга приложила значительные усилия, чтобы нейтрализовать эту цифру. Во-первых, не менее 215 (кластеров) граффити были классифицированы на основании их «характера и исполнения» как «рисунки, сделанные детьми (до четырнадцати лет)». ³⁴ Было бы интересно узнать, как именно по «характеру и исполнению» граффити можно установить возраст автора... Более того, если предположить, что антисемитские граффити действительно оставляли дети, то это отнюдь не смягчает проблему, а наоборот: ведь эти дети родились после войны и выросли в послевоенной Германии!

Из оставшихся 470 инцидентов Белая Книга называет лишь 138 потенциально серьезными. ³⁵ Остальные объясняются хулиганством, движимым не антисемитизмом, а единственно желанием досадить своим семьям и/или властям.

Опять-таки: если хулиганам, желающим просто кому-то «досадить», в качестве очевидного решения приходит в голову заявление, что Аденауэр «прислуживает евреям», разве это не повод для беспокойства? ³⁶ Авторы Белой книги считают, что нет. По их мнению, лишь 8 % преступников руководствовались существенными политическими намерениями. ³⁷

Из 685 инцидентов с граффити, задокументированных к 28 января 1960 года, 69 произошли в Баварии, причем сразу несколько – в небольшом городке Аллерсберг (к юго-востоку от Нюрнберга). Газета *Nürnberger Nachrichten* сообщает о первом инциденте в своем выходном номере от 2/3 января 1960, отмечая, что виновниками были «скорее всего, подростки, стремящиеся привлечь к себе внимание». ³⁸ Свастики рисовались весьма поспешно и в некоторых случаях неправильно – поэтому предполагалось, что действовали несовершеннолетние, скорее всего, ездившие по городку на машине и уж наверняка не

местные. В номере от 6/7 января газета сообщала уже о третьем аналогичном инциденте в Аллерсберге: «Учитывая характер почерка, полиция предполагает, что подстрекательский лозунг был написан детской рукой».³⁹

Две недели спустя была подожжена синагога в Амберге. В этом случае особенно примечательна статья все в той же баварской газете *Nürnberger Nachrichten*: она сообщала, что неизвестный злоумышленник поджег половик во дворе синагоги, вероятно, намереваясь нанести ей ущерб – что, однако, не удалось, так как пожар был вовремя потушен.⁴⁰ Однако газета *Die Welt* писала о том же событии иначе: во дворе был подожжен сарай; «виновники ... также пытались поджечь соседнюю еврейскую школу и жилой дом». Более того, пожар был потушен только, когда «пылающее пламя» заметили на пожарной станции, расположенная через дорогу от синагоги.⁴¹ *Frankfurter Allgemeine Zeitung* отправила репортера в Амберг; по его словам, злоумышленники проникли в сарай, вылили там несколько канистр с маслом и затем подожгли его.⁴² Эти сообщения в национальной прессе явно указывают на нечто более серьезное, чем горящий половик, описанный местной газетой *Nürnberger Nachrichten*. Обе более крупные газеты также сообщают, что неделей ранее на синагогу уже было совершено нападение, и что местный раввин попросил не афишировать эту информацию, опасаясь, что огласка спровоцирует новые преступления.

Среди немногих инцидентов, чью существенную политическую подоплеку никто не отрицал, были действия 22-летнего столяра из Китцингена (Бавария) по имени Людвиг Фогель. 27 декабря 1959 года он бросил пакет, завернутый в самодельный плакат со свастикой и надписью «Долой евреев! В газовые камеры!» в китцингенское кафе, принадлежащее еврейской семье. 30 декабря он отправил анонимное письмо еврейскому владельцу местного бара с приказом «явиться на кладбище на расстрел в ближайший понедельник в 5.30 утра» и принести с собой «полсотни тонн угля, чтобы сжечь [его] паршивый труп». Фогель завершил письмо, подписанное «Ассоциация фанатичных антисемитов», словами: «Если не явишься сам, тебя приведут. ... Еврейский ублюдок, скоро тебе капут!».⁴³ Затем Людвиг Фогель отправился в Шайнберг (к юго-востоку от Китцингена), где обезобразил здание суда и принадлежащее евреям предприятие свастиками и антисемитскими лозунгами.

На допросе Фогель заявил, что причисляет себя к ультраправой группировке *Deutsche Reichspartei* (DRP). На вопрос о мотивах он объяснил, что прочитал «Майн Кампф» Гитлера и публикацию Адольфа фон Таддена (одного из шести депутатов от *DRP* в парламенте Нижней Саксонии), ставящую под сомнение количество убитых во время Шоа и подлинность дневника Анны Франк, а также

обвиняющую евреев в провоцировании роста антисемитизма в Веймарской республике. Фогель добавил, что действовал исключительно по собственному почину, без инструкций со стороны DRP.

Наплыв антисемитских граффити наблюдался в это время во многих странах, но, разумеется, в Германии он имел особый резонанс. Западные соседи при этом были настроены гораздо менее оптимистично, чем немецкие власти. Международная пресса с тревогой сообщала о возобновлении роста публичного антисемитизма в Западной Германии. «Не желая преуменьшать шаги, предпринятые федеральным правительством Германии и отдельных земель в области перевоспитания, денацификации и искупления вины перед евреями, – писала лондонская газета *Jewish Chronicle*, – мы вынуждены отметить, что сделано еще недостаточно. Особенно это касается денацификации судебной системы, преподавательского состава и госслужащих высшего ранга».⁴⁴

17 января 1960 года прошел митинг, организованный британской Ассоциацией еврейских бывших военнослужащих и женщин (AJEX). Демонстрирующие в молчании прошли от Мраморной арки в Гайд-парке до посольства Германии в Лондоне. По данным Скотланд-Ярда, в марше участвовали от 7 500 до 8 000 человек; по данным организаторов – около 30 000.⁴⁵ Среди них было около пятидесяти переживших Шоа. К группе присоединились «студентки и студенты, профсоюзные активистки и активисты, домохозяйки, несколько членов парламента, два мэра лондонских районов и группы детей». Делегация передала послу Германии петицию, в которой разъяснялось, «что антисемитизм был основой нацистского движения в Германии». Петиция заключала: «Мы считаем недавнюю вспышку инцидентов не единичным хулиганством, а организованными проявлениями нацизма. Мы встревожены тем, что так много бывших нацистов занимают важные посты среди немецких госслужащих, в вооруженных силах, полиции и судебной системе».⁴⁶

DRP была лишь одной из целого ряда крайне правых партий, имевших успех в определенные периоды истории Западной Германии. В частности, во второй половине 1960-х годов NDP («Немецкая национально-демократическая партия»), возглавляемая вышеупомянутым Адольфом фон Тадденом, попала в семь земельных парламентов, а в 1969 году чуть было не прошла в Бундестаг. В недавнее время NDP снова получила места в земельных парламентах на территории бывшей ГДР: в Саксонии (с 2004 по 2014) и Мекленбурге-Передней Померании (с 2006 по 2016). Крайне правые экстремисты отнюдь не ограничиваются в своей деятельности предвыборными кампаниями. Жертвами антисемитского терроризма стали, в частности, раввин Шломо Левин и его подруга Фрида

Пёшке, убитые в Эрлангене в 1980 году. В 1992 году во Франкфурте-на-Майне была застрелена Бланка Цмигрод, пережившая Шоа. В июле 2000 десять (частично еврейских) мигрантов, возвращавшихся с языковых курсов, понесли частично тяжелые ранения при взрыве бомбы в Дюссельдорфе. В ноябре 2003 службам безопасности удалось предотвратить взрыв на церемонии закладки первого камня в основание новой еврейской общины в Мюнхене.

Освенцимский процесс во Франкфурте, дебаты о сроках давности и установление дипломатических отношений с Израилем

Первый из трех процессов по делу концлагеря Освенцим начался во Франкфурте-на-Майне 20 декабря 1963 года. На тот момент это был самый значительный процесс над нацистскими преступниками, организованный немецкой судебной системой. Состояться ему помогли, в частности, героические усилия генпрокурора земли Гессен Фрица Бауэра. Будучи евреем и геем, он бежал из Германии в 1936 году и вернулся в 1949-м. Здесь он активно содействовал поимке Адольфа Эйхмана, одного из главных архитекторов Шоа. Бауэр знал, что представители судебной власти часто сочувствовали нацистским преступникам и предупреждали потенциальных обвиняемых, чтобы те могли скрыться до начала официального преследования. Потому, выяснив, что Эйхман находится в Аргентине, он вступил в многолетнее тайное сотрудничество с израильской секретной службой Моссад, обходя и даже обманывая своих коллег и немецкую общественность. Суд над Эйхманом в Иерусалиме в 1961 году стал важнейшей вехой в осознании Шоа – как в Израиле, так и на международном уровне.

Приговоры, вынесенные окружным судом Франкфурта 20 августа 1965 года, были относительно мягкими. Шестеро обвиняемых сели пожизненно, большинство получили более короткие сроки, трое были оправданы. Тем не менее, первый Освенцимский процесс во Франкфурте стал важнейшей вехой, сравнимой с судом над Эйхманом. Именно этот процесс заложил основу культуры памяти о Шоа в Западной Германии, особенно среди молодежи. Благодаря освещению процесса в СМИ послевоенное поколение впервые осознало всю беспрецедентность преступлений нацистской Германии. Была пробита брешь в общественном молчании; к теме Шоа начали обращаться картины, книги, пьесы и фильмы. Тем не менее, значительная часть широкой общественности продолжала враждебно реагировать на предложение признать свою сопричастность к преступлениям, и Фриц Бауэр получал множество писем, выражающих ненависть и угрожающих расправой.

Согласно уголовному кодексу Германии 1871 года срок исковой давности за убийство составляет двадцать лет. Следовательно, нацистские убийства, не рассмотренные до 8 мая 1965, должны бы были остаться безнаказанными. Начались жаркие дебаты о том, что важнее: дать выжившим жертвам самых страшных преступлений и их близким шанс увидеть какое-то подобие справедливости или подвести черту под этими преступлениями ради общественной гармонии.⁴⁷ Израильские, а также американские еврейские активистки и активисты, организации и институты особенно активно выступали за продление срока давности, что не замедлило вызвать защитную реакцию в Германии. На общественном партийном собрании в Аугсбурге министр юстиции Западной Германии Эвальд Бухер (FDP) говорил вполне откровенно: «Мне уже порядком надоели эти разговоры о сроке давности. Германия должна решить этот вопрос по собственному усмотрению. Он касается фундаментальных правовых принципов; митингами в Вашингтоне и Тель-Авиве меня не напугаешь». Западная Германия не позволила президенту Египта, Гамалю Абдель Насеру, диктовать свою позицию по отношению к Израилю, продолжил Бухер, «а мы, в свою очередь, не можем позволить Израилю оказывать на нас давление по этому вопросу». В конце концов, «если нам понадобится жить рядом с убийцами, мы делаем это под нашу ответственность». При этом Бухер предположил, что в Западной Германии проживало около 10 000 не попавших под суд убийц, действовавших во имя нацистского режима.⁴⁸ Его заявление, что это положение вещей терпимо, вызвало значительное национальное и международное возмущение. В итоге срок давности был продлен еще на четыре года, до 1969-го – при этом руководствовались все той же продолжительностью в 20 лет, только на этот раз с момента создания ФРГ. В 1969 году Бундестаг принял закон об очередном продлении срока давности на десять лет, а в 1979 году срок исковой давности за убийство был окончательно отменен.

В марте 1965 года, когда споры о сроке давности набирали обороты, Западная Германия и Израиль установили полные дипломатические отношения. Десять арабских стран отзывали своих посланников из Бонна в знак протеста.

«Добродетельный» антисемитизм западногерманских левых

До Шестидневной войны 1967 года западногерманские левые, как правило, выступали за Израиль, иногда довольно энергично. Многие поддерживали выплату репараций Израилю и установление дипломатических отношений – не будем забывать, что эта страна до середины 1970-х годов управлялась рабочим

движением. Движение киббуцев вызывало особенный (часто излишне идеалистичный и романтический) энтузиазм среди левых. После Шестидневной войны ситуация резко изменилась. Некоторые консерваторы бросились прославлять израильский «блицкриг»; правая пресса (включая издания, контролируемые воинствующим антикоммунистом Акселем Шпрингером, например, *Bild*) не усмотрела дурного вкуса в том, чтобы приравнять успехи Моше Даяна к успехам Эрвина Роммеля. В результате радикальные левые перешли на другую сторону. Черно-белое антиимпериалистическое мировоззрение определяло арабские государства и ФАТХ (движение за национальное освобождение Палестины) как угнетенных жертв арабо-израильского конфликта. При этом западногерманские левые успели забыть о вине своих соотечественников. В глобальной антиимпериалистической борьбе, определявшей мировоззрение «новых левых», палестинцы (как теперь называли себя палестинские арабы) были причислены к угнетенным народам, борющимся с американским империализмом, которому Израиль якобы обеспечил важнейшую опору на Ближнем Востоке.

В очередной раз перевернув роли жертвы и преступника, израильских евреев объявили новыми нацистами. Новомодный левый антисионизм был старым добрым антисемитизмом нового разлива – что доказала попытка теракта, предпринятая радикально левой организацией Tupamaros Westberlin во время мероприятия в память о Ноябрьском погроме, проходившего в еврейской общине в Западном Берлине 9 ноября 1969. Эта община была построена после войны на месте одной из крупнейших синагог, разрушенных при Ноябрьском погроме 1938 года. К счастью, бомба террористов не взорвалась. Иначе погибли бы сотни людей. В ночь перед годовщиной несколько мемориальных комплексов, включая памятный камень на месте синагоги в берлинском Шенеберге, были обезображены надписями – *Napalm, El Fatah* и почему-то *Shalom*.

Авторы декларации в левом периодическом издании,⁴⁹ взявшие на себя ответственность за неудавшийся теракт (и надписи), сетуют на то, что левые парализованы «немецким чувством вины». Эта «невротически-историческая» фиксация якобы мешает им правильно понять арабо-израильский конфликт. «Евреи, изгнанные фашистами, сами стали фашистами», и потому пора начать борьбу против «близости сионистского Израиля к фашистской Западной Германии». Нападение осознанно было приурочено к Ноябрьскому погрому: по мнению авторов, памятные мероприятия заслоняют тот факт, «что Хрустальная ночь 1938 года сегодня повторяется каждый день на оккупированных

сионистами территориях, в лагерях беженцев и израильских тюрьмах».⁵⁰ Напомним: попытка теракта произошла в 1969 году – однако риторика террористов звучит пугающе современно.

Хотя многие члены Социалистической федерации немецких студентов (SDS)⁵¹ дистанцировались от неудавшегося теракта, они отвергали скорее средства, чем логику. Немногие были готовы осознать собственный антисемитизм, выраженный в антисиионизме. Постепенно ненависть к Израилю прочно закрепилась в различных новых коммунистических движениях 1970-х (но не в мейнстримных «старых левых» партиях). Вскоре она стала неотъемлемым догматом практически всех радикальных левых.

«Фракция Красной Армии» (группа Баадера и Майнхоф) не стала исключением. Мы уже упоминали, что ее соосновательница Ульрике Майнхоф, находившаяся в то время под следствием, высоко оценила теракт палестинцев против израильской команды на Олимпийских играх 1972 года в Мюнхене, охарактеризовав его как «одновременно антифашистский, антиимпериалистический и интернационалистский акт». Она заявила, что Израиль «использовал своих спортсменов так же, как нацисты евреев – в качестве топлива для империалистической политики истребления».⁵² Косвенные улики также указывают на причастность левых террористов к поджогу еврейского дома престарелых, унесшему семь жизней в Мюнхене 13 февраля 1970 года. Виновных так и не удалось найти. Стоит вспомнить и захват самолета, совершенный 27 июня 1976 года совместными усилиями «Народного фронта освобождения Палестины» и западногерманской леворадикальной «Революционной ячейки». По приказу террористов самолет, следовавший рейсом Тель-Авив – Афины – Париж, совершил посадку в аэропорту Энтеббе. Террористы отделили 83 заложника с израильскими паспортами от остальных. Пассажиров с не израильскими паспортами и нееврейскими именами отпустили. Почти всех остальных спасла Армия обороны Израиля в рамках операции «Энтеббе» 4 июля 1976 года.

Левый антисемитизм не ограничивается средой радикалов и террористов. Враждебное отношение к Израилю на протяжении десятилетий было неотъемлемой частью западногерманского левого фланга, включая, по крайней мере, частично, «Зеленых» (*Die Grünen*) и пацифистов. Многие из них повторяли и повторяют утверждения палестинской пропаганды, тем самым легитимируя собственные (часто неосознанно) антисемитские взгляды.

«В одном сомнений нет», – написал в 1969 году Жан Амери, еврейский писатель австрийского происхождения, бывший член бельгийского сопротивления, переживший несколько концлагерей: «Антисемитизм кроется в антиизраилизме и антисиионизме, как гроза в туче». ⁵⁴ Он начал выступать против левого антиизраильского антисемитизма более полувека назад. Поразительная прозорливость с его стороны – с тех пор именно эта форма антисемитизма завоевала самую широкую общественную и политическую терпимость на Западе.

Скачать публикацию можно на сайте:

https://report-antisemitism.de/documents/From_the_river_to_the_sea_-_Israelbezogener_Antisemitismus_in_Bayern_2021_-_RIAS_Bayern.pdf

Теракт на Олимпиаде 1972 года в Мюнхене и промахи немецких властей

Олимпийские игры в Мюнхене открылись 26 августа 1972 года. 5 сентября боевики палестинской террористической организации «Черный сентябрь»⁵⁵ ворвались в жилище израильской команды. Они убили двух спортсменов и взяли в заложники еще девяти, требуя освободить более 300 террористов (включая Ульрике Майнхоф). Западная Германия отказалась от помощи других стран, хотя не располагала в то время квалифицированными спецназовцами. В результате попытка освободить заложников, которых держали на военном аэродроме в Фюрстенфельдбруке, обернулась катастрофой: погибли все. Более того, впоследствии выяснилось, что власти были предупреждены о возможном теракте, но не поверили и не отреагировали.

Неудивительно, что родные и близкие жертв до недавнего времени враждовали с Германией, требуя полного и прозрачного расследования обстоятельств теракта, а также выплаты компенсации. Власти Германии прислушались к ним только после того, как они пригрозили бойкотировать официальное памятное мероприятие, которое должно было состояться в Мюнхене 5 сентября 2022 года в пятидесятую годовщины теракта. Тогда была создана историческая комиссия, которой было поручено изучить обстоятельства теракта.⁵⁶ Незадолго до памятного мероприятия президент Франк-Вальтер Штайнмайер принес родным и близким жертв официальные извинения от имени Германии. В самом начале семидесятых многие надеялись, что Мюнхенская Олимпиада сможет стереть или загладить воспоминания о Берлинской Олимпиаде 1936 года, прошедшей при правлении нацистов. На деле Олимпиада в мирном Мюнхене тоже оказалась смертельно опасной для евреев. Она была прервана, но не прекращена после теракта.

Вот имена одиннадцати погибших израильских спортсменов: Давид Бергер, Зеев Фридман, Йосеф Гутфройнд, Элиэзер Халфин, Йосеф Романо, Амицура Шапира, Кехат Шор, Марк Славин, Андрей Спитцер, Яков Шпрингер и Моше Вайнберг. Убит был также немецкий полицейский Антон Флигербауэр.

Гробы израильских спортсменов в мюнхенской синагоге перед репатриацией останков.

Фото: dpa/
Süddeutsche Zeitung.

Мюнхенские Олимпийские игры 1972 года:
Израильская команда на церемонии открытия.

Фото: Свен Симон,
Süddeutsche Zeitung

Американский мини-сериал «Холокост» на немецком телевидении (1979)

Беспрецедентное количество дебатов о нацистском прошлом, как публичных, так и частных, было вызвано американским мини-сериалом «Холокост». В январе 1979 года до 39 % жителей Германии, имеющих телевизор, следили за судьбой вымышленной немецкой еврейской семьи Вайс. Фильм сыграл ключевую роль и в том, что в Западной Германии прижился термин «Холокост».

Для большинства западных немцев это было первое столкновение с судьбой (пусть и вымышленной) еврейской семьи, а не просто с абстрактными, якобы объективными рассказами о Шоа, представленными западногерманскими историками. Конечно, подобный сериал неизбежно требует упрощения и некоторой эстетизации фактов. И все же общий эффект был безусловно позитивным: вымышленная семья Вайс вызвала больше эмпатии, чем чудовищные, но абстрактные цифры. Жертвы предстали как индивидуумы с собственной волей и субъектностью. Кроме того, виновники Шоа были показаны не демоническими монстрами, а по большей части законопослушными бюргерами.⁵⁷

Впрочем, отнюдь не все встретили мини-сериал тепло. Изначально планировалось показать его на первом канале, общем для всей Германии, но баварская телекомпания Bayerischer Rundfunk (BR) наложила вето на этот вариант. В итоге «Холокост» был показан на третьих каналах в отдельных землях. Обычно они собирали (и до сих пор собирают) только небольшую аудиторию – тем удивительнее, что мини-сериал все же достиг столь высоких рейтингов. Правящая в Баварии христианско-демократическая партия (CSU/XCC) заявила, что если уж показывать «Холокост», то ради «беспристрастности» нужно показать и страдания (нееврейских) немцев. Трехсерийный документальный фильм о немцах, бежавших или изгнанных из Центральной и Восточной Европы после войны, был создан специально в противовес «Холокосту» и показан BR в 1981 году.⁵⁸

Непосредственно перед выходом первого эпизода «Холокоста» в эфир были взорваны две телебашни – почти наверняка ультраправыми террористами Петером Науманном и Бернхардом Архнером. В результате около 100 000 зрителей вместо первого эпизода увидели черный экран.⁵⁹ В Западном Берлине молодежная правая группировка Викинг-Югенд (Wiking-Jugend: WJ), самопровозглашенная наследница Гитлерюгенда, распространяла листовки с лозунгом: «Я не осел, я не верю в Холокост». В феврале 1979 года праворадикальная партия NPD попыталась провести в Мюнхене митинг против сериала, утверждая, что он разжигает ненависть к Германии. Митинг был запрещен; попытавшиеся тем не менее провести его были арестованы, а их листовки конфискованы.⁶⁰

1985: Речь Рихарда фон Вайцзеккера 8 мая и Битбургский инцидент

Речь президента ФРГ Рихарда фон Вайцзеккера на мероприятии, проведенном в Бундестаге (но не организованном Бундестагом) по случаю сороковой годовщины 8 мая, привлекла широкое внимание как в Германии, так и на международном уровне. Эта речь считается вехой в развитии мемориальной культуры Западной Германии. В основе ее лежало весьма спорное утверждение о том, что для Германии 8 мая 1945 года было днем освобождения. На самом деле большинство западных немцев воспринимали эту дату как день военного краха. Поколение, пережившее войну, яростно отвергло новую интерпретацию Вайцзеккера – да и в его собственной христианско-демократической партии она понравилась не всем.⁶¹

Речь Вайцзеккера, безусловно, положила начало волне активизма – порой сверху, но в основном снизу – за мемориальную культуру, хранящую память о Шоа и нацистских преступлениях в целом. Однако к кнуту (Германия несет коллективную ответственность за нацистское прошлое) прилагался утешительный пряник: «Все мы, – сказал президент, – *виновные и невинные*, старые и молодые, должны принять прошлое. Все мы затронуты его последствиями и несем за него ответственность» (курсив наш).⁶² Говоря прямо, Вайцзеккер апеллировал к готовности западногерманского населения признать некую форму коллективной ответственности в обмен на смещение акцента с фактической личной вины.

Переосмысление Вайцзеккером 8 мая 1945 года было во многом актом самооправдания. Лишь ничтожное меньшинство немцев восприняло этот день как день освобождения. Вайцзеккер фактически предлагал всему западногерманскому обществу постфактум причислить себя к этому меньшинству. Эта тема продолжает регулярно всплывать в связи с празднованием 8 мая, вызывая все новые жаркие споры.

Что же касается Шоа, то важнейшим аспектом речи Вайцзеккера было упоминание депортаций на виду у всех. При всем его старании обойти тему личной вины, его слова противостояли мифу о том, что немцы практически ничего не знали о случившемся. Вайцзеккер назвал уничтожение шести миллионов евреев беспрецедентным и отметил, что «любой человек, имевший глаза и уши, любой, кто хотел знать правду, не мог не заметить, что поезда идут в лагерь. Каждый, кто осознанно переживал это время, не может не думать о мере собственной вовлеченности.»⁶³

Президент Рихард фон Вайцеккер произносит свою историческую речь, в которой он переосмысливает 8 мая 1945 года как день освобождения.

Увы, отнюдь не все были согласны с Вайцеккером – в том числе, в высших политических эшелонах Германии. Достаточно одной иллюстрации: всего тремя днями ранее канцлер Гельмут Коль (CDU) отправился с президентом США Рональдом Рейганом в поездку по мемориальным местам: сначала в Берген-Бельзен – а затем на военное кладбище в Битбурге, где, среди прочих, похоронены 49 солдат СС. Центральный совет евреев Германии, обычно очень мягко реагирующий на промахи политиков, созвал внеочередное заседание, осудил эти планы и заявил, что не будет принимать в них никакого участия. Международной критике тоже не было конца – а вот немецкая пресса в основном осталась довольна таким планированием.

«Любой человек, имевший глаза и уши, любой, кто хотел знать правду, не мог не заметить, что поезда идут в лагеря. Каждый, кто осознанно переживал это время, не может не думать о мере собственной вовлеченности.»

Диспут западногерманских историков в 1986–1987 годах

Диспут о Шоа выдающихся западногерманских историков в 1986–87 годах был одним из самых значимых споров о мемориальной политике Западной Германии и остается важнейшей точкой отсчета. В первую очередь ожесточенная дискуссия касалась исторических причин Шоа и ее беспрецедентной (но создавшей прецедент) сути. Спор велся о том, насколько осмысленно сравнивать Шоа с преступлениями сталинского режима – или даже строить предположения о том, не вдохновили ли в чем-то Гитлера действия Сталина. Все это происходило на фоне перехода в 1982 году от правящей коалиции социал-демократов (SPD) и свободных демократов (FDP) под руководством Гельмута Шмидта к коалиции христианских демократов (CDU) и FDP под руководством Гельмута Коля, а также «интеллектуального и морального поворота», провозглашенного Колем. Было много причин опасаться, что одним из направлений этого поворота станет попытка подвести финальную черту под критическим осмыслением нацистского прошлого. Еще в 1976 году, когда Коль еще не был канцлером, он назвал преступления нацистов «ужасной вещью, которая случилась с людьми по всей Европе в период нацистского варварства от имени Германии» (курсив наш).⁶⁴

Диспут в конце восьмидесятых начался с эссе консервативного историка Эрнста Нольте, опубликованного 6 июля 1986 года в самой респектабельной газете Западной Германии, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*. Называлось оно «Прошлое, которое не проходит». Нольте утверждал, что постоянное обсуждение «окончательного решения еврейского вопроса» (надо отдать ему должное, он хотя бы не забыл поставить кавычки) отвлекает внимание от других «важных аспектов национал-социализма», включая другие нацистские преступления – а также, что еще важнее, от «ключевых текущих вопросов», таких как «уважение к нерожденной жизни» (Нольте был ярким противником абортов) и «геноцид ... во Вьетнаме вчера и в Афганистане сегодня».⁶⁵

Самые жаркие споры возбудило утверждение Нольте, что Освенцим был «ответом на сталинский ГУЛАГ». Нацисты, по его мнению, действовали в порядке самообороны против реальной или предполагаемой большевистской угрозы. Без всякого стеснения используя целый букет антикоммунистических, антисемитских и славяно-/русофобских клише, Нольте задал следующий наводящий вопрос:

Может быть, национал-социалисты и Гитлер вели себя настолько «по-азиатски» только потому, что считали себя и себе подобных потенциальными или реальными жертвами «азиатского» поведения? Разве «архипелаг ГУЛАГ» не возник до Освенцима? Разве «классовое убийство» большевиков не было логическим и фактическим предшественником «расового убийства» национал-социалистов?

Известно, что широко распространенная антикоммунистическая истерия обеспечила ультраправым в целом и нацистам в частности значительную поддержку в их стремлении уничтожить Веймарскую республику. Это наблюдение не ново и не вызывает возражений. Ново другое: весьма уважаемый и авторитетный историк-теоретик, не имеющий славы старого нациста, заявил, что эта истерия была вполне обоснована. Более того, представление о нацистских «расовых убийствах» как о логичном ответе на коммунистические «классовые убийства» явно основано на антисемитской идее, что без евреев не было бы коммунизма. В то время в Западной Германии еще только-только зарождалось серьезное политическое и научное осмысление национал-социализма и Шоа – но Нольте счел, что было самое время подвести черту под нацистским прошлым и радикально снять коллективную вину за его преступления.

Хабермас немедленно выступил против Нольте. В статье, опубликованной в *Die Zeit* 11 июля 1986 года, он обвинил Нольте и трех других консервативных западногерманских историков в искаженном и апологетическом отношении к национал-социализму, а также в желании переписать историю в соответствии с интересами холодной войны, релятивизируя преступления нацистов. По мнению Хабермаса, Нольте не только отрицал уникальность Шоа, но и придавал ей некоторую, пусть и извращенную, логичность, представляя ее как ответ на большевистскую угрозу.⁶⁶ Вмешательство Хабермаса вызвало множество откликов со стороны выдающихся историков, а также публичных интеллектуалов и журналистов. Конфликт эскалировал 29 августа 1986 года: *Frankfurter Allgemeine Zeitung* опубликовала статью в защиту Нольте, написанную одним из редакторов газеты, Йоахимом Фестом. Вслед за Нольте Фест подверг сомнению специфику Шоа и подчеркнул сходство между «фабриками смерти сталинской эпохи» и Освенцимом, не тратя ни слова на очевидные различия.⁶⁷ Статья Феста была яростно оспорена несколькими либеральными западногерманскими историками; полемика становилась все политичнее. В конце концов, критики Нольте одержали победу: по крайней мере, на тот момент большинство общественности согласилось, что расовый антисемитизм нацистов был не реакцией или случайностью, а самой сутью их идеологии.

Раздвоение прошлого и политики посткоммунистической Европы

Несправедливости и преступления, совершенные коммунистическими режимами в Центральной и Восточной Европе, не могли не привлечь пристальное внимание ученых и широкой общественности после распада коммунистического блока и воссоединения Германии. Теперь их впервые можно было открыто обсуждать и изучать на основе архивных материалов. К сожалению, эти нужные усилия часто шли рука об руку с релятивизацией Шоа и новыми сомнениями в ее специфичности.

Одним из результатов этого процесса стало некое «раздвоение» культуры памяти о Второй мировой войне в Европе. В посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы наблюдается сильная тенденция к приравниванию коммунизма к национал-социализму. Жители этих стран также склонны сетовать на то, что «Запад» стремится навязать им свою концепцию европейской истории, недооценивающую страдания жертв коммунизма в сравнении с жертвами Шоа. Бывшие диссиденты, подвергавшиеся преследованиям в Восточной Германии, жалуются, что с ними обращаются как с «жертвами второго сорта».⁶⁸ Это раздвоение часто приводит к «конкуренции жертв», противопоставлению различного трагического опыта и релятивизации Шоа. На практике приравнивание других трагедий к Катастрофе обычно не означает, что память о Шоа и других преступлениях хранится с равным пиететом – нет, внимание, как правило, сосредотачивается *исключительно* на преступлениях коммунистических режимов. Эта тенденция тем сильнее, что память о последних еще свежа. К тому же неоимпериалистический экспансионизм путинской России представляет собой реальную и актуальную опасность (в отличие от немецкой оккупации во время Второй мировой войны). Политические события прошлого часто видятся в современном политическом контексте, что в данном случае регулярно приводит к подмене ролей – преступники более далекого прошлого оборачиваются жертвами прошлого недавнего.⁶⁹

Ярче всего это проявляется в концепции «двойного геноцида», популярной в балтийских странах, особенно в Литве. Она утверждает, что период советской оккупации и Шоа были равнозначными геноцидами. Таким образом, коренное население фигурирует только в роли жертвы. При этом коллаборационисты, участвовавшие в истреблении евреев, реабилитируются как «борцы за свободу» против советского геноцида.

В 2004 году тогдашний вице-председатель Центрального совета евреев в Германии Саломон Корн вышел из зала на церемонии открытия Лейпцигской книжной ярмарки во время выступления Сандры Калниете, на тот момент министра иностранных дел Латвии (а впоследствии комиссара ЕС). Объясняя свое решение, Корн сказал: как бы ни были прискорбны страдания Калниете и ее родных в советские времена, это «не дает ей права приписывать Советскому Союзу свойства немецкого национал-социализма – то есть беспрецедентные намерения уничтожения „недочеловеков“ и „жизни, недостойной жизни“». По мнению Корна, мотивация Калниете была достаточно прозрачна: она не упомянула о «преступлениях, совершенных латышскими коллаборационистами [...] во время немецкой оккупации: 80 000 латышей вступили в латышский легион СС; еще 30 000 стали полицией. Они добровольно содействовали геноциду евреев, отличавшемуся в Латвии особенной чудовищностью». Корн уточнил, что «структурное сходство между различными типами диктатур» не следует использовать для «подведения их всех под некую теорию тоталитаризма, нивелирующую идеологические различия. [...] В идеологии Советского Союза не было аналога государственно организованным массовым убийствам, тотальному антисемитизму, промышленному убийству миллионов людей, войне на уничтожение за „жизненное пространство“ и стремлению поработить и эксплуатировать целые народы.»

С сегодняшней точки зрения заключительные комментарии Корна звучат пророчески:

Новые восточноевропейские члены ЕС совсем или почти совсем не прорабатывают свое антисемитское прошлое. Это поставит расширенный Евросоюз перед проблемой, о которой пока не задумываются: исламистский антисемитизм, продвигающийся в ЕС с юга, и «классический» антисемитизм, продвигающийся с востока, создадут своего рода «клещи», усиливающие вторичный, основанный на чувстве вины антисемитизм, преобладающий в Западной Европе. В результате может возникнуть тройное «силовое поле антисемитизма» – взаимоподдерживающий альянс различных форм анти-еврейской враждебности.⁷⁰

Идея равной преступности всех тоталитарных режимов, распространенная в посткоммунистических государствах, не в последнюю очередь объясняется тем, что вопрос о сотрудничестве местных жителей с немецкими оккупационными войсками во время Второй мировой войны долгое время был и часто остается абсолютным табу. Немногие знают, что граждане их страны – возможно, их предки – были соучастниками геноцида европейского еврейства. Достаточно

вспомнить, как враждебно встретили в Польше американского историка польского происхождения Яна Т. Гросса, когда в 2001 году он опубликовал свой отчет о погроме в Едвабне.⁷¹ Согласно пакту Молотова-Риббентропа 1939 года, город Едвабне был передан Советам. В преддверии вторжения вермахт получил указание поощрять местное антиеврейское насилие. 10 июля 1941 года, уже после вторжения, местные поляки устроили погром еврейского населения, убив не менее 340 человек. Ни при коммунистическом, ни при посткоммунистическом режиме никто не поднимал вопрос об этих событиях, и большая часть польской общественности была возмущена нарушением молчания. Книга Руты Ванагайте и Эфраима Зуроа о Шоа в Литве, впервые опубликованная на литовском языке в 2016 году и привлекающая внимание к антисемитизму литовского населения, была встречена столь же агрессивно.⁷²

Скачать публикацию

»Das Judasfeuer – Ein antisemitischer Osterbrauch in Bayern« на сайте:

https://report-antisemitism.de/documents/2020-04-02_rias-by_Judasfeuer-Osterbrauch.pdf

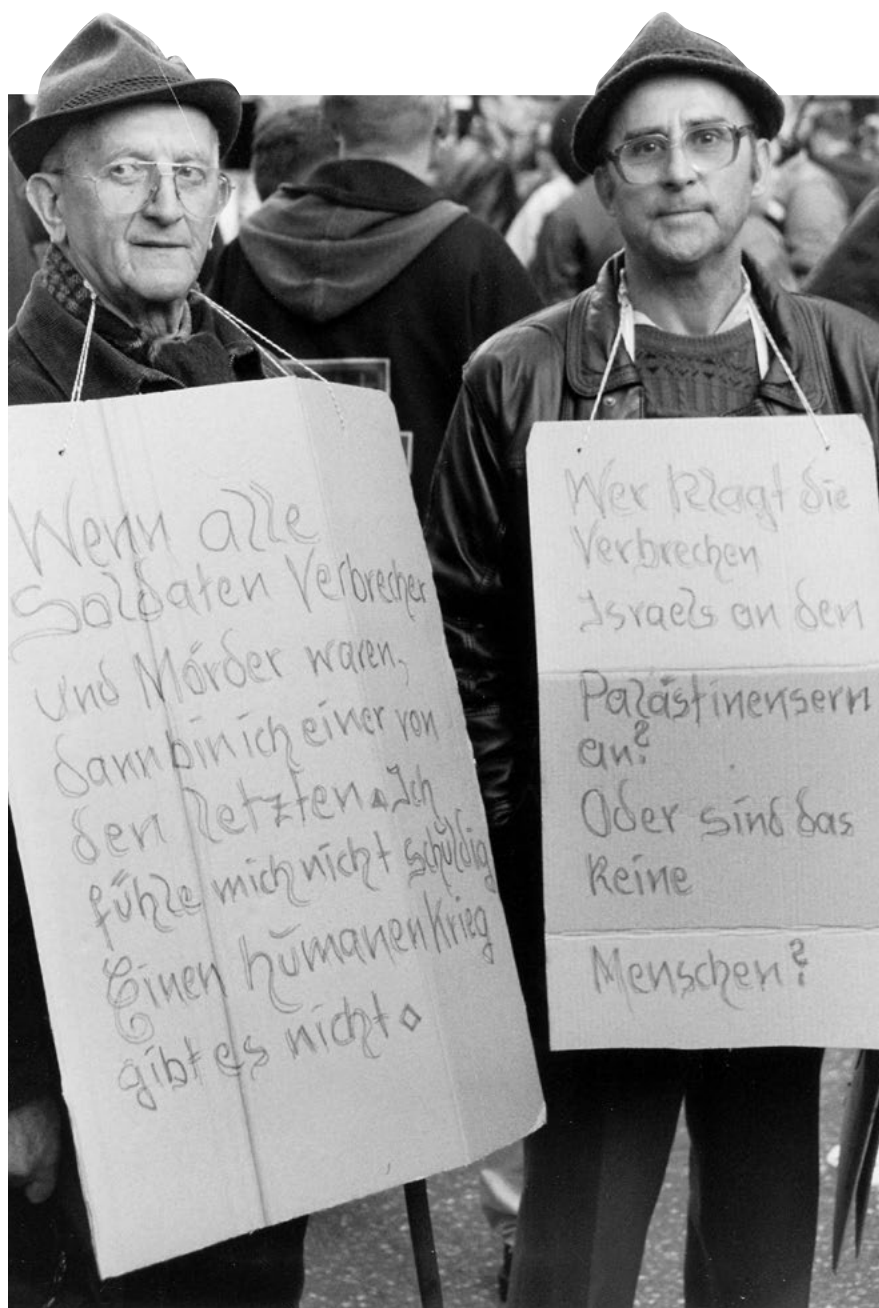
Выставка «Преступления вермахта», 1995–1999

Во второй половине 1990-х годов выставка *Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944* («Война на уничтожение: Преступления вермахта, 1941–1944») объехала множество немецких городов. Курировал ее гамбургский Институт социальных исследований. Мало кто стал бы спорить с тем, что депортации и убийства миллионов людей, а также создание лагерей смерти, были бы невозможны без прикрытия и подготовки вермахта. Однако выставка сделала решающий шаг вперед, документируя *непосредственное* участие вермахта, в частности, в войне на уничтожение в Советском Союзе. Таким образом был брошен вызов распространенному мнению о том, что «простые солдаты» вермахта не участвовали в совершении наиболее чудовищных преступлений во время Второй мировой войны. На деле, как описывает главный куратор выставки, историк Ханнес Хеер,

Именно вермахт нанес восточноевропейскому еврейству первый удар. Вермахт охотился на евреев, унижал, обесчеловечивал и расстреливал их, он помог превратить их в «отбросы», от которых затем систематически избавлялись айнзацгруппы и полицейские батальоны.⁷³

Эта выставка тоже встретила отторжение – в частности, много шума поднялось из-за того, что в подписи к считанным единицам среди более чем 1 400 изображений и документов закрались ошибки. Чтобы исключить сомнения в достоверности представленных выводов, институт решил пересмотреть выставку. Проработка шла два года; в ноябре 2001 года выставка снова открылась, теперь уже под названием *Verbrechen der Wehrmacht. Dimensionen des Vernichtungskrieges 1941–1944*, и гастролировала до марта 2004 года. Основная идея не изменилась: вермахт играл неотъемлемую роль в войне на уничтожение против Советского Союза и в совершенных во время этой войны преступлениях. Множество солдат вермахта несли прямую или косвенную ответственность за убийство миллионов мирных жителей. Последующие исследования только укрепили эти выводы.

Неудивительно, что выставку приняли в штыки, в особенности в Мюнхене. Муниципальный отдел партии CSU бойкотировал открытие выставки на том основании, что она «порочит всех членов вермахта скопом». Вместо посещения выставки члены партии демонстративно возложили венок к Могиле Неизвестного Солдата. Премьер-министр Баварии Эдмунд Штойбер (также член CSU) назвал выставку оскорбительной и обвинил ее в несправедливых обобщениях.⁷⁴

▲ Участники акции протеста, проведенной в Мюнхене в 1997 году против выставки о преступлениях вермахта
Фото: Андреас Хеддергротт, Süddeutsche Zeitung

Флориан Штумфалль, влиятельный главный редактор официального еженедельника правительства Баварии *Bayernkurier* (впоследствии, в 2021 году, покинувший CSU, потому что партия стала слишком левой и либеральной на его вкус), назвал выставку «кампанией по моральному уничтожению немецкого народа». Причитания Штумфалля, опубликованные под заголовком «Как порочат немцев», стоит процитировать более подробно. Это хрестоматийный случай отрицания, уклонения от ответа и приема *whataboutism* («на себя посмотрите»):

Даниэль Голдхаген и все те, кто получает удовольствие от огульного осуждения Германии и немцев, будут довольны. В своей книге этот молодой американский историк попытался, но не смог доказать идею коллективной вины немцев за преступления национал-социализма, которая уже давно опровергнута и не была принята даже Нюрнбергским трибуналом. [...]

Никто не отрицает, что члены вермахта совершали преступления во время Второй мировой войны. Однако это происходило лишь в относительно немногих случаях, которые необходимо оценивать с точки зрения индивидуальной вины и ответственности. Возможно, следует принять во внимание, что войны вообще делают допустимым недопустимое: преступления такого рода совершались не только вермахтом, но всеми вооруженными силами. Позвольте мне еще раз повторить: Нюрнбергский трибунал не исходил из предположения о коллективной вине Германии и не выделял вермахт в качестве преступной организации.

Поэтому возмутительно, что именно левые – люди, игнорирующие ужасные преступления, совершаемые мировым социализмом с 1917 года и по сей день – спустя пятьдесят лет после войны пытаются навязать Германии карательные меры суровее Нюрнбергского трибунала и ведут кампанию по моральному уничтожению немецкого народа. [...] Организаторы намерены обесчестить миллионы немцев – спрашивается, есть ли честь у того, кто так бесцеремонно и злоумышленно обращается с честью других.⁷⁵

Однако протесты отнюдь не ограничились Мюнхеном. Они достигли апогея, когда ранним утром 9 марта 1999 года взрыв бомбы нанес значительный ущерб зданию в Саарбрюккене, где в то время проходил показ выставки.⁷⁶ Страсти, вызванные выставкой спустя полвека после окончания войны, показывают: очень многие немцы еще даже не начали критически осмысливать роль вермахта – и стремятся закрыть эту вовсе еще не открытую тему. Несмотря на всю встреченную враждебность, выставка заметно повысила осведомленность о преступлениях вермахта и стала вехой в развитии мемориальной культуры Германии.

1996 год: споры о книге Голдхагена

1995 год ознаменовался не только открытием выставки о вермахте, но и пятидесятой годовщиной капитуляции Германии. Через год, в накаленной этими событиями атмосфере, был опубликован немецкий перевод книги Даниэля Дж. Голдхагена *Hitler's Willing Executioners: Ordinary Germans and the Holocaust* («Гитлеровские палачи-добровольцы: Обычные немцы и Холокост»).⁷⁷ Социолог и политолог Голдхаген попытался объяснить, почему условия, способствовавшие Шоа, возникли именно в Германии. Его ответ: не только нацистское руководство, но и простые немцы еще до прихода к власти Гитлера были приверженцами элиминационного антисемитизма, который дошел до своего логического завершения в Шоа. Терзая и убивая евреев, немцы действовали не по приказу, и тем более не по принуждению, как это часто утверждалось: они действовали согласно своим антисемитским убеждениям, являвшимся неотъемлемой частью немецкой культуры и одним из центральных факторов, определивших формирование Германии как государства. «Еврей» постоянно изображался и воспринимался как враждебная квинтэссенция всего антинемецкого.

Монография Голдхагена была отнюдь не лишена недостатков. И все же ей удалось сделать нечто важное: сместить точку отсчета и дать новый импульс исследованиям причин Шоа. Долгое время эти исследования сводились к полемике между интенционалистами и структуралистами/функционалистами. Интенционалисты (от «интенция», намерение) настаивали, что Шоа стала результатом осознанного, идеологически мотивированного намерения нацистского руководства уничтожить европейское еврейство. (При этом они, впрочем, признавали, что роль играли и косвенные факторы.) Кроме того, интенционалисты исходили из того, что решение о Шоа принимал лично Гитлер с помощью считанных других ведущих нацистов.

Структуралисты/функционалисты не отрицали антисемитизма нацистов, но полагали, что решающие шаги к геноциду были продиктованы прагматическими соображениями: ситуация на восточном фронте стала критической для Германии, а уничтожение местных евреев решало ряд проблем с логистикой и снабжением. При этом структуралисты/функционалисты исходили из того, что в постепенном «прагматичном» решении об уничтожении всех евреев участвовало множество различных органов власти и лиц на разных управленческих уровнях.

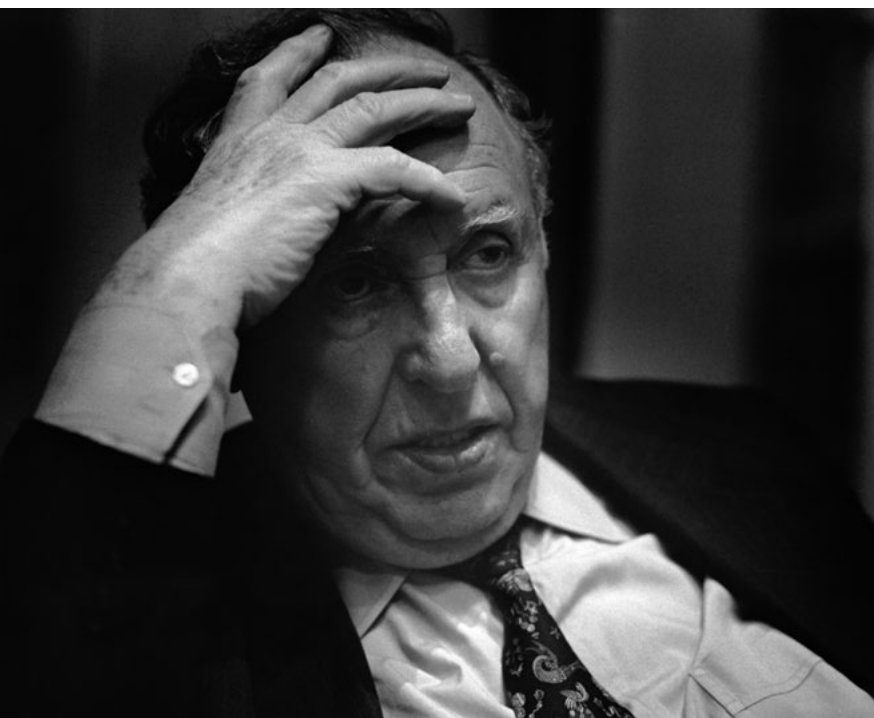
Голдхаген первым предложил объединить интенционалистский подход (фокус на антисемитизме) с тем пониманием процесса развития Катастрофы, который предлагали структуралисты/функционалисты – учитывая широкое участие не только политического аппарата и силовых структур, но и общества в целом.

Книга Голдхагена была довольно положительно принята вне Германии (причем скорее широкой публикой, чем научным сообществом). А вот у большинства немецких историков и журналистов она вызвала невроз еще до публикации немецкого перевода. Ее называли провокацией; книгой, написанной исключительно ради скандальной известности. Да был ли Голдхаген вообще историком? И разве он мог рассуждать объективно и здраво о Шоа, будучи евреем?⁷⁸ Критики обрушились на книгу с яростью. Используя клише о пресловутой врожденной мстительности евреев, редактор *Der Spiegel* Рудольф Аугштайн назвал самого Голдхагена палачом.⁷⁹ Проявились также и ростки логики, согласно которой евреи сами виноваты в антисемитизме – часто высказывалось опасение, что книга вызовет новую волну антисемитских проявлений.

Однако общественность Германии сердилась на Голдхагена недолго. Вскоре он заявил, что вплетенный в ткань немецкого общества и культуры многовековой элиминационный антисемитизм чудесным образом исчез после 1945 года – и быстро превратился из *enfant terrible* в популярного гостя всяческих ток-шоу и лауреата множества наград.

Освенцим как моральная дубина: Речь Мартина Вальзера в Паульскирхе, Франкфурт (1998)

В 1998 году известный немецкий романист и левый публичный интеллектуал Мартин Вальзер был удостоен Премии мира немецких книготорговцев. Его пространная речь подразумевала (ни разу не утверждая напрямую), что Освенцим изжил свою полезность в качестве дидактической и моральной точки отсчета. Из речи складывалось впечатление, что упоминанием Освенцима часто пользуются в сомнительных целях. Желание Вальзера меньше слышать об Освенциме разделяла не только большая часть его аудитории, но и население Германии в целом. Это не помешало ему принять хорошо отрепетированную позу нарушителя табу («я дрожу от собственной дерзости»), когда он высказал свое якобы невероятно смелое и оригинальное предложение подвести черту под этой темой и двигаться дальше.

«Я ничего или почти ничего не добился», – заявил Игнац Бубис, председатель Центрального совета евреев в Германии, в интервью журналу Stern в июле 1999 года, за несколько недель до своей смерти.⁸¹ В интервью с консервативной ежедневной газетой Die Welt Бубис добавил: «Еврей в Германии все еще не считается немцем.» Основной причиной этого водораздела он назвал отсутствие интереса со стороны общества.⁸²

Фото: Катерина Хесс, Süddeutsche Zeitung

Одним из главных поводов для беспокойства Вальзера было то, что он назвал «инструментализацией» Освенцима «для текущих целей». По его мнению, следовало перестать пользоваться отсылками к Шоа как «привычным, универсальным средством запугивания или обязательным упражнением». Кто именно таким образом «инструментализировал» Освенцим, Вальзер предпочел не уточнять – но трудно не предположить простого ответа: евреи. Утверждение о том, что Освенцим стал «моральной дубиной», вполне могло бы прозвучать из уст неонациста. Вальзер также коснулся затянувшихся жарких споров о возведении в Берлине мемориала Шоа (в итоге Мемориал убитым евреям Европы, поле из более чем 2 700 серых тумб, был открыт в 2005 году). Он назвал планируемый проект «кошмаром размером с футбольное поле» и «монументализацией позора». Выразив искреннее сочувствие (предположительно нееврейским) жителям Германии, ставшим жертвами махинаций «солдат общественного мнения» – явный привет от конспирологических мифов – он ни слова не сказал о еврейских жертвах нацизма или о приросте антисемитских инцидентов после воссоединения Германии. Многие в его поведении весьма напоминают более новые постколониальные утверждения, которые мы обсуждали ранее.

По окончании речи все 1200 приглашенных гостей – светила мира культуры, торговли и политики – аплодировали Вальзеру стоя; все, кроме четверых. Эти четверо едва верили своим ушам. Среди них были тогдашний председатель Центрального совета евреев в Германии Игнац Бубис и его жена Ида. В ответ на возмущение Бубиса очевидным желанием Вальзера подвести черту под нацистским прошлым, большинство комментаторов заявили, что он просто неправильно понял речь. Редактор *Frankfurter Allgemeine Zeitung* Франк Ширрмахер впоследствии организовал встречу между Бубисом и Вальзером, на которой Бубис великодушно высказался в том смысле, что не подозревает Вальзера в осознанном подстрекательстве антисемитизма. В 2015 году Вальзер сказал изданию *Spiegel*, что теперь он не стал бы дословно повторять свою скандальную речь – впрочем, не потому, что передумал, а потому, что ему следовало четко разъяснить, кого он обвиняет и кого не обвиняет в «инструментализации» Шоа. Именно это, по его мнению, и привело к недоразумению. Различные консервативные и либеральные апологеты по сей день настаивают, что понять речь Вальзера превратно можно было только, если нарочно пытаться выискивать в ней антисемитизм.⁸⁰

«Я ничего или почти ничего не добился», – заявил Игнац Бубис, председатель Центрального совета евреев в Германии, в интервью журналу *Stern* в июле 1999 года, за несколько недель до своей смерти.⁸¹ В интервью с консервативной ежедневной газетой *Die Welt* Бубис добавил: «Еврей в Германии все еще не считается немцем.» Основной причиной этого водораздела он назвал отсутствие интереса со стороны общества.⁸²

Речь Вальзера вызвала значительные отголоски. Узаконив все более откровенно оборонительную позицию в ответ на попытки критического осмысления нацистского прошлого, она не теряет популярности среди ультраправых. В качестве примера можно привести выступление политика националистической партии AfD Бьорна Хёке в Дрездене в 2017 году. Он назвал Центральный мемориал в Берлине «мемориалом позору» и призвал к «перевороту политики памяти».⁸³ В отличие от своих еще более радикально правых предшественников, AfD не отрицает преступления нацистов. Вместо этого партия стремится подать их как фактически ничтожную, хоть и прискорбную, часть долгой истории Германии. В 2018 году Александр Гауланд, в то время лидер AfD, заявил, что «Гитлер и нацисты – это жалкий птичий помет на более чем тысяче лет славной немецкой истории».⁸⁴ Хотя Гауланд и вызвал много критики за это заявление, большая ее часть была чисто эмоциональной. Редко отмечалось, что Германия как национальное государство существует только с 1871, а не с 1018 года. («Тысячелетним Рейхом» называл себя, что показательно, как раз нацистский режим.) Характерен и использованный Гауландом образ: птичий помет обычно сваливается тебе на голову ниоткуда и уж никак не по твоей вине – именно так многие немцы хотели бы видеть национал-социализм.

Дело Мёллеманна (2002)

В 2002 году весьма влиятельный либеральный политик Юрген Мёллеманн, работавший в кабинете Гельмута Коля с 1982 по 1993 год (пока не был вынужден уйти в отставку из-за коррупционного скандала) и возглавлявший партию FDP в самой населенной земле Западной Германии, Северном Рейне-Вестфалии, с 1984 по 2002 год с перерывом на два года, дал волю своему антисемитизму, надеясь улучшить электоральные перспективы FDP. В 1998 году эта партия впервые с 1969 года не вошла в правительственный кабинет и переживала нечто вроде кризиса идентичности. Ее глава был готов ради голосов на все. Возможно, сегодня стратегия Мёллеманна – использовать антисемитский потенциал как правых политических сил, так и иммигрантского электората – сработала бы. Однако в 1998-м он опередил свое время. Выиграли другие партии, выражая свое возмущение его поведением. Позиция Мёллеманна в отношении Израиля была давно известна. Еще в 1979 году он вызвал немалый дипломатический конфуз, когда посетил Ясира Арафата и заявил, что Израиль совершает «государственный террор» против палестинцев.⁸⁵

Впрочем, вернемся к 2002 году. Все началось с заявления, сделанного в марте Джамалем Карсли, депутатом партии Die Grünen (с 1995 года) в парламенте Северного Рейна-Вестфалии. Ранее, после поездки в Ирак, Карсли отличился тем, что восхвалял Саддама Хусейна. Теперь же он заявил: «Израильская армия применяет нацистские методы! Можно было бы ожидать, что немцы отреагируют особенно остро, учитывая их историю, когда невинный и беззащитный народ оказывается во власти нацистских методов и военной мощи.»⁸⁶ Даже по меркам «Зеленых» это было чересчур, и они приступили к исключению Карсли из партии и парламентской группы. Он не стал дожидаться исключения и ушел сам – после чего был тепло принят в FDP Мёллеманом, который в начале апреля 2002 года прокомментировал атаки террористов-смертников в Израиле словами: «Политика Израиля способствует терроризму. Что бы вы делали, если бы Германия была оккупирована? Я бы тоже сопротивлялся изо всех сил. ... И не только в своей стране, но и в стране агрессоров».

Затем Карсли дал интервью – как он утверждал, непреднамеренно – ультраправому периодическому изданию *Junge Freiheit*. «Нужно помнить об огромном влиянии сионистского лобби, – заявил он, – оно контролирует большую часть мировых СМИ и может уничтожить любого, пусть даже очень высокопоставленного человека. Достаточно вспомнить президента Клинтона и дело Моника Левински. Неудивительно, что немцы боятся этого могущества.» После мощного давления со стороны Центрального совета и руководства собственной

партии Карсли убедили выйти из парламентской группы FDP. Однако он сам и Мёллеманн настаивали на том, что уступили только ради сохранения мира в родной партии, а не потому, что сделали что-то плохое. Выступая в одной из главных новостных программ второго немецкого телеканала, ZDF, Мёллеманн сказал: «Боюсь, вряд ли кто-то делает больше для развития антисемитизма, увы, существующего в Германии, чем г-н Шарон [премьер-министр Израиля] и г-н Фридман [вице-председатель Центрального совета евреев в Германии] с его нетерпимым и злобным поведением».

Как оказалось, для Мёллеманна все это было лишь прелюдией. Накануне выборов в Бундестаг в сентябре 2002 года он напечатал и распространил восемь миллионов листовок, в которых представил себя как «простого человека», называющего вещи своими именами – и снова обрушился на Шарона и Фридмана. Шарон, по его словам, «вводит танки в лагеря беженцев и игнорирует решения Совета Безопасности ООН», а Фридман «защищает поведение правительства Шарона» и «пытается представить критиков Шарона как антисемитов». И потому, продолжил Мёллеманн о себе в третьем лице, «невзирая на все нападки, Юрген В. Мёллеманн будет продолжать выступать за мирное соглашение, справедливое для обеих сторон».⁸⁷ Снова его инициатива была встречена шквалом возмущения со стороны интеллигенции и некоторых членов его собственной партии. Однако удивительным образом даже это не положило конец его карьере, хотя он и потерял симпатию многих однопартийцев. Когда DFP набрала меньше половины голосов, на которые рассчитывала, Мёллеманн был вынужден покинуть пост лидера партии. Окончательный крах его карьеры обеспечил не его антисемитизм как таковой, а вопрос, кто на самом деле заплатил более миллиона евро за производство и распространение восьми миллионов антисемитских листовок. Подозреваемый в нарушении законодательства о партийном финансировании, Мёллеманн попал в серьезные неприятности с судебными органами из-за различных мутных финансовых дел; его смерть в 2003 году почти наверняка была самоубийством.

Выступления Мёллеманна весьма нравились различным правым и ультраправым популистским политикам и группам. Особенно пламенным его поклонником стал Йорг Хайдер, лидер австрийской ультраправой партии FPÖ. И до и особенно после его прыжка с закрытым парашютом многие ультраправые секты представляли его как мученика истины: если даже такой могущественный и влиятельный человек, как Мёллеманн, пострадал за правду, как же угнетены еврейским лобби несчастные немцы!⁸⁸

Изображая жертву

Для многих людей воссоединение Германии обещало решение различных запутанных вопросов, затянувшееся с 1945 года – новой Германии нужно было найти какую-то позитивную национальную идентичность. Неудивительно, что споры о политике памяти обострились после 1990 года. Несколько уже упомянутых ярких примеров тому: спор о том, был ли май 1945 для Германии освобождением, вспыхнувший в 1995 году; выставка о преступлениях вермахта; книга Голдхагена о роли «простых немцев» в Шоа и речь Вальзера. В 1990-х снова стал особенно заметен акцент на (реальных или воображаемых) страданиях немцев во время Второй мировой – тема, которая доминировала в общественном дискурсе непосредственно после войны. Все чаще стали звучать голоса, приписывающие немцам целых две жертвенные роли: во-первых, все более дальних потомков поколения нацистов «заставляют» критически осмыслять прошлое; во-вторых, и эта идея снова набирала обороты, немцы и сами были жертвами исторических событий.

С начала 21-го века не прекращается поток книг, а также художественных и документальных фильмов о страданиях (нееврейских) немцев во время Второй мировой войны. В книге *The Fire: The Bombing of Germany, 1940–1945*, Йорг Фридрих неоднократно называет подвалы и бомбоубежища «крематориями» и на каждом шагу ссылается на «уничтожение» немцев союзниками, отсылая тем самым к терминологии Шоа. В Дрездене ежегодно проходят митинги в годовщину бомбардировки города союзниками (13 февраля 1945 года), на которых оплакивается «бомбардировочный Холокост» – и приходят на них отнюдь не только ультраправые. Ревизионистский акцент на бомбардировке Дрездена не нов: в 1965 году, отмечая ее двадцатую годовщину, Ульрике Майнхоф сослалась в левом ежемесячнике *konkret* на труды британского историка Дэвида Ирвинга, с тех пор ставшего одним из самых известных в мире отрицателей Холокоста, и посетовала, что с бомбардировкой Дрездена «антигитлеровская война выродилась в то, с чем была призвана бороться: в неоправданное варварство и бесчеловечность.»⁸⁹

Ряд популярных минисериалов также отражает эту тенденцию. Как мы уже видели, в 1979 году правительство земли Бавария инициировало производство трехсерийного документального фильма о тяготах немцев, бежавших или изгнанных из Центральной и Восточной Европы в конце Второй мировой войны и сразу после нее – проект, задуманный как противовес минисериалу

«Холокост». В 2007 году на телеэкраны вышел полнометражный документальный фильм *Die Flucht* («Побег»), рассказывающий о страданиях аристократической немецкой семьи, вынужденной бежать из Восточной Пруссии.

Чуть подробнее стоит рассмотреть минисериал *Unsere Mütter, unsere Väter* («Наши матери, наши отцы»; 2013). «Конечно, было символически необходимо сделать одного из пяти друзей в центре истории евреем, – отметила Дженнифер Натали Пика в главном еврейском еженедельнике Германии *Jüdische Allgemeine*, – но его роль сводится лишь к незаметному исчезновению». Она отметила, что минисериал побудил бульварную газету *Bild* задать в заголовке вопрос: «Действительно ли немецкие солдаты были такими жестокими?» (к ее чести, газета ответила на этот вопрос утвердительно).⁹⁰ «Итак, – заключает Пика свою рецензию, – трилогия станет важным событием в первую очередь для тех, кто всегда считал, что жертвами Гитлера были не только евреи, но и немцы, и прежде всего они сами».⁹¹ Историк Ульрих Герберт высказался в левой ежедневной газете *taz* менее вежливо: «Наши отцы и матери не были, как нас хочет заставить поверить фильм, самыми обычными молодыми людьми, которые просто хотели жить. Они принадлежали к идеологически заряженному и крайне политизированному поколению, убежденному, что Германия – национал-социалистическая Германия – заслуживает победы.»⁹²

Подобные книги и фильмы не только часто упрощают и искажают исторические события, чтобы избежать вопроса ответственности. Они еще и умудряются снова и снова подаваться как снятие табу, будто немцам раньше не давали говорить о своих страданиях – а это вызывает вопрос о том, кто не давал. Как мы уже упоминали, на самом деле никакого табу никогда не существовало. Собственно, тема немцев как главных жертв нацизма была единственной, о которой в Германии были готовы говорить непосредственно после войны.

- 1 Saul K. Padover, *Experiment in Germany: The Story of an American Intelligence Officer* (London: Duell, Sloan & Pearce, 1946), 62, 117, 118.
- 2 Osmar White, *Conquerors' Road: An Eyewitness Account of Germany 1945* (New York: Cambridge University Press, 2003), 93.
- 3 Frank Stern, *The Whitewashing of the Yellow Badge: Antisemitism and Philosemitism in Postwar Germany* (Oxford: Pergamon Press, 1992), 88.
- 4 Цитируется по Jay Howard Geller, *Jews in Post-Holocaust Germany, 1945–1953* (New York: Cambridge University Press, 2005), 75.
- 5 Institut für Demoskopie. Gesellschaft zum Studium der öffentlichen Meinung m.b.H., *Ist Deutschland antisemitisch? Ein diagnostischer Beitrag zur Innenpolitik. Herbst 1949*.
- 6 К группе «средних лет» в данном исследовании отнесли людей от 30 до 50; к категории «молодые» – людей моложе 30.
- 7 Там же, IV, 1.
- 8 Там же, IV, 2.
- 9 Там же, I, 6.
- 10 Там же, VIII, 1. С 1946 по 1951 год Филипп Ауэрбах, переживший Освенцим, Грос Розен и Бухенвальд, занимал пост уполномоченного земли Бавария по делам расового, религиозного и политического преследования. Это сделало его одним из самых известных и самых ненавистных евреев в послевоенной Германии. Он имел доступ к значительному финансированию и доблестно боролся за интересы евреев после Шоа. Бюрократия мешала ему помогать пережившим погромы, концлагеря и лагеря смерти; в конце концов он нарушил в своей работе ряд государственных бюджетных правил и был уволен. В 1952 году в результате возмутительной и неприкрыто антисемитской судебной ошибки он был признан виновным в растрате и мошенничестве – и покончил с собой. Комиссия по расследованию впоследствии пришла к выводу, что Ауэрбаха следовало оставить на его рабочем месте несмотря на формальные нарушения: «Такие задачи невозможно решить обычными средствами; здесь не годится человек, действующий строго по закону, но деморализованный чрезвычайными обстоятельствами. Другими словами: традиционным властям и госслужащим было бы еще сложнее справиться с поставленными задачами.» «Schlußbericht des Untersuchungsausschusses zur Prüfung der Vorgänge im Landesentschädigungsamt (LEA).», 10 декабря 1953, с. 15, www.bayern.landtag.de/webangebot3/views/vorgangsanzeige/vorgangsanzeige.xhtml?gegenstandid=3357.
- 11 *Ist Deutschland antisemitisch?*, VIII, 4.
- 12 Там же, VIII, 4.
- 13 Там же, I, 6.
- 14 Там же, XII, 2.
- 15 Там же, XIV, 2.
- 16 Там же, XV, 2.
- 17 Там же, XV, 4.
- 18 *Jahrbuch der öffentlichen Meinung 1947–1955* (Allensbach: Verlag für Demoskopie, 1956), 128–129.
- 19 См. «Der große Frieden mit den Tätern. Gespräch über die ›zweite Schuld‹ mit Ralph Giordano», *Gesellschaftliche Monatshefte* no. 10 (1988), 605–614.
- 20 Hermann Lübke, «Der Nationalsozialismus im deutschen Nachkriegsbewusstsein», *Historische Zeitschrift* 236 (1983), 579–599, 594. Как недавно показала Ханне Лессау, именно эта предпосылка лежала в основе усилий по денацификации под эгидой западных союзников. См. Hanne Leßau, *Entnazifizierungsgeschichten. Die Auseinandersetzung mit der eigenen NS-Vergangenheit in der frühen Nachkriegszeit* (Göttingen: Wallstein, 2020).
- 21 Hannah Arendt, «The Aftermath of Nazi Rule. A Report from Germany», *Commentary* 10 (1950), 342–353, 342.
- 22 «Agreement between the State of Israel and the Federal Republic of Germany», https://treaties.un.org/Pages/showDetails.aspx?objid=080000028014fe9f&clang=_en.
- 23 «Erklärung der Bundesregierung zur Haltung der Bundesrepublik gegenüber den Juden», Deutscher Bundestag - 165. Sitzung, www.bundestag.de/mediathek?videoId=7233068_2#url=L2lZGhlhGhla292ZXJsYXk/dmlkZW9pZD03MjMzMDY4XzI=&mod=mediathek.
- 24 Иногда высказывается предположение, что Аденауэр был искренне заинтересован в попытке искупить толику вины Германии и приводил подобные аргументы только потому, что без них он не смог бы протолкнуть соглашение. Но это не так: свою аргументацию он повторил в интервью Гюнтеру Гаусу в 1966 году, когда в ней уже не было прагматической потребности. Отвечая на вопрос о мотивах, побудивших его добиваться соглашения с Израилем, бывший канцлер высказал мнение, в финале переходящее в классический антисемитизм: «Мы так ужасно обошлись с евреями и совершили такие страшные преступления, что их необходимо было искупить и исправить, если мы хотели снова пользоваться хоть каким-то уважением в международном сообществе. Кроме того, даже сегодня не стоит недооценивать влияние евреев, особенно в Америке». Изменилось одно: к середине 1960-х годов можно было утверждать, что преступления совершили «мы», а не кто-то «от имени Германии». «Günter Gaus im Gespräch mit Konrad Adenauer. Ich habe mich nie beirren lassen», 4 января 1966, https://www.rbb-online.de/zurperson/interview_archiv/adenauer_konrad.html.
- 25 *Jahrbuch der öffentlichen Meinung 1947–1955*, 130.
- 26 Отдельных граффити было больше – как «инцидент» здесь обозначается появление любого коли-

- чества граффити в одно время и в одном месте.
- 27 «Nicht nur außenpolitisch sehen», в *Nürnberger Nachrichten*, 5 января 1960. Эрих Лют (либеральная, затем социал-демократическая партия) не выражал открытого протеста во времена нацизма, но после войны был глубоко привержен идее примирения Германии с Израилем. Он наиболее известен своим призывом 1950 года бойкотировать Вейта Харлана, режиссера антисемитского пропагандистского фильма *Jud Süß* (1940). Послевоенный продюсер Харлана в ответ затаскал Люта по судам, начав разбирательство, которое затянулось до 15 января 1958 года, когда Конституционный суд Западной Германии вынес одно из своих самых значительных решений. Подтвердив право Люта призывать к бойкоту фильмов Харлана, суд не только либерально истолковал сферу действия свободы слова, но и укрепил статус основных конституционных прав в сравнении с другими юридическими постулатами. См. Hugh Ridley, *Law in West German Democracy* (Leiden: Brill, 2019), 67–78.
 - 28 «Sondersitzung am Mittwoch, dem 6. Januar 1960», <https://kabinettsprotokolle.bundesarchiv.de/protokoll/f0b1007c-46cb-416d-af2a-3274b5051a00>.
 - 29 *Die antisemitischen und nazistischen Vorfälle. Weißbuch und Erklärung der Bundesregierung* (Bonn, 1960), 62–63.
 - 30 *Nürnberger Nachrichten*, 25 января 1960.
 - 31 Социал-демократы в те времена говорили о «личной войне» между Шредером и Штраусом. «„КР-Агенты machen sich bezahlt.“ Verteidigungsministerium veröffentlicht Gehlen-Material», *Die Welt*, 20 января 1960; «Schröder und Strauß über die Hintergründe uneinig», *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 20 января 1960.
 - 32 «92. Kabinettsitzung am Mittwoch, dem 20. Januar 1960», <https://kabinettsprotokolle.bundesarchiv.de/protokoll/efcc062d-38ce-40a4-9424-f4716034ae2d#K1e8-01c-4a3>.
 - 33 *Weißbuch*, 6.
 - 34 *Weißbuch*, 45.
 - 35 Там же.
 - 36 Там же, 46.
 - 37 Там же, 49.
 - 38 «Schmierfinken! Pest der Hakenkreuzmalerei auch in Franken», *Nürnberger Nachrichten*, 2/3 января 1960.
 - 39 «Zum dritten Mal in Allersberg», *Nürnberger Nachrichten*, 6/7 января 1960.
 - 40 «Ermittlungen erfolglos», *Nürnberger Nachrichten*, 20 января 1960.
 - 41 «Brandstiftung in der Pfalz», *Die Welt*, 20 января 1960.
 - 42 «Brandstiftung an der Synagoge», *Frankfurt Allgemeine Zeitung*, 20 января 1960.
 - 43 *Weißbuch*, 39–40; «Schmierfinken! Pest der Hakenkreuzmalerei auch in Franken».
 - 44 «Action and Reaction», *Jewish Chronicle*, 15 января 1960.
 - 45 По словам газеты *Nürnberger Nachrichten* (18 января 1960), это был «один из крупнейших митингов, которые британская столица видела за последние годы».
 - 46 «Britons Protest Anti-Semitic Acts. Jewish War Veterans Lead London Throng in March on Bonn's Embassy», *New York Times*, 18 января 1960; «London March Over Nazism. Protest Made to German Embassy», *The Daily Telegraph*, 18 января 1960.
 - 47 Согласно опросу Алленсбахского института общественного мнения в январе 1965 года, 60 % респондентов предпочли бы не менять срок давности. В другом опросе 67 % были за сохранение срока давности, причем высказывался аргумент, что «наши бывшие враги также совершали преступления». См. Manfred Kittel, «Eine Zentralstelle zur Verfolgung von Vertreibungsverbrechen?», *Vierteljahrshefte für Zeitgeschichte* 54, 2 (2006), 173–207, 188, www.ifz-muenchen.de/heftarchiv/2006_2_1_kittel.pdf.
 - 48 «Notfalls mit einigen Mördern zusammenleben, sagt Bucher», *Süddeutsche Zeitung*, 18 января 1965.
 - 49 Декларация была опубликована 13 ноября под заголовком «Shalom+Napalm».
 - 50 Цитируется в Wolfgang Kraushaar, *Die Bombe im Jüdischen Gemeindehaus* (Hamburg: Hamburger Edition, 2005), 48.
 - 51 До расформирования в 1970 году SDS была главным центром западногерманских новых левых.
 - 52 Молодежная ветвь KPD/ML (Коммунистическая партия Германии/марксисты-ленинисты).
 - 53 «Die Aktion des Schwarzen September in München – Zur Strategie des antiimperialistischen Kampfes», socialhistoryportal.org/raf/5343.
 - 54 Jean Améry, «Virtuous Antisemitism (1969)», *Essays on Antisemitism, Anti-Zionism and the Left* (Bloomington: Indiana University Press, 2021), 34–40, 35.
 - 55 Организация была создана в 1971 году в Иордании, чтобы отомстить за массовое убийство и изгнание палестинских террористов после их поражения в гражданской войне в Иордании.
 - 56 «Bundesinnenministerin Faeser setzt Kommission zur Aufarbeitung des Olympia-Attentats 1972 ein», www.bmi.bund.de/SharedDocs/pressemitteilungen/DE/2023/04/historikerkommission.html.
 - 57 См. Eva Gruberová и Marc Grimm, «Zeitzeugen und Gegenwartszeugen. Möglichkeiten emotionalen Lernens anhand von Biografien in der historischen und politischen Bildungsarbeit», Julia Bernstein, Mark Grimm and Stefan Müller (сост.), *Schule als Spiegel der*

- Gesellschaft. Antisemitismen erkennen und handeln* (Frankfurt/Main: Wochenschau Verlag, 2022), 222–241, 227.
- 58 Frank Bösch, «Medien und Gesellschaftswandel. Zeithistorische Perspektiven auf die Erforschung des Bayerischen Rundfunks», *Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte* 80, 3 (2017), 579–591, 589–590.
 - 59 См. Daniel Koehler, *Right-Wing Terrorism in the 21st Century* (London: Routledge, 2017), 83–84, 203–204.
 - 60 *Süddeutsche Zeitung*, 29 января и 19 февраля 1979, цитируется по Werner Bergmann, *Antisemitismus in öffentlichen Konflikten. Kollektives Lernen in der politischen Kultur der Bundesrepublik 1949–1989* (Frankfurt/Main: Campus, 1997), 361.
 - 61 Президенты (Западной) Германии отказываются от партийной принадлежности на время президентства. До вступления в должность Вайцеккер принадлежал к либеральному крылу CDU. В молодости он был юридическим ассистентом в команде адвокатов своего отца, получившего семилетний тюремный срок на Нюрнбергском процессе по делам министерств и помилованного в 1950 году.
 - 62 «Gedenkveranstaltung zum 40. Jahrestag des Endes des Zweiten Weltkrieges in Europa», www.bundespraesident.de/SharedDocs/Downloads/DE/Reden/2015/02/150202-RvW-Rede-8-Mai-1985.html.
 - 63 Там же.
 - 64 Helmut Kohl, «Rede auf der Grosskundgebung der Jungen Union anlässlich der Aktion Menschenrechte in Gelsenkirchen», 10 апреля 1976, www.bundeskanzler-helmut-kohl.de/seite/10-april-1976-1. Коль вызвал всеобщее возмущение, когда в январе 1984 года, во время визита в Израиль, представил себя в Кнессете как «человека, благодаря своему позднему рождению и особенному родительскому дому свободного от коллективной вины». *Bulletin des Presse- und Informationsamtes der Bundesregierung*, 2 февраля 1984, 113. О контексте фразы «благодаря позднему рождению», см. www.spiegel.de/politik/verschwiegene-enteignung-a-976d7e96-0002-0001-0000-000013519977.
 - 65 Ernst Nolte, «Vergangenheit, die nicht vergehen will», *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 6 июня 1986, www.1000dokumente.de/index.html?c=dokument_de&dokument=0080_nol&object=facsimile&st=&l=de.
 - 66 Jürgen Habermas, «Eine Art Schadensabwicklung», *Die Zeit*, 11 июля 1986.
 - 67 Joachim Fest, «Die geschuldete Erinnerung», *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 29 августа 1986.
 - 68 Hubertus Knabe, «Opfer zweiter Klasse», 25 марта 2019, hubertus-knabe.de/opfer-zweiter-klasse.
 - 69 Музей жертв геноцида в Вильнюсе (Литва) и Дом террора в Будапеште (Венгрия) представляют собой ошеломляющие примеры музейного воплощения этого подхода. См. Ljiljana Radonić, «Introduction: The Holocaust/Genocide Template in Eastern Europe», *Journal of Genocide Research* 20, 4 (2018), 483–489.
 - 70 Salomon Korn, «NS- und Sowjetverbrechen. Sandra Kalnietes falsche Gleichsetzung», *Süddeutsche Zeitung*, 31 марта 2004.
 - 71 Ян Т. Гросс, *Соседи: Уничтожение еврейской общины в Едвабне* (Принстон: Princeton University Press, 2001).
 - 72 В 2020-ом вышел английский перевод книги: Rūta Vanagaite, Efraim Zuroff, *Our People: Discovering Lithuania's Hidden Holocaust* (Lanham : Rowman & Littlefield, 2020).
 - 73 Hannes Heer, «Hitler war's». *Die Befreiung der Deutschen von ihrer Vergangenheit* (Berlin: Aufbau, 2008), 264–280, 279. См. также Hannes Heer, et al. (сост.), *The Discursive Construction of History: Remembering the Wehrmacht's War of Annihilation* (Houndmills: Palgrave Macmillan, 2008).
 - 74 Hannes Burger, «Proteste und Hysterie um Wehrmacht-Ausstellung», *Die Welt*, 26 февраля 1997, www.welt.de/print-welt/article634515/Proteste-und-Hysterie-um-Wehrmacht-Ausstellung.html.
 - 75 Florian Stumfall, «Wie Deutsche diffamiert werden», *Bayernkurier*, 22 февраля 1997.
 - 76 «Sprengstoffanschlag auf Wehrmacht-Ausstellung», *Die Welt*, 10 марта 1999.
 - 77 Слово *executioner* может означать и «исполнитель», и «палач»; другой возможный перевод названия: «Исполнители воли Гитлера».
 - 78 Предположение, что преступники и их потомки способны объективно рассуждать о нацизме и Шоа, а жертвы и их потомки – нет, удивительно широко распространено. Особенно выразительно оно наблюдается в переписке между Мартином Бросцатом, возглавлявшим Институт современной истории в Мюнхене в 1970–80-х, и вышеупомянутым выдающимся исследователем (и выжившим) Шоа, в то время профессором в Тель-Авивском и Калифорнийском университетах, Солом Фридлендером. Впервые эта переписка была опубликована в журналах *Yad Vashem Studies* и *New German Critique* в 1988 году. Источник: Martin Broszat, Saul Friedländer, «A Controversy about the Historicization of National Socialism», Peter Baldwin (сост.), *Reworking the Past. Hitler, the Holocaust, and the Historians' Debate* (Boston, MA: Beacon Press, 1990), 102–134.
 - 79 Rudolf Augstein, «Der Soziologe als Scharfrichter», *Der Spiegel*, 14 April 1996, www.spiegel.de/politik/der-soziologe-als-scharfrichter-a-e0706afa-0002-0001-0000-000008909530. «Само собой разумеется, – саркастически пишет Аугштайн в своей статье, – что знаменитый нобелевский лауреат Эли Визель, переживший Освенцим, считает, будто книга Гольдхагена вносит „огромный вклад в наше понимание Холокоста“. Дело в том, что Визеля ничто другое не интересует.»

- 80 «Martin Walser distanziert sich von Paulskirchen-Rede: „Ich könnte die Paulskirchenrede so nicht mehr halten“», *Der Spiegel*, 1 мая 2015, www.spiegel.de/kultur/gesellschaft/martin-walser-paulskirchenrede-so-nicht-mehr-halten-a-1031674.html.
- 81 «„Herr Bubis, was haben Sie bewirkt?“ — „Nichts, fast nichts“. Interview von Michael Stoessinger und Rafael Seligmann mit Ignatz Bubis», *Stern*, 29 июля 1999, 56–59. Среди откликов на интервью, опубликованное *Stern*, были следующие: «Председатель Центрального совета евреев в Германии, который в публичном интервью делает обобщения, будто знает мысли каждого немца, в значительной степени способствует развитию антисемитизма среди молодого поколения» (Э. Руслинг, Тауфкирхен); «Почему г-н Бубис не может принять, что нынешнее поколение признает историю, но не хочет постоянно нести за нее ответственность?» (Лиза Решеке, Штутгарт). *Stern*, 12 августа 1999, 9.
- 82 «Bubis zieht Negativ-Bilanz seiner Amtszeit», *Die Welt*, 28 июля 1999.
- 83 «Höcke-Rede im Wortlaut: „Gemütszustand eines total besiegt Volkes“», *Der Tagesspiegel*, 19 января 2017, www.tagesspiegel.de/politik/gemuetszustand-eines-total-besiegten-volkes-5488489.html. Из-за особенностей немецкого синтаксиса формулировку Хёке можно понять не только как «мемориал позору», но и как «позорный мемориал».
- 84 «Gauland bezeichnet NS-Zeit als „Vogelschiss in der Geschichte“», *Der Tagesspiegel*, 2 июня 2018, www.welt.de/politik/deutschland/article176912600/AfD-Chef-Gauland-bezeichnet-NS-Zeit-als-Vogelschiss-in-der-Geschichte.html.
- 85 «Ein wenig weinerlich», *Der Spiegel*, 19 августа 1979, www.spiegel.de/politik/ein-wenig-weinerlich-a-96eba243-0002-0001-0000-000039908684.
- 86 Эту и следующие цитаты, а также хронологию событий, см. в следующих статьях: «Möller-Affäre: Die Zitate, die die Republik bewegen», *Der Spiegel*, 5 июня 2002, www.spiegel.de/politik/deutschland/moeller-mann-affaere-die-zitate-die-die-republik-bewegen-a-199445.html; «Jamal Karsli und Jürgen Möller. Chronik der Entwicklung der Ereignisse», *Berliner Morgenpost*, 18 мая 2002, www.morgenpost.de/printarchiv/politik/article102915141/Jamal-Karsli-und-Juergen-Moeller-mann-Eine-Chronik-der-Entwicklung-der-Ereignisse.html.
- 87 См. «FDP hofft auf deutlichen Rechtruck in Deutschland: Möller gibt wieder den Antisemiten», <http://www.antisemitismus.net/deutschland/moeller-mann.htm>.
- 88 Праворадикальная пропаганда, подхватившая дело Мёллеманна, была задокументирована в отчетах нескольких служб безопасности Германии за 2002 и 2003 годы. Например, Bundesministerium des Inneren, *Verfassungsschutzbericht 2002*, 80, publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/handle/10900/62843; Bundesministerium des Inneren, *Verfassungsschutzbericht 2003*, 90, 100, publikationen.uni-tuebingen.de/xmlui/handle/10900/62845; Der Senator für Inneres, Kultur und Sport [Bremen], *Verfassungsschutzbericht 2002*, 21, www.transparenz.bremen.de/verfassungsschutzbericht-2002-51809?asl=bremen02.c.732.de; Senatsverwaltung für Inneres, *Verfassungsschutzbericht 2003*, 66, digital.zlb.de/viewer/metadata/15329888_2003/1.
- 89 Ulrike Meinhof, «Dresden», *konkret* no. 3 (1965), 10–11; перепечатано в: Ulrike Marie Meinhof, *Die Würde des Menschen ist antastbar* (Berlin: Wagenbach, 1984), 62–64.
- 90 Ralf Georg Reuth, «Die große Diskussion um „Unsere Mütter, unsere Väter“: Waren deutsche Soldaten wirklich so grausam? Für einen deutschen Soldaten wurden 10 Zivilisten erschossen», *Bild*, 18 марта 2013.
- 91 Jennifer Nathalie Pyka, «Opferneid als Dreiteiler», *Jüdische Allgemeine*, 19 марта 2013, <https://www.juedische-allgemeine.de/politik/opferneid-als-dreiteiler>.
- 92 Ulrich Herbert, «„Unsere Mütter, unsere Väter“: Nazis sind immer die anderen», *taz* 21 марта 2013, <https://taz.de/Unsere-Muetter-unsere-Vaeter/15070893>.

Скачать публикацию можно на сайте:

https://report-antisemitism.de/documents/From_the_river_to_the_sea_-_Israelbezogener_Antisemitismus_in_Bayern_2021_-_RIAS_Bayern.pdf

Экскурс 3.

Бывший концлагерь в Дахау как мемориал

Концлагерь в Дахау был одним из первых официальных концентрационных лагерей в нацистской Германии (многочисленные другие места заключения, пыток и убийств, существовавшие ранее, назывались иначе). Основанный 22 марта 1933 года, он действовал дольше всех других лагерей нацистского режима, и считался образцовым. Всего через Дахау и его вспомогательные лагеря прошло более 200 000 человек, из которых не менее 41 500 были убиты или погибли от голода, болезней, пыток и других последствий заключения. Американские войска освободили лагерь 29 апреля 1945 года. Первоначально военное правительство союзников использовало территорию лагеря для размещения перемещенных лиц. Некоторые из переживших лагерь евреев вступили в организацию «Шеэрит ха-плетах» (иврит: «Выживший остаток»). Первый президент Центрального комитета освобожденных евреев Залман Гринберг и его преемник Давид Трегер, а также их соратники Леви Шалит и Самуэль Грингауз – все они выжили в лагерном комплексе Кауферинг, управляемом из Дахау. Начиная с июля 1945 года в Дахау функционировал лагерь для интернированных нацистских преступников.

В 1948 году правительство Баварии превратило часть лагеря в жилой комплекс для немецких беженцев и изгнанников из Центральной и Восточной Европы. Мемориал, открытый в 1965 году, охватывает лишь часть территории и инфраструктуры лагеря. Он включает в себя бывшую зону приема заключенных и место расположения крематориев, а также расположенное неподалеку бывшее стрельбище СС в Хебертсхаузене, мемориальное кладбище Лейтенберг на месте массовых захоронений и северную часть кладбища Вальдфридхоф, где были похоронены 1312 заключенных, которые были живы на момент освобождения лагеря, но так больны и измождены, что их уже не удалось спасти. С 2003 года мемориальный комплекс Дахау находится в ведении Баварского мемориального фонда (*Stiftung Bayerische Gedenkstätten*).

Лагерные мемориалы – это места совершения нацистских преступлений, одновременно памятники и кладбища, играющие ключевую роль в общественной культуре памяти о нацистском прошлом. Созданные в процессе жарких политических споров, они часто воплощают преобладающий в тот или иной момент времени официальный консенсус относительно того, как следует говорить о нацизме, как демонстрировать готовность немецкого общества нести ответственность и/или дистанцироваться от нее. Эволюция мемориального комплекса лагеря в Дахау с 1945 года отражает развитие соответствующих дебатов в Баварии в частности и (Западной) Германии в целом.

Реакция местного населения после освобождения лагеря

Сразу после освобождения лагеря в Дахау американские войска заставили часть местного населения ознакомиться с преступлениями, совершенными в лагере. Так же союзники действовали и в других местах, где были лагеря: группы высокопоставленных и влиятельных жителей города были доставлены на территорию лагеря, где гражданские и военные фотографы снимали, как они смотрели (или старались не смотреть) на груды разлагающихся трупов перед крематориями. В течение нескольких дней членов нацистской партии заставляли перевозить погибших заключенных на открытых тележках через весь город на кладбище Лейтенберг, где к ранее созданным эсэсовцами массовым захоронениям добавились новые. Увы, эти попытки перевоспитания хоть и запечатлелись в коллективной памяти жителей Дахау, но вызвали не чувство вины, а защитную реакцию. Теперь местные жители считали себя и жертвами Гитлера, и жертвами иностранных оккупантов.

Члены Отделения психологической войны (PWB) Седьмой армии США, посетившие город, отметили, что жители Дахау разделяются на «три основные группы касательно отношения к жуткому лагерю смерти на окраине их города». Наблюдатели PWB охарактеризовали каждую группу с помощью типичного высказывания.¹ Первым из этих высказываний было следующее: «Нам всем все время лгали!» Членов этой группы больше всего возмущало нечестное поведение эсэсовцев по отношению к местному населению. Им якобы говорили – и они якобы верили – что бесконечная череда поездов, проходящих через город по направлению к лагерю, перевозит товары для вермахта или добычу из Франции. Когда наблюдатели PWB рассказывали им, что происходило на самом деле, они изображали изумление и шок. Наблюдатели комментируют: «нет сомнений, что всякий житель Дахау, утверждающий, что видел не более одного прибывающего поезда с заключенными в дневное время, просто лжет».

Второе типичное высказывание: «Это было ужасно, но что мы могли поделать?». По словам наблюдателей PWB, это была «самая популярная позиция в городе Дахау». Ее разделяли даже граждане с доказанными антинацистскими убеждениями. Кроме того, эти люди признавали, что «благодаря присутствию в городе лагеря, а значит, представителей верхушки СС, в Дахау в целом процветал». Отчет продолжал: «небезынтересно, что самыми откровенными антинацистами были люди, которые в некоторой степени могли себе это позволить в силу того, что им не приходилось по работе ежедневно контактировать с эсэсовцами». Разумеется, «процветающие» деловые отношения между городом и лагерем, не упоминались в приличном обществе в послевоенном Дахау.

Третье избранное утверждение звучало так: лагерь был «позором для всего цивилизованного человечества». К этой группе, согласно отчету, принадлежали «немногие». На самом деле, похоже, что к ней удалось отнести только *одного* человека – бывшего члена социал-демократической партии и профсоюзного деятеля по имени Йозеф Энгельхард. По его мнению, 90 процентов жителей города «запятнали себя кровью невинных людей». Они были «трусливы и малодушны, совершенно не готовы ничем рисковать. Так было по всей Германии! Смелых можно пересчитать по пальцам.» В течение многих лет после 1945 года люди, подобные Энгельхарду, по-прежнему составляли ничтожное меньшинство. Большинство жителей Дахау продолжали считать себя истинными жертвами случившегося и умывали руки, когда речь заходила об ответственности.

Вплоть до 1950-х годов все органы власти Баварии старались стереть память о происходившем в Дахау в период с 1933 по 1945 год – за исключением Земельного управления компенсаций, которым руководили и в котором работали пережившие Шоа евреи. Единственным шансом сохранить память о Шоа в Дахау было обратиться к международной, особенно американской, прессе – так как лагерь освободили американские войска, в сознании многих (нееврейских) американцев Дахау имел примерно такой же статус, как Берген-Бельзен для британцев – это было воплощение всего ужаса концлагерей.

В начале 1948 года парламент земли Бавария единогласно принял решение о создании на месте бывшего концлагеря «центра перевоспитания антисоциальных элементов». Однако этот план не был реализован – лагерные бараки понадобились для расселения этнически немецких беженцев и немцев, изгнанных из Центральной и Восточной Европы. Был создан жилой комплекс под названием «Dachau East», включавший в себя не только жилье, но и магазины, а также кинотеатр. В начале 1960-х годов открылся и ресторан, который, учитывая его расположение, местные жители называли «Ресторан при крематории». Что может быть более ярким свидетельством повсеместного невежества и безразличия к недавней истории этого места?

Скандал с лейтенбергскими захоронениями

В августе 1949 года Рене Симон, переживший лагерь в Дахау и оставшийся в городе, обнаружил, что непосредственно у территории кладбища Лейтенберг, в двух шагах от братских могил убитых и умерших узников лагеря, добывают песок. При добыче были обнаружены человеческие останки. Сразу после освобождения лагеря был разработан план по созданию здесь мемориального комплекса – но план так и остался планом, и о массовых захоронениях практически не заботились. Местные власти утверждали, что обнаруженные при добыче песка человеческие останки не принадлежат бывшим заключенным. Как оказалось, они были правы. Впрочем, согласия насчет того, кому же они принадлежат, не было: социал-демократ Георг Андорфер относил их к позднесредневековому поселению, а мэр города предположил, что это останки солдат, погибших во время Наполеоновских войн. Так что, возможно, местные власти просто случайно угадали, что захоронение не имеет отношения к концлагерю. Вероятнее, впрочем, другое: они помнили, где погребены узники или даже сами участвовали в погребении – как мы писали, высокопоставленных местных жителей заставили хоронить умерших заключенных после освобождения лагеря. Что, впрочем, не мешало им затем десятилетиями настаивать, что они не знают ничего конкретного о массовых захоронениях. Тем более их не беспокоил тот факт, что совсем рядом с этими захоронениями добывается песок.

Выжившие заключенные обратились к правительству Баварии, но соседство песчаного карьера и человеческих останков не смутило власти. Тогда была задействована международная пресса. Неизвестно, в какой именно момент произошло искажение, но СМИ стали писать, что обнаруженные рабочими останки безусловно принадлежат бывшим заключенным. Некоторые сообщения даже намекали на то, что останки будут измельчены и использованы в коммерческих целях. Американское военное правительство вмешалось в ситуацию и приказало немедленно прекратить добычу песка. Несколько иностранных делегаций впоследствии отправились в Дахау, чтобы оценить ситуацию. Баварские власти постарались доказать, что если что-то пошло не так, то они уж точно не виноваты. В итоге власти постоянно конфликтовали с делегациями, а местные газеты в своем пересказе заменяли выводы делегаций на прямо противоположные. 21 ноября 1949 года уполномоченный США в Баварии Кларенс Болдс заявил премьеру Баварии Хансу Эхарду, что баварское правительство должно найти достойное решение этого вопроса. Эхард немедленно созвал свой кабинет министров, и менее чем через месяц, 16 декабря 1949 года, был открыт Лейтенбергский мемориальный комплекс.

Это положило конец скандалу, международная пресса потеряла интерес, а баварские власти вернулись к своим делам – но это был не совсем конец данной истории. Когда 13 декабря 1949 года скандал обсуждался в Национальном собрании Франции, министру иностранных дел Роберту Шуману было поручено заключение международного соглашения, которое заставило бы Западную Германию сохранять и поддерживать захоронения узников лагерей. Похоже, что Шуман выполнил свою задачу. На тот момент Западная Германия уже была связана договором, заключенным после Первой мировой войны и обязывающим ее заботиться о воинских захоронениях иностранных солдат. 27 мая 1952 года, через день после подписания Парижских соглашений, Бундестаг принял новый закон о воинских захоронениях. Он предусматривал, что могилы умерших узников лагерей (и ряда других групп) должны рассматриваться аналогично воинским захоронениям. Как и в случае с обычными воинскими захоронениями, исполнение закона возлагалось на отдельные земли, но федеральное правительство должно было компенсировать им расходы. Закон был ретроактивно действителен с 1 апреля 1951 года. Теперь Бавария уже не могла принимать противоречащих этому закону распоряжений на земельном уровне. Выделенное финансирование не распространялось на создание мемориальных комплексов, но поскольку лагеря почти всегда де-факто были также кладбищами, западногерманские земли, включая Баварию, теперь были юридически обязаны сохранять и поддерживать их. Баварские власти трактовали эту обязанность максимально узко, сократив количество подпадающих под нее территорий с 493 до 75 путем эксгумации и повторного захоронения многих останков. Идея создания мемориальных комплексов на местах концлагерей совершенно не интересовала баварское правительство в пятидесятых.

Еще одним последствием лейтенбергского скандала стала передача властями Баварии ответственности за мемориальные территории Дахау Земельному управлению компенсаций. Это показалось удобным решением: если снова возникнет какой-нибудь скандал, вину можно будет возложить на это управление, то есть на евреев. Однако вскоре власти поняли, что совершили ошибку – теперь они уже не могли поступать с бывшим концлагерем, как им заблагорассудится.

Выставка в главном крематории

Почти сразу после освобождения лагеря комитет бывших заключенных устроил в бывшем главном крематории довольно жуткую выставку, включавшую, в частности, куклы эсэсовцев и заключенных в натуральную величину. Выставка была основательно переработана сотрудниками и сотрудницами Земельного управления компенсаций, когда это помещение перешло в их ведение в 1950 году. В январе 1952 года Йоахим Штайнмайр, один из редакторов газеты *Süddeutsche Zeitung*, опубликовал подробный отчет о своем визите в Дахау. Назывался он «Когда кошмар развлекает туристов».

По-видимому, Штайнмайр отправился 19 января 1952 года в Дахау потому, что прочитал в журнале *Commentary* от декабря 1951-го рассказ историка искусства еврейско-австрийского происхождения Альфреда Вернера (Вайнтрауба) о посещении мемориала.² Вернер был заключенным Дахау в 1938/39 годах; впоследствии ему удалось бежать в США. Штайнмайр начал свою статью, нещадно извращающую эссе Вернера, так:

«Возвращение в Дахау» – такова тема статьи Альфреда Вернера (некогда еврейского *Schutzhäftling* [заключенного] № 27660, а ныне гражданина США), опубликованной в американском ежемесячнике *Commentary*. Вернер описывает, как в 1951 году он вновь посетил тюрьму Дахау, на этот раз в качестве туриста; как на железнодорожном вокзале в Дахау старательный таксист без обиняков спросил: «Господин желает в крематорий?»; как гид в крематории попытался подробно объяснить ему процесс заталкивания трупов в печи. «Я сказал, – пишет автор, – что с меня хватит».

На самом деле Вернер посетил Дахау отнюдь не в качестве туриста. Он отправился туда, потому что его преследовали лагерные травмы; он надеялся, что возвращение на место кошмара поможет ему частично усмирить тени прошлого:

Я должен был вернуться, чтобы своими глазами увидеть, что в печах крематориев больше не горит огонь, что трубы больше не дымят. Я слышал, что Дахау уже посетили тысячи бывших заключенных – якобы желая убедиться, что мемориал содержится в порядке, но на самом деле, подозреваю, как и я, чтобы увидеть: огонь погас.

По дороге в Дахау один из попутчиков спросил его, какие из замечательных достопримечательностей города он намерен посетить. Вернер ответил, что едет в Дахау, чтобы увидеть крематорий:

Старик не удивился ответу. У него, казалось, был запас готовых фраз для такого случая; они прозвучали гладко и легко. Как замечательно, что Отечество наконец-то избавилось от Гитлера, сказал старик. Но пришел бы Гитлер в свое время к власти без помощи западных демократий? Что касается лагеря, то он, конечно, был позором для Германии, но жители Дахау – например, он сам – были совершенно невиновны, и было бы несправедливо винить их в том, что происходило в лагере. В любом случае, он узнал об этих неприятностях [sic] только в 1945 году. Сам он никогда не видел заключенных – хотя, конечно, он и его семья часто давали еду тем, кого принуждали трудиться в полях.

По словам Вернера, население Дахау относилось к бывшему лагерю «двойко»:

«С одной стороны, они хотели бы, чтобы здания были снесены – по крайней мере, крематории... Но лагерь был выгоден городу. Он был выгоден в течение двадцати лет, и снова стал выгоден сейчас.» Когда на улице к нему подошел таксист и спросил, не хочет ли он случайно поехать в крематорий, «я не смог удержаться от смеха. Нет, я еще не собирался в крематорий. Но я хотел увидеть все, что можно было увидеть в лагере и его окрестностях». Вернер завершил свой отчет так: «Я устал, меня мучило, больше всего мне хотелось стряхнуть с подошв проклятую землю Германии.»

Похоже, и Штайнмайр чувствовал себя в конце своего визита примерно так же – вот только он хотел стряхнуть с подошв не проклятую землю Германии, а лагерную культуру памяти. С сегодняшней точки зрения, отчет Штайнмайра кажется до странности нейтральным. Перечислив ряд аргументов за мемориал и против него, услышанных от различных заинтересованных сторон, он окончил статью словами: «что-то нужно менять!» При этом, однако, он ни разу прямо не указал, что именно не так в существующем положении вещей. Сказано было только, что подача экспонатов «непривлекательна» и что американские военные, осматривавшие мемориал, выглядели слишком «беззаботно». (Может быть, потому что были не преступниками, а освободителями?) Впрочем, неважно, что писал Штайнмайр – большинство его читателей так или иначе были против мемориала. Особенно в Баварии множество людей было согласно: «что-то нужно менять!» В идеале: убрать мемориал, или хотя бы закрыть выставку. Для этого контроль над мемориалом пришлось сперва

забрать у Земельного управления компенсаций и передать, как это ни дико звучит, Земельному управлению дворцов, садов и озер. Чтобы свести к минимуму общественное возмущение, власти позволили провести ежегодную церемонию в честь годовщины освобождения лагеря в конце апреля 1953 года, прежде чем закрыть выставку.

Как сообщила читателям лондонская газета *Jewish Chronicle* 5 июня 1953 года на первой полосе: «По распоряжению Министерства финансов Баварии [...] фотографии и рисунки, выставленные на территории бывшего крематория, были удалены.» Эриху Пройсу, бывшему узнику Дахау, который отвечал за выставку, запретили показывать посетителям сохранившиеся газовые камеры и виселицы. Согласно официальному заявлению, этот запрет призван был противостоять «неконтролируемой пропаганде».³

Предложение Хайнриха Юнкера закрыть мемориал в главном крематории (1955)

После выборов в Баварии в 1954 году была сформирована большая – четырехпартийная – коалиция. Ее возглавил социал-демократ Вильгельм Хёгнер, человек с безупречной антифашистской репутацией, бывший во времена нацизма политическим беженцем сначала в Австрии, а затем в Швейцарии. Это был его второй срок в качестве главы правительства Баварии – пост, который он впервые занял сразу после войны как представитель американского военного управления.

Хайнрих Юнкер, избранный глава региональной администрации и земельный представитель города Дахау, должен бы был понимать, что такое правительство не примет прошение закрыть мемориал в главном крематории концлагеря. Тем не менее 19 июля 1955 года он подал именно такое прошение. Юнкер требовал закрыть крематорий для публики, «чтобы его больше не могли использовать для пропаганды, утверждающей, что жертвы национал-социализма здесь отравлялись газом или кремировались заживо.»⁴ Одновременно он подал второе прошение, касающееся лейтенбергских массовых захоронений. Оно призывало «установить крест рядом с сомнительным мавзолеем, чтобы указать, что здесь похоронено также и много христиан».⁵ «Сомнительным мавзолеем» при этом было названо сооружение, на возведение которого в свое время согласилось правительство земли, чтобы выпутаться из лейтенбергского скандала.

Инициатива Юнкера получила поддержку вице-премьера Баварии Йозефа Баумгартнера, представлявшего «Баварскую народную партию» (*Bayerische Volkspartei*). 19 августа 1955 года газета *Jewish Chronicle* сообщила, что Баумгартнер поддержал предложение Юнкера на том основании, что «крематорий провоцирует несправедливую дискриминацию города Дахау».⁶ Однако большая часть общественности Юнкера не поддержала. Если его инициатива была задумана в первую очередь для привлечения внимания, то она, безусловно, сработала – она вызвала возмущение со стороны еврейских организаций и выживших как в Германии, так и за рубежом. Более того, Юнкер попал в рубрику «Неонацизм» обзора 1954/55 года журнала *Jewish Chronicle*.⁷ В конце концов даже внутри его партии раздались критические голоса. Пауль Нерретер, на тот момент замминистра внутренних дел Баварии, прямо выступил против прошения.

В передовице, опубликованной 22 июля 1955 года, газета *Süddeutsche Zeitung* также высказалась против Юнкера – впрочем, на основаниях, чуть ли не более сомнительных, чем само предложение. «Большинство немцев действительно ничего не знали о концентрационных лагерях и их ужасах, – начиналась она, – хоть многие за рубежом не хотят в это верить. Мы не знали, мы разве что подозревали, и в глубочайшем стыде и отчаянии цеплялись за надежду, что наши подозрения не были чудовищной правдой.» Узнав эту правду (излагалось далее), особенно чувствительные и совестливые личности – те, у кого было меньше всего причин чувствовать себя виноватыми – сперва ощутили груз «коллективной вины Германии». Однако в итоге они «нашли в себе силы страстно отвергнуть» идею коллективной вины, ведь «простить – не значит забыть!»

Соблюдению этой максимы, по мнению *Süddeutsche Zeitung*, Германия обязана «тем доверием, которого она вновь добилась в мире». И потому важно «рассказывать нашим детям беспристрастно, правдиво и в примирительном ключе о том, как плохой человек по имени Гитлер вверг страну в ужас и позор, и как в результате этого пострадали невинные люди.» В финале статья успокоительно ставила нацизм в один ряд с событиями значительно более далекого прошлого: «Ведь и темные стороны Средневековья мы не стираем из памяти; и Франция не стирает из своей истории тиранию гильотины. Вот и следы нацистского прошлого не следует стирать.»⁸ Итак, стоит хранить память о нацистском прошлом – если рассматривать его как дела давно минувших дней и считать виновным только лично Гитлера, а всех остальных жертвами.

Накануне заседания комитета 20 сентября 1955 года Юнкер отозвал свое первое прошение, сославшись на незнание о том, что обновленный в 1952 году закон о воинских захоронениях обязывает сохранить лагерный мемориал. (Впечатляющая неискренность со стороны профессионального политика, активно борющегося именно с мемориальной культурой.) Как сообщила лондонская *The Times*, «Юнкер сетовал на то, что название „Дахау“ опорочено во всем мире. Если группа жителей Дахау отправится за границу в автобусе с названием города, автобус непременно обезобразят надписями.»⁹ Для него само собой разумелось, что жители Дахау не виноваты в дурной славе, которая их постигла.

В конечном итоге Юнкер вопреки собственному желанию только поддержал память о концлагере.¹⁰ Медлительность бюрократии и пассивное нежелание могли бы затянуть создание мемориала на десятилетия – а необходимость реагировать на прошение Юнкера ускорила решение вопроса; к тому же его возмутительность помогла бывшим заключенным осознать, насколько важно бороться за мемориал. Удачно также, что в это время у власти были социал-демократы, то есть партия, более всего склонная поддерживать память о Шоа. Впрочем, несмотря на непредвиденный эффект усилий Юнкера процесс разработки мемориала тянулся долго. Через десять лет, 9 мая 1965 года, он был наконец открыт – в основном благодаря организациям бывших заключенных. Что же касается второго прошения Юнкера, то оно встретило единогласную поддержку – но с важной поправкой: на лейтенбергском кладбище был установлен не только крест, но также и Маген Давид.

Протесты новых левых: 8 сентября 1968

8 сентября 1968 года перед бывшим зданием СС был торжественно открыт памятник, созданный по заказу международной организации бывших заключенных. Организацию эту давно раздирали острые политические разногласия, в частности – между коммунистическими, антикоммунистическими и промежуточными фракциями. В данном случае национальные комитеты Франции и Бельгии настояли на том, чтобы в открытии памятника официально участвовали представители западных союзников, освободивших Германию (а в случае США – и сам лагерь). Присутствовали американские, французские, бельгийские и британские почетные караулы и военные оркестры; был даже организован показательный пролет американских и голландских истребителей.

Увы, церемония неоднократно прерывалась активистами Социалистической студенческой федерации Германии (SDS) и Социалистической молодежи Германии (SDAJ).¹¹ В неподражаемой манере многих новых левых поколения 1968 года, протестующие выбрали самый неподходящий повод, чтобы выразить сразу несколько претензий, так что в результате никто не был уверен, какой из лозунгов кому адресован. Неудивительно, что многие посетители приняли демонстрантов за неонацистов, а бывшие заключенные вступили с ними в драку.

Между тем, сами активисты заявили, что выступали вовсе не против культуры памяти, а против НАТО и Клауса Шютца, правящего бургомистра Западного Берлина, присутствовавшего на церемонии в качестве вице-президента ФРГ. Отмечены были транспаранты с такими странными надписями, как «Погромы и пропаганда сегодня, окончательное решение завтра», «Дахау приветствует преемников Гитлера» и «Сегодня они ставят памятники, завтра будут казнить». Большинство комментаторов предположили, что под «преемником Гитлера» имелся в виду Шютц, обвиняемый в «фашистских» мерах против левых протестов в Западном Берлине (яркий пример релятивизации национал-социализма). Впрочем, возможно, это НАТО обвиняли в пропаганде фашизма путем потворства греческой военной диктатуре. В общем, лозунги были загадочны.

Как сообщил Терри Коулман в *The Guardian*: «На протяжении всей двухчасовой церемонии протестующие выкрикивали слоганы, осуждающие НАТО, апартеид и американские войска во Вьетнаме. Этому неуместному поведению нет оправдания. Молодежь не понимала, что военным оркестрам она вовсе не мешает – зато крайне смущает собравшихся пожилых людей, бывших узников концлагеря.»¹² Можно добавить, что военные делегации прибыли в Дахау не в качестве войск НАТО, а как представители вооруженных сил, освободивших Германию в целом и лагерь в частности. Кроме того, на митинге присутствовал и израильский посол, который вполне мог предположить, что его тоже назвали «преемником Гитлера».

Надо сказать, что левые активисты могли бы высказать как минимум две абсолютно обоснованные претензии. Во-первых, представители советской армии не были приглашены на церемонию. Во-вторых, Шютц в некоторых своих высказываниях приравнивал коммунистический блок к нацистской Германии. Однако демонстрантов волновало вовсе не это. Даже во время минуты молчания они продолжали шуметь, не заботясь о том, кто слышит их выкрики о «преемниках Гитлера» – Шютц, израильский посол, освободители лагеря или

бывшие его узники. Этот инцидент вызвал общее возмущение и широко освещался в международной прессе.¹³ Только крайне левая немецкая делегация, хоть и осудила бестактность избранных средств, выразила симпатию целям протестующих. Эта позиция отражала широко распространенный по сей день пацифистский консенсус немецких (левых) либералов – которые тем самым отказываются признать, что нацизм никогда не был бы побежден без военных средств.

Несколько статей отмечали, что многим бывшим заключенным было трудно воспринимать мемориальный комплекс, так мало он напоминал место их заключения. Два реконструированных барака были «почти клинически чистыми».¹⁴ Журналист процитировал выжившего в Дахау британца, Эндрю Робертсона: «Это не тот лагерь, который я знал. Новая встреча с этим местом меня почти не задела эмоционально.» Другой выживший, Бронислав Ковальчик, сказал: «В нынешнем виде лагерь мало что значит. От него почти ничего не осталось». Большинство комментаторов рассматривали открытие мемориала в 1968 году как кульминацию (а значит, конечную точку) того исторического периода, в течение которого организации бывших заключенных выступали в качестве главных хранителей мемориального комплекса лагеря.

Новые импульсы

1970-е принесли ряд новых импульсов: появились низовые инициативы, исследующие местную историю национал-социализма (например, «забытые» лагеря в различных регионах), а также ранее игнорируемые группы жертв. Одни только широко известные концлагеря на территории Германии включали в себя более 500 вспомогательных территорий. Лагерь военнопленных, принудительного труда и «перевоспитания» в захваченной нацистами Европе набиралось еще около 40 000.

Наглядный пример новых инициатив – то внимание, которое сейчас уделяется вспомогательным сети лагерей Кауферинг при Дахау в окрестностях Ландсберга-на-Лехе. В 1944 году нехватка рабочей силы в Германии стала настолько отчаянной, что специальным распоряжением разрешена была депортация достаточно здоровых евреев из Освенцима и некоторых восточноевропейских гетто в официально «очищенную от евреев» (*judenfrei*) Германию в качестве принудительной рабочей силы для оружейной промышленности. Около 23 000 евреев были доставлены во вспомогательные лагеря Кауферинг. Лагерь было одиннадцать; частично сохранилась территория лишь одного. О том, что в них происходило, теперь свидетельствуют

лишь массовые захоронения. Руины лагеря Кауферинг VII частично сохранились благодаря частной инициативе (скупо субсидируемой для проформы правительством земли Бавария). Эти руины доступны для публики; по договоренности могут быть организованы экскурсии – но полноценного мемориального комплекса на территории Кауферинга VII пока не существует, несмотря на все активистские усилия.

Другой пример: бывшее стрельбище СС в Хебертсхаузене, где с октября 1941 по лето 1942 года эсэсовцы убили более 4000 советских военнопленных, в том числе еврейского происхождения. Организация бывших заключенных открыла здесь мемориал в 1964 году, но на протяжении многих лет он привлекал мало внимания и постепенно приходил в упадок. Однако благодаря настойчивым усилиям низовых инициатив и ассоциаций (потомков) жертв в 2014 году здесь наконец возник полноценный мемориальный комплекс, ставший частью мемориала Дахау.

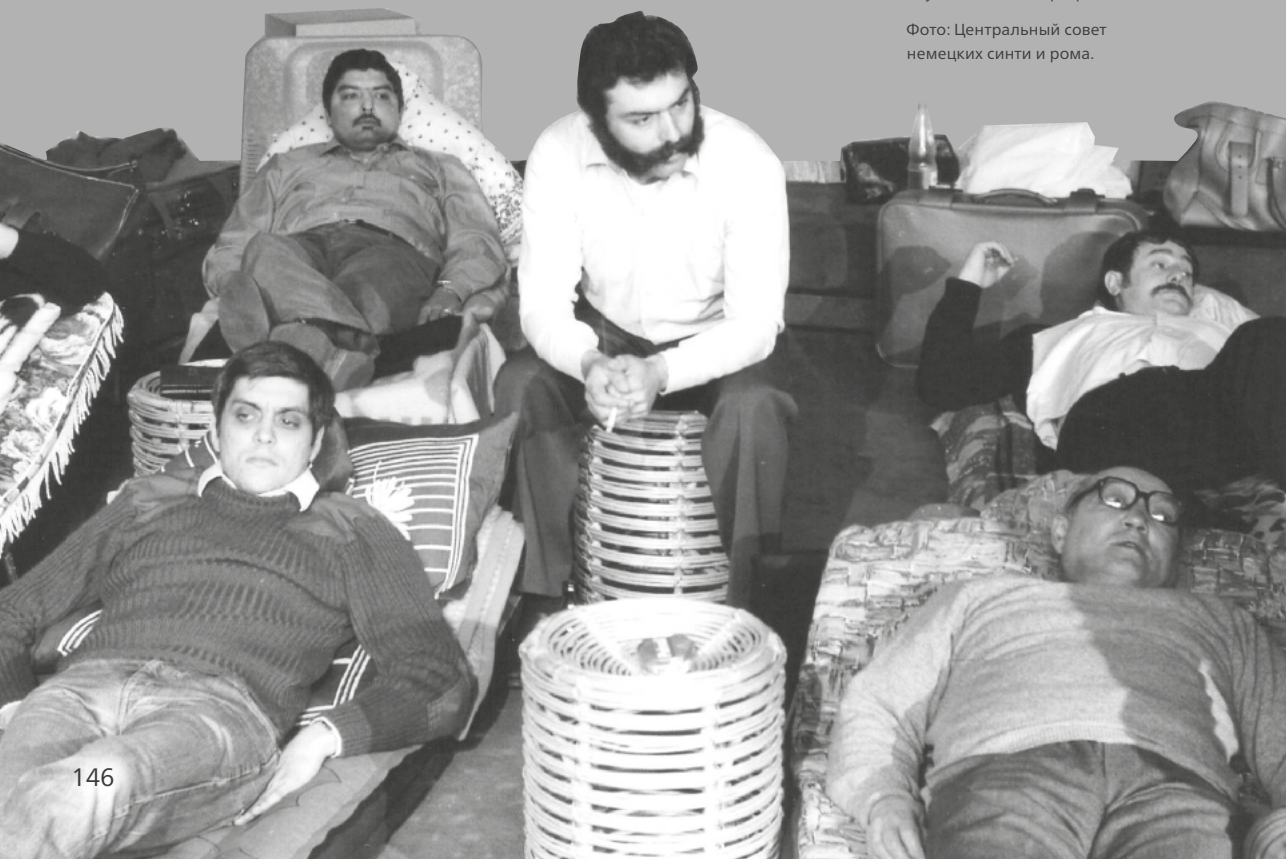
Как мы видим, тема Катастрофы европейского еврейства начала занимать видное место в немецкой культуре только в начале 1980-х годов. Это касается и лагерных мемориальных комплексов. Нацистские лагеря смерти – лагеря, основной целью которых было именно убийство, а не использование рабочей силы – располагались на завоеванных территориях, но множество евреев были убиты или погибли в лагерях непосредственно в Германии. Это стало отражаться в мемориалах лишь постепенно, по мере признания центральной роли антисемитизма в идеологии национал-социализма.

Голодная забастовка немецких синти (1980)

4 апреля 1980 года двенадцать синти, среди которых было четверо переживших заключение в Дахау, начали бессрочную голодовку в церкви на территории мемориального комплекса. Они требовали признать факт нацистского геноцида против синти и рома и протестовали против дискриминации со стороны баварских властей. В частности, полиция продолжала осуществлять этническое профилирование синти и рома – иногда основываясь на сохранившихся документах нацистской эпохи. Голодовка вызвала большой отклик как в Германии, так и за границей. Протестующие также требовали создать культурный центр синти и рома в Дахау – но муниципальный совет сразу отверг эту идею, сославшись на то, что город и так несет тяжкий груз лагерного мемориала. Мэр Дахау, Лоренц Райтмайер, имел бестактность заявить, что «как небольшое дискриминируемое меньшинство, жители Дахау разделяют плачевную судьбу цыган (sic)».¹⁵ 11 апреля, после того как земельное правительство приняло некоторые требования, а оппозиция пообещала заняться продвижением части остальных, протестующие прекратили голодовку.

Сзади (слева направо):
Пепи Шоппер, Брала Эрнст
и Валлани Георг.
На переднем плане: Романи
Роуз и Якоб Бамбергер.

Фото: Центральный совет
немецких синти и рома.

Создание молодежного центра в Дахау

В 1982 году при поддержке ряда высокопоставленных политиков была сформирована группа, выступающая за создание в Дахау молодежного центра, включающего в себя хостел и образовательную экспозицию. Группа немедленно столкнулась с массовым сопротивлением. Бавария уже отличилась как единственная западногерманская земля, отказавшаяся внести вклад в расходы на Международный молодежный центр в Освенциме.¹⁶ Еще меньше лидерам CSU хотелось видеть подобное учреждение в родной земле. Партия заявила, что все население города категорически против такого «объекта по освоению прошлого». Аргумент прозвучал знакомый: бремя «проработки истории Германии в период между 1933 и 1945 годами» – это «задача страны в целом»; было бы несправедливо возлагать его на ни в чем не повинный небольшой город Дахау. Лидер местного отдела CSU, Георг Энглхард, заявил: «мы сопротивляемся этому проекту, как наши родители, помогавшие заключенным, сопротивлялись лагерю». Он назвал скандальным упущением то, что мемориал не задокументировал эту помощь местных жителей узникам. Лидер муниципального собрания, Манфред Пробст (также из CSU), заверил, что он и его соратники будут бороться с проектом «до последней капли крови».¹⁷ Однако их борьба оказалась тщетной. В 1995 году, спустя три десятилетия после открытия мемориального комплекса, его впервые посетил премьер Баварии – Эдмунд Штойбер посетил празднование сороковой годовщины освобождения лагеря. А еще три года спустя наконец открыл двери молодежный центр.

Основные инциденты с 2000 года

На протяжении всего времени существования мемориальных комплексов, связанных с бывшим концлагерем в Дахау, поток антисемитских инцидентов не прекращался. В этом разделе мы остановимся лишь на нескольких особенно вопиющих случаях, произошедших в этом тысячелетии.

В ночь на 16 сентября 2001 года, всего через несколько дней после теракта в Нью-Йорке, два реконструированных барака на территории мемориального комплекса в Дахау были обезображены антисемитскими и антиамериканскими лозунгами, частично весьма странно сформулированными. Например: «США бомбы – газ – сжигание во Вьетнаме – еврейские мудаки жаждут нефти», «Немецкие политики – евреи + прихлебатели американцев», «Евреи добиваются, чтобы их уничтожила Третья мировая война» и «Евреи виноваты в мусульманских терактах в США». Последнее предположение отсылает к

широко распространенному антисемитскому конспирологическому мифу о том, что теракты 11 сентября совершили «евреи» (или конкретно Моссад). Надписи содержали также оскорбления и угрозы в адрес двух членов тогдашнего исполнительного комитета Центрального совета евреев в Германии – Мишеля Фридмана и Шарлотты Кноблех (президентки Еврейской общины Мюнхена и Верхней Баварии). Виновные так и не были установлены.

Еще один пример: утром 2 ноября 2014 года было обнаружено, что неизвестные злоумышленники украли кованые ворота лагеря с печально известной надписью *Arbeit macht frei* («Труд освобождает»). Похищение вызвало возмущение международного сообщества. В конце концов ворота были найдены в норвежском городе Берген примерно два года спустя и возвращены в Дахау.

В 2019 году Николай Нерлинг, печально известный ультраправый видео-блоггер,¹⁸ был пойман за записью материала на заднем дворе мемориального комплекса: в своем очередном видео он разглагольствовал о немецком «культе вины». В частности, он говорил: «Я не чувствую себя виноватым. Подойдите к мемориальному камню, зайдите в лагерь и скажите, что вы не чувствуете себя виноватыми. За свободную Германию и против культа вины!» Кроме того, он обратился к группе школьников, посещавших мемориальный комплекс, сообщив, что им «тут врут». Как мы уже видели, ультраправые давно называют культуру памяти Шоа культом, навязанным внешними силами для унижения, угнетения и эксплуатации немецкой нации. Разумеется, лагерные мемориалы – ключевой объект ненависти в рамках этой логики.

Наконец, во время пандемии Ковида мемориальный комплекс пытались использовать в своих целях воинствующие антипрививочники, приравнивая меры сдерживания пандемии к нацистским преступлениям, а себя – к их жертвам. Вообще приравнивание встречается крайне часто. В следующей главе мы поговорим о другом его проявлении.

Попытки приравнять нацистские преступления к коммунистическому правлению в Восточной Германии

Мемориальные комплексы (в частности, в Дахау) сталкиваются и с более тонкими сложностями. Порой демократические партии Германии с лучшими намерениями предлагают проблематичные инициативы. Яркий пример – «Всеобъемлющая концепция достойной культуры памяти всех жертв обеих

диктатур в Германии», предложенная в 2004 году в Бундестаге парламентской группой CDU/CSU. Концепция отражала широко распространенную в воссоединенной Германии тенденцию уравнивания «Третьего Рейха» и ГДР. Опубликована она была на фоне споров касательно нового закона о лагерных мемориальных комплексах в (бывшей восточногерманской) земле Саксония, не проводившего различий между преступлениями нацистов и репрессиями коммунистов в Восточной Германии. В результате в январе 2004 года Центральный совет евреев в Германии, Центральный совет синти и рома Германии и Федеральная ассоциация жертв нацистской военной юстиции вышли из комитета Саксонского мемориального фонда.

Центральный совет евреев в Германии вернулся в состав комитета в 2010 году с условием, что соответствующий закон будет изменен до следующих земельных выборов. В 2012-ом он действительно был пересмотрен; была добавлена преамбула: «Саксонский мемориальный фонд изучает основные характеристики национал-социалистической и коммунистической диктатуры, включая фундаментальные различия между ними. Он способствует осознанию уникальности Холокоста и не релятивизирует нацистские преступления против человечества по отношению к преступлениям коммунистических режимов.» Правда в интересах показной беспристрастности, преамбула завершается так: «И наоборот, он не преуменьшает значения преступлений коммунистической диктатуры, ссылаясь на сравнение с нацистскими преступлениями.»¹⁹

Хотя мемориал в Дахау (то есть на территории бывшей ФРГ) не был затронут этим законом напрямую, ему тоже пришлось столкнуться с тенденцией приравнивания нацистской Германии к ГДР. Проблематичность этого явления объяснил Саломон Корн в интервью 2007 года: «Если сравнивать гитлеровскую Германию и ГДР, то мы видим с одной стороны беспрецедентный ад, а с другой огромную несправедливость, но лишенную решимости уничтожить конкретные меньшинства или другие народы.» Кроме того, коммунистическая диктатура в Восточной Германии была установлена Советским Союзом против воли значительной части населения. Следовательно, в данном случае зло действительно «кроется в первую очередь не в немецкой истории», и немцы здесь «не агрессоры, а жертвы. Проблема начинается, когда в тени диктатуры SED (СЕПГ: Социалистической единой партии) пытаются реабилитировать и бывших нацистов, выступавших против коммунистического режима – вместо преступников нацизма они становятся жертвами сталинизма.»²⁰

Перспективы

В стремлении содействовать увековечению памяти жертв и образованию новых поколений всякий мемориальный комплекс сталкивается с рядом проблем:

- вышеупомянутое «раздвоение диктатур» в Европе;
- завершение эпохи свидетелей, способных лично подтвердить произошедшее;
- необходимость соотнести опыт иммигрантов с немецкой культурой памяти;
- растущие попытки политиков релятивизировать Шоа;
- растущие публичные проявления антисемитизма.

Все эти проблемы касаются и мемориального комплекса Дахау. В то же самое время большая часть населения Германии (и не только) считает, что нацистскому прошлому и так уделяется слишком много внимания.

- 1 Об этом см. William W. Quinn et al., *SS Dachau*, May 1945, 22–25, archive.org/details/dachau00unse.
- 2 Alfred Werner, «Return to Dachau», *Commentary*, декабрь 1951, www.commentary.org/articles/alfred-werner/return-to-dachau-not-all-the-perfumes-of-arabia.
- 3 «Dachau Exhibition Banned», *Jewish Chronicle*, 5 июня 1953.
- 4 Документальный источник: см. Bayerischer Landtag, 3. Legislaturperiode, Beilage 640, www.bayern.landtag.de/webangebot3/views/vorgangsanzeige/vorgangsanzeige.xhtml?gegenstandid=6529. Администрация лагеря отправляла заключенных, не прошедших «отбор», в газовые камеры Хартхайма (места убийства в рамках нацистского «проекта эвтаназии» недалеко от австрийского города Линц). Систематических массовых убийств в газовых камерах в Дахау не проводилось. Один из выживших Дахау заявил перед Нюрнбергским трибуналом, что в отдельных случаях заключенных убивали в газовой камере в рамках экспериментов с отравляющими веществами. С 1945 года отрицатели Холокоста выделяют случай Дахау, утверждая, что существование газовых камер не доказывает систематических массовых убийств. Кроме того, при этом часто намекают, будто враждебные Германии силы систематически распространяют ложное утверждение, будто массовые убийства в газовых камерах в Дахау проводились.
- 5 Документальный источник: см. Bayerischer Landtag, 3. Legislaturperiode, Beilage 641, www.bayern.landtag.de/webangebot3/views/vorgangsanzeige/vorgangsanzeige.xhtml?gegenstandid=6531.
- 6 «Closing of Dachau Urged», *Jewish Chronicle*, 19 августа 1955.
- 7 «Review of the Year», *Jewish Chronicle*, 16 сентября 1955.
- 8 «Das Streiflicht», *Süddeutsche Zeitung*, 22 июля 1955.
- 9 «Dachau Crematorium to Stay Open. Proposal to Close Memorial Resisted», *The Times*, 22 сентября 1955.
- 10 Все это не повредило карьере Юнкера. Как только партия CSU снова пришла к власти в 1957-ом, он получил пост в министерстве внутренних дел Баварии, а в 1962 году возглавил его. В 1966 году он перешел в преимущественно государственный банковский сектор Баварии.
- 11 Эта молодежная организация впоследствии присоединилась к DKP – новой коммунистической партии, официально созданной в Западной Германии 25 сентября 1968 года (традиционная коммунистическая партия, KPD, была объявлена вне закона в Западной Германии в 1956 году)
- 12 Terry Coleman, «Young Show Emotions at Dachau», *The Guardian*, 9 сентября 1968
- 13 Все перечисленные далее статьи вышли 9 сентября 1968 года: «Leftists Disturb Ceremony at Dachau Memorial», *Jerusalem Post*; «50 Leftists Interrupt Ceremonies at Dachau», *New York Times*; «Youths Disrupt Rite at Dachau», *The Washington Post*; «Ex-Prisoners of Dachau Clash With Students», *The Daily Telegraph*; «Leftist Protests Disrupt Rites At Site of Dachau Death Camp», *International Herald Tribune*; «Leftists Cry Slogans at Dachau Memorial», *The Globe and Mail*; «Students Invade Dachau Ceremony», *The Guardian*; «Dachau Victims Battle with Students», *Daily Mail*; «Riot at Nazi Victims' Shrine», *Daily Mirror*.
- 14 Christopher Warman «Cleaned-Up Dachau Disappoints Visitors», *The Times*, 9 сентября 1968 (следующие цитаты отсюда же).
- 15 Hans Holzhaider, «KZ-Gedenkstätte Dachau: Verweigerung und Vernunft», *Süddeutsche Zeitung*, 17 мая 2010, www.sueddeutsche.de/muenchen/kz-gedenkstaette-dachau-verweigerung-und-vernunft-1.451339.
- 16 «Grüner Spendenaufruf für Auschwitz», *taz*, 13 декабря 1986, taz.de/!1873458.
- 17 Walter Gierlich, «Jugendbegegnungsstätte am Konzentrationslager: „Wir werden uns mit aller Kraft wehren“», *Die Zeit*, 15 мая 1987, www.zeit.de/1987/21/wir-werden-uns-mit-aller-kraft-wehren/komplettansicht; «Letzter Blutstropfen», *Der Spiegel*, 23 июля 1989, <https://www.spiegel.de/politik/letzter-blutstropfen-a-ff4cf92e-0002-0001-0000-000013495259>.
- 18 Ранее работал учителем в начальной школе. Дважды осужден за разжигание ненависти.
- 19 Gesetz zur Änderung des Sächsischen Gedenkstättenstiftungsgesetzes, 16 ноября 2012, www.revosax.sachsen.de/vorschrift/12624-Aend-SaechsGedenkStG#a1.
- 20 Evelyn Finger, «Diktaturenvergleich jetzt! Neuer Streit um die Gedenkpolitik: Was unterscheidet NS-Verbrechen von DDR-Unrecht? Ein Interview mit Salomon Korn», *Die Zeit*, 19 ноября 2007, <https://www.zeit.de/2007/47/Gedenkstaetten>.

Концептуальные рамки и категории

RIAS Bayern верифицирует антисемитские инциденты в диалоге с заявительницами и заявителями, а затем систематически их регистрирует. Эта процедура позволяет сделать выводы о формах, возникновении и развитии проявлений антисемитизма в Баварии. На следующих страницах мы объясняем определения и критерии, на которых основывается наш анализ. Помимо антисемитских преступлений, RIAS также учитывает инциденты, не являющиеся подсудными.

Базой для наших оценок служит «рабочее определение антисемитизма» Международного альянса памяти Холокоста (IHRA), рекомендованное правительством Германии. Это определение было слегка адаптировано для немецкоязычного контекста службой RIAS Berlin и другими берлинскими гражданскими инициативами. Мы используем их наработки и руководствуемся также «Рабочим определением отрицания и искажения Холокоста», принятым альянсом IHRA в 2013 году. Для проведения различия между антиизраильским антисемитизмом и не-антисемитской критикой политики израильских правительств мы пользуемся так называемым «три-Д-тестом», предложенным Натаном Щаранским: антисемитизм выражается в триаде демонизации, делигитимации и двойных стандартов. Значение понятий

и категорий, используемых RIAS Bayern, не всегда совпадает с терминологией, например, немецкой полиции и органов безопасности.

RIAS Bayern категоризирует антисемитские инциденты, постоянно обсуждая с федеральной ассоциацией RIAS e.V. вопросы дальнейшего развития и применения критериев и методов оценки. Ниже-описанные категории, используемые RIAS Bayern для систематической регистрации антисемитских инцидентов, были первоначально разработаны организацией Community Security Trust (CST) в Великобритании и адаптированы RIAS Berlin к немецкому контексту.

Типы инцидентов

Экстремальное насилие определяется как физическое нападение, опасное для жизни и приводящее к серьезным телесным повреждениям. Физические атаки, не угрожающие жизни и не причиняющие серьезных повреждений, регистрируются как **нападения**. В эту категорию также входят неудавшиеся попытки физического насилия. **Целе-направленное повреждение** имущества определяется как повреждение еврейской собственности или осквернение ее антисемитскими символами, плакатами, наклейками и т. д. К этой категории относится повреждение/осквернение памятных мест Шоа – мемориалов, мемориальных досок, «камней преткновения» (*Stolpersteine*) и других памятников жертвам Катастрофы – а также офисов соответствующих организаций. **Угрозой** считается четкая

письменная или устная угроза насилия, адресованная конкретному лицу или учреждению.

Прочие антисемитские высказывания в адрес еврейских и израильских лиц и учреждений, а также антисемитские оскорбления и комментарии независимо от адресата, определяются как **оскорбительное поведение**. Это относится и к антисемитским заявлениям в интернете, если они непосредственно адресованы конкретному лицу или учреждению. Осквернение антисемитскими символами и высказываниям нееврейской собственности также классифицируется как «оскорбительное поведение». Кроме того, RIAS Bayern активно отслеживает собрания и события с известной или предполагаемой антисемитской направленностью – мы наблюдаем происходящее и анализируем контекст, а также освещение в прессе. Если в речах, лозунгах, транспарантах или объявлениях проявляется антисемитизм (согласно описанным критериям), мы заносим мероприятие в графу «оскорбительное поведение.»

Наконец, антисемитские сообщения, адресованные большой группе людей (например, разосланные по мейлу или опубликованные в интернете), регистрируются в категории «антисемитские массовые рассылки».

Антисемитское содержание

С точки зрения содержания RIAS Bayern различает пять видов антисемитизма.

Антисемитское очуждение (othering): понятие «еврей» используется как синоним «чужого», «непринятого». Это происходит, например, когда неевреев называют евреями в качестве оскорбления (или нееврейские учреждения «обвиняют» в «еврействе»).

Религиозные стереотипы относятся к антииудейскому антисемитизму. Классическое проявление: «евреи Христа распяли».

Приписывание евреям особой политической или экономической власти, например, в контексте конспирологических мифов, мы называемым **современным антисемитизмом**.

Антисемитизм после Шоа – это антисемитское отношение к преступлениям нацизма. Сюда относится отрицание, а также отвержение культуры памяти.

Антиизраильский антисемитизм направлен против еврейского государства Израиль. Яркий пример: отрицание его легитимности.

Политическая и идеологическая подоплека

RIAS Bayern классифицирует политическую принадлежность виновников антисемитских инцидентов. Иногда она явно следует из самоназвания организации либо из используемых стереотипов. Однако часто имеющейся информации недостаточно для определения политической принадлежности. В общей сложности мы различаем семь политических спектров:

Ультраправый/правопопулистский спектр. Понятие «ультраправый» мы используем как собирательный термин для обозначения ревизионистских, антидемократических, антиплюралистических и не уважающих права человека взглядов, действий и движений. Объединяющие элементы правого экстремизма – идеологии неравенства, стремление к этнической однородности народов и подчинение личности обществу. «Правый популизм» обозначает смягченный и модернизированный вариант правого экстремизма. В частности, традиционный правый экстремизм обосновывает идеологии неравенства (например, расизм и антисемитизм) прежде всего биологически; правый популизм же использует в основном культурно-религиозные и экономические обоснования. В отличие от правого экстремизма правый популизм стремится не к отмене парламентской демократии, а скорее к ее авторитарной трансформации и подрыву. Правый популизм также понимается как особая форма политической коммуникации и агитации: популисты

утверждают, что резко отличаются и от «политических элит», и от правых экстремистов. Однако ультраправые и правопопулистские антисемитские проявления очень похожи, особенно что касается используемых стереотипов. Поэтому мы объединяем их в общую категорию «правый экстремизм/правый популизм». Сюда относятся и правые движения, причисляющие себя не к немецкому национальному коллективу, а, например, к польскому или турецкому.

Инцидент классифицируется как **левый/антиимпериалистический**, если виновные причисляют себя к левой/антиимпериалистической идеологии и при этом проявляют бинарное, черно-белое мировоззрение – часто освободительного-националистической окраски.

Христианский / христианско-фундаменталистский спектр охватывает антисемитские инциденты, связанные с позитивной отсылкой к христианским верованиям или символике (включая фундаменталистские варианты), если не доминирует какая-либо другая идеологическая или политическая подоплека.

Инциденты классифицируются как **исламские/исламистские**, если они связаны с позитивной отсылкой к мусульманским верованиям или символике (включая фундаменталистские варианты / исламизм), если не доминирует какая-либо другая идеологическая или политическая подоплека.

К **конспирологической среде** относятся группы или отдельные люди, распространяющие антисемитские конспирологические мифы. Их не всегда можно четко локализовать в рамках традиционного политического спектра.

Среда **антиизраильского активизма** также с трудом поддается четкой политической классификации. Мы относим инциденты к этой категории, если антиизраильская мотивация отдельных лиц или групп явно перевешивает другие идеологии (например, левую, правую или исламистскую). Например, RIAS Bayern считает антиизраильским активизмом деятельность нерелигиозных пропалестинских групп и поддержку кампании бойкота против еврейского государства Израиль.

Антисемитские инциденты, не относящиеся к вышеперечисленным категориям, классифицируются как **политически центристские**, если виновные утверждают, что выступают за демократические ценности.

Источники данных

О многих задокументированных инцидентах сообщили непосредственно в RIAS Bayern через сайт www.rias-bayern.de или www.report-antisemitism.de. Кроме того, мы регулярно опрашиваем еврейские и израильские организации Баварии, не сталкивались ли они с проявлениями антисемитизма. Много инцидентов мы обнаруживаем также, активно

отслеживая потенциально антисемитские мероприятия и отчеты о них в СМИ. В наш анализ включена и информация из полицейских отчетов, а также результаты опросов и наблюдений других проектов и организаций гражданского общества, занимающихся отслеживанием и профилактикой антисемитизма.

Антисемитизм? Сообщите нам!

Свяжитесь с нами, если вы **столкнулись с антисемитизмом** или при вас **произошел антисемитский инцидент**.

Мы работаем **конфиденциально**, сохраняем **анонимность** обратившихся – и мы всегда **на стороне потерпевших!**

Report Antisemitism!

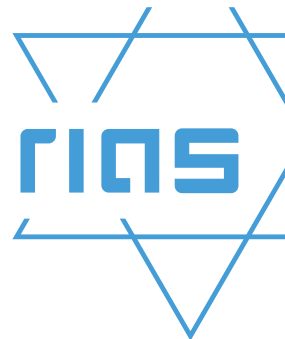
Contact us if you are **affected** by **antisemitism** or are a **witness** to **antisemitic incidents!**

Our service is **confidential**, **anonymizing**, and we stand **unequivocally at the side** of those affected.

Antisemitismus melden!

Wenden Sie sich an uns, wenn Sie von **Antisemitismus betroffen** oder **Zeuge** von antisemitischen Vorfällen sind!

Wir arbeiten **vertraulich**, **anonymisierend** und **parteilich**.

Тел.: 089 1 22 23 40 60
Сайт: rias-bayern.de
Мейл: info@rias-bayern.de

Организатор проекта
RIAS Bayern

VEREIN FÜR **AUFKLÄRUNG**
UND **DEMOKRATIE E.V.**

При поддержке

Bayerisches Staatsministerium für
Familie, Arbeit und Soziales

Публикации не выражают
мнения Министерства по
делам семьи, труда и
социальных вопросов. За
содержание заявлений
отвечают авторы.

RIAS Bayern

Баварский мониторинговый и
информационный центр по борьбе
с антисемитизмом

ЧТО МЫ ПРЕДЛАГАМ

Конфиденциальный прием сообщений об
антисемитских инцидентах

Помощь в подаче заявлений в полицию

Направление в другие службы поддержки
(юридическая, психологическая, политическая,
посттравматическая консультация)

Помощь в публичном распространении информации
о пережитом

Сбор информации о формах антисемитизма,
антисемитских группах и мероприятиях

Вы можете в любой момент сообщить об
антисемитском инциденте через портал www.rias-bayern.de
или по номеру 089 122 23 40 60.

 facebook.com/RIASBayern [@instagram.com/rias_bayern](https://instagram.com/rias_bayern)

 twitter.com/Report_Antisem (Счет федеральной ассоциации)